

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (52)

Январь — март 2017

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

**Главный редактор
М. Л. Белоножко**

Редакционная коллегия
О. М. Барбаков, В. В. Гаврилюк, В. Е. Генин, Б. З. Докторов,
А. П. Егоршин, З. Т. Голенкова, В. И. Звонников, В. К. Левашов, Н. П. Нарбут,
В. В. Пленкина, О. М. Рой, А. Н. Силин, Н. Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76
E-mail: nursafa@inbox.ru

Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2017

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

№ 1 (52)

January — March 2017

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Industrial University of Tyumen

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board

Oleg M. Barbakov, Boris Z. Doktorov, Vera V. Gavriluck, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Nursafa G. Khayrulina (Deputy Editor-in-Chief), Viktor K. Levashov,
Nikolai P. Narbut, Vera V. Plenkina, Oleg M. Roy, Anatoliy N. Silin,
Alexander P. Yegorshin, Victor I. Zvonnikov

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, offices 314
Telephone/Fax: +7 (3452) 28-30-76
E-mail: nursafa@inbox.ru

**Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
Sociology. Economics. Politics, 2017

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

- Алалыкин А. В., Загвязинская Н. М., Яблочкина Т. В.**
Alalykin A. V., Zagvyazinskaya N. M., Yablochkina T. V.
**Парадигма инновационной экономики начала XXI века:
анализ опыта адаптации в России** **6**
Paradigm of innovative economy of the beginning of the XXI century:
an analysis of adaptation experience in Russia
- Кольцова Т. А., Конова Т. А.**
Koltsova T. A., Konova T. A.
О региональных налогах в формировании доходной части бюджета **10**
Regional taxes in the formation of budget revenues

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

- Баханова Е. В.**
Bakhanova E. V.
**Эффективность общественного контроля системы исполнения наказаний:
экспертный опрос** **15**
Effectiveness of public control of the penitentiary system: expert survey
- Шестаков С. А.**
Shestakov S. A.
Правые диссиденты 70-х о российском либерализме **19**
Right-wing dissidents of the 70-th about russian liberalism
- Шульга М. А.**
Shulga M. A.
**О соотношении понятий «политика» и «администрация»
в науке «публик администрейшн»** **23**
On the correlation between the concepts of «politics» and «administration»
in the science of «public administration»

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

- Андрейкин В. Г., Ревякина О. В.**
Andreykin V. G., Revyakina O. V.
Социальное неравенство в современной России 29
Social inequality in modern Russia
- Жидкевич Н. Н.**
Zhidkevich N. N.
Отходники в местном сообществе: восприятие другими и самоощущение 33
Otkhodniks as members of the local community: perception by others and self-perception
- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.**
Zborovsky G. E., Ambarova P. A.
Факторы формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей 39
Factors of formation of temporal behavior strategies of age communities
- Карбаинов Н. И.**
Karbainov N. I.
Ностальгия по советскому прошлому в постсоветской Армении 45
Nostalgia for the soviet past in post-soviet Armenia
- Макарова Г. И.**
Makarova G. I.
Языки в молодежных досуговых средах Казани 49
Languages in youth leisure environments of Kazan
- Омелаенко Н. В., Шарипова Э. М.**
Omelaenko N. V., Sharipova E. M.
Национализм: основные его типы и характеристики 55
Nationalism: types and characteristics
- Синица А. Л.**
Sinitsa A. L.
Пространственные особенности брачности в России в 1990–2015 гг. 59
Spatial peculiarities of nuptiality in Russia in 1990–2015
- Тумакова С. Ю.**
Tumakova S. Yu.
К вопросу о социальной неоднородности российских пенсионеров 64
To the issue of the social heterogeneity of russian pensioners

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В.**
Badmaeva N. V., Idzhaeva B. V.
Проблемы преподавания истории в школах г. Элисты
(по результатам опроса учителей) 69
Problems of teaching history in schools of Elista (based on the results of a survey of teachers)
- Игнатова Е. В., Лукьяненко Л. Р.**
Ignatova E. V., Lukyanenko L. R.
Развитие системы высшего образования: опыт социологического исследования 72
The development of the higher education system: the experience of sociological research
- Фарахутдинов Ш. Ф., Колтунова Ю. И.**
Farakhutdinov Sh. F., Koltunova Yu. I.
Гуманитарное образование в техническом вузе: проблемы и перспективы 76
Liberal education in technical university: problems and prospects

ИНФОРМАЦИЯ
INFORMATION

- Информационное письмо**
О проведении 5–6 октября 2017 года пятого Тюменского международного социологического Форума «Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты» 88

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

УДК 332.1

ПАРАДИГМА ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: АНАЛИЗ ОПЫТА АДАПТАЦИИ В РОССИИ PARADIGM OF INNOVATIVE ECONOMY OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: AN ANALYSIS OF ADAPTATION EXPERIENCE IN RUSSIA

А. В. Алалыкин, Н. М. Загвязинская, Т. В. Яблочкина
A. V. Alalykin, N. M. Zagvyazinskaya, T. V. Yablochkina

Ключевые слова: инновации; инновационная экономика; региональная инновационная система
Key words: innovations; innovative economy; regional innovative system

В статье дается анализ научных работ по вопросу формирования инновационных систем в России и выявления препятствий на пути создания инновационного сектора российской экономики. Рассматриваются факторы торможения инновационного развития в экономике России: экономические, производственные, организационно-правовые.

The paper covers the analysis of scientific works, related to formation of innovative systems in Russia and revealing the barriers in the way of creating the innovative sector of Russian economy. The economical, industrial, organizational and legal factors of slowdown of innovative development in Russian economy are discussed.

Уходя в прошлое, XX век оставил веку XXI главный тренд в развитии экономики современной западной цивилизации — приверженность инновациям во всех сферах жизни социума. Инновационное развитие экономики как единственно перспективное направление обеспечивает экономический рост в долгосрочном периоде и дает импульс производственной активности на протяжении всего обозримого будущего. С начала XXI века теория инновационного развития экономики рассматривается как полноценная научная парадигма [9].

Усиление инновационной компоненты прослеживается во многих научных теориях на протяжении всего XX века [6, 9, 12]. Инновационное преобразование в экономике в качестве ключевой детерминанты экономического роста впервые обозначилось в работах Й. Шумпетера. Его идея о приоритетности изобретений и их внедрении в производство в целях достижения экономического роста была положительно воспринята научным сообществом. Впоследствии она часто использовалась в различных концепциях экономической конкуренции, в теориях экономического роста, начиная с теории экономики отраслевых рынков Э. Мэйсона и Д. Бэйна. Эти авторы отмечали прямую связь между скоростью внедрения инноваций и степенью приближенности реального рынка к модели рынка совершенной конкуренции [9]. В совместном научном исследовании Г. Хамела и К. Прахалады инновации рассматриваются в контексте поиска ценностей завтрашнего дня и создания концептов, формирующих рынки будущего [10].

По вопросу формирования инновационных систем в России имеется масса научных работ, но это мало помогло продвижению инноваций в реальной экономике. Поэто-

му предмет нашего исследования — попытка обозначить препятствия для создания инновационного сектора российской экономики.

Прежде всего, необходимо выяснить, какие инструменты инновационного развития в России используются менее эффективно. По результатам исследований Е. Ю. Хрусталева, Г. А. Лавринова и А. А. Косенко можно выделить: во-первых, в отличие от стран с развитой инновационной системой в России недостаточно развита система государственно-частного партнерства в области реализации инновационных проектов. Доля организаций, получающих финансовую помощь из бюджета на реализацию инновационных проектов, в России на порядок меньше, чем в Германии [11].

Во-вторых, в России пока недостаточно эффективно государственное регулирование предпринимательства в целом и инновационной деятельности в частности. Например, исследования Е. Ю. Хрусталева, Г. А. Лавринова и А. А. Косенко показывают, что рост числа предприятий, действующих в инновационной сфере на территории РФ в последние годы, не превышал 5 % в год, что для масштабов страны является недостаточным [11]. По оценкам рейтингового агентства А. Т. Kearney, Россия в 2014 году выбыла из числа 25 самых привлекательных для инвесторов стран мира, хотя еще в 2013 году занимала по привлекательности 11-е место, а по абсолютным показателям — 3-е [7].

В-третьих, что касается научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), то необходимо отметить, что Россия тратит на науку в 5 раз меньше, чем Германия, и в 25 раз меньше, чем США, хотя внутренние затраты на исследования и разработки в нашей стране (в текущих ценах) неуклонно возрастали [11]. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, расходы федерального бюджета России на НИОКР на протяжении последних пяти лет составляют примерно 5 % общих расходов федерального бюджета с тенденцией к росту: с 4,08 % в 2010 году, до 4,96 % в 2014 году. Однако по прогнозу Аналитического центра при правительстве РФ в 2016 году расходы федерального бюджета на НИОКР снизятся до 3,25 % расходной части федерального бюджета [2].

Таким образом, почти по всем позициям наблюдается существенное отставание, однако причины такого положения в инновационном секторе российской экономики в исследованиях Е. Ю. Хрусталева, Г. А. Лавринова и А. А. Косенко не рассматриваются.

Е. В. Гончарова и другие авторы группируют факторы торможения инновационного развития в России таким образом.

Со стороны экономики отмечаются факторы: 1) недостаток собственных денежных средств и финансовой поддержки со стороны государства; 2) низкий платежеспособный спрос на инновационную продукцию; 3) высокая стоимость и экономический риск нововведений; 4) длительные сроки окупаемости инновационных проектов.

Организационно-правовые факторы: 1) недостаточность законодательной и нормативно-правовой базы; 2) неразвитость инновационной инфраструктуры; 3) неразвитость рынка технологий; 4) низкий уровень организации производства и управления [3].

В диссертационном исследовании А. Н. Коровиной «Инновационные процессы в России и источники их торможения» приводятся причины инновационного отставания России. Во-первых, «слабое видение у предпринимателей долгосрочных экономических интересов по сравнению с краткосрочными в нашей стране». Во-вторых, на индекс инновационной активности предпринимателей влияет степень развития необходимых для этого институтов и институциональная устойчивость среды [5].

Причины торможения инновационного развития промышленности РФ рассматриваются в исследовании Б. А. Демильхановой, которая предлагает разделить их на два блока: барьеры первого уровня — институциональные, барьеры второго уровня — конкурентной среды, финансовые, кадрового обеспечения и социально-психологические. Автор раскрывает смысл институциональных препятствий, понимая под ними несбалансированность различных норм законодательства, регулирующих практику стандартов

независимой научной экспертизы проектов и их результатов, вопросы разработки технических регламентов и т. д. По ее мнению, в нашей стране недостаточно развита правовая база в сфере защиты интеллектуальной собственности [4].

И. Д. Пожарский, проанализировав инновационную пассивность крупного российского капитала, отмечает некоторые особенности [11]. Во-первых, «Российский крупный капитал пассивен в инновационной сфере не потому, что он неполноценный по природе и уступает в креативности западным корпорациям, а исключительно потому, что имеет возможность получать сверхдоходы не в результате инновационной деятельности, а благодаря коррупционным схемам» [8]. Во-вторых, отвлекающим от инновационного тренда фактором для российского капитала стала возможность доступа к спекулятивным сделкам. Соотношение реального и спекулятивного секторов экономики, по словам автора, соотносится в начале XXI века как 1 к 50. На этом фоне инновации, требующие повышенных затрат и сопряженные с повышенным уровнем риска, выглядят гораздо менее выгодными [8].

И. Д. Пожарский делает вывод, что «инновационная немощь российского крупного бизнеса является не врожденным его свойством, а результатом воздействия неблагоприятных факторов, которые вытекают из природы существующей в стране модели социально-экономического развития. Поэтому для превращения крупного бизнеса в локомотив инновационного процесса требуется серьезная перестройка всей системы общественных отношений» [8].

Инновационные процессы требуют значительных инвестиций. Поэтому начавший ухудшаться в 2014 году инвестиционный климат в России повлек за собой снижение инновационной активности, в 2015–2016 гг. этот процесс продолжился. Для улучшения ситуации в экономике руководству страны необходимо устранять препятствия на пути капитала. Главным блокирующим фактором для любых инвестиций, в том числе и в инновационный сектор, по мнению С. Д. Агеевой, является макроэкономическая нестабильность страны. Это обстоятельство способствует высоким темпам роста вложений российского капитала в зарубежные активы. Из-за санкций, введенных по отношению к России западными странами, макроэкономическая ситуация в стране ухудшилась. Однако руководство страны вполне может попытаться улучшить положение внутри в других сферах, определяющих инвестиционный климат наряду с макроэкономикой. С. Д. Агеева считает, что для этого необходимо снижение коррупции, верховенство закона, прозрачность и понятность нормативно-правовой базы и способность защиты авторских прав [1].

Для ускорения адаптации инновационной парадигмы в российской экономике и перехода на инновационный путь развития правительство должно решить несколько задач.

Первое и самое основное, на наш взгляд, — это помощь бизнесу в открытии малых и средних предприятий. Власть, помимо роста числа новых рабочих мест, увеличения налоговых поступлений в региональный бюджет, получает развитие и усиление конкуренции в отраслях. Это вызовет потребность в инновациях, и, как следствие, всю цепочку инновационных изменений при системном подходе.

Необходима реальная поддержка предпринимательства региональными властями с целью упрощения и ускорения организации бизнеса. Государственная поддержка региональной индустриализации не замедлит сказаться ростом регионального валового продукта, ростом числа новых рабочих мест и, как следствие, прогрессом по большинству основных социально-экономическим показателей.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию в Тюменском регионе. Утратив часть дохода от нефтяной и газовой отраслей (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа стали самостоятельными субъектами Федерации), правительство Тюменской области приступило к разработке и осуществлению программы индустриализации региона — юга Тюменской области. С начала 2000-х гг. через активное привлечение инвесторов и практику частно-государственного партнерства Тюменская область начала энергичное строительство индустриальных объектов. И уже в 2015 году уровень индустриализации стал весьма показателен.

Эту тенденцию характеризует показатель роста количества субъектов малого и среднего предпринимательства. В отчете губернатора Тюменской области В. В. Якушева за 2015 год отмечается, что область входит в первую десятку регионов по развитию малого бизнеса. «В 2015 году оборот продукции и услуг, производимых малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями, превысил 470 млрд рублей. Этот показатель в расчете на душу населения вывел Тюменскую область на 6-е место среди субъектов РФ» [13]. Привлекательны и перспективы дальнейшего развития. «В национальном рейтинге состояния инвестиционного климата область занимает 15-е место и входит в группу регионов с комфортными условиями для бизнеса. Агентство стратегических инициатив высоко оценило эффективность региональных институтов, обеспечивающих защищенность и поддержку бизнеса» [13].

Не существует универсальной инновационной модели, которую можно применять во всех регионах для любого вида инновационной деятельности в любое время. Каждый регион, каждое государство организует подобную работу, опираясь на собственные ресурсы, исходя из актуальности стоящих перед ним задач. Вопрос о том, какая инновационная модель подходит конкретному отдельному региону, остается открытым, и ответ лежит всегда в практической плоскости.

В завершении предпринятого анализа следует отметить, что все элементы полноценной современной инновационной системы в России в основном созданы. В настоящее время необходимо обеспечить инновационной среде массовую субъектность, то есть способствовать росту количества инноваторов — изобретателей, рационализаторов производства, имеющих успех в среде инвесторов бизнеса, — так называемых «бизнес-ангелов». Не менее важно обеспечить контакт российского бизнес-сообщества с университетами, способными активно генерировать инновационные идеи, откликаясь на запросы компаний. При таком сотрудничестве развитие инновационной экономики получит в России серьезную опору на много лет вперед.

Список литературы

1. Агеева С. Д. Перспективы инновационной России. Две позиции, или взгляд изнутри и извне / С. Д. Агеева // ЭКО. – 2011. – № 11 (449). – С. 11–15.
2. Аналитический центр при Правительстве РФ. Аналитический отчет. Ежегодный мониторинг средств, выделенных из федерального бюджета на НИОКР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/attachment/4879.pdf>.
3. Гончарова Е. В. Активизация инновационной деятельности российских промышленных предприятий для повышения их конкурентоспособности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 [Электронный ресурс] / Гончарова Екатерина Валерьевна. – Режим доступа: <http://www.guu.ru/files/referate/goncharova.pdf>.
4. Демильханова Б. А. Барьеры инновационного развития промышленного комплекса [Электронный ресурс] / Б. А. Демильханова // Креативная экономика. – 2012. – № 1 (61). – С. 16–22. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/15295/>.
5. Коровина А. Н. Инновационные процессы в России и источники их торможения: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 [Электронный ресурс] / Коровина Анна Николаевна. – Кострома, 2006. – 168 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/218502/>.
6. Кудашов В. И. Генезис теории инновационного развития [Электронный ресурс] / В. И. Кудашов, М. М. Шоломицкая // Экономика и управление. – 2011. – № 3. – Режим доступа: http://media.miu.by/files/store/items/eiup/27/eiu_27_2011_9.pdf.
7. Официальный сайт Prian.ru. Недвижимость за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prian.ru/news/32631.html>.
8. Пожарский И. Д. Причины инновационной пассивности российского крупного капитала [Электронный ресурс] / И. Д. Пожарский // Сайт Российской социалистической партии. – Режим доступа: http://www.rspart.ru/newdet/prichiny_innovatsionnoj_passivnosti_rossijskogo_kr.htm.
9. Тараненко И. В. Особенности инновационной конкуренции в условиях глобализации мировой экономики [Электронный ресурс] / И. В. Тараненко // Journal of Economic Regulation

(Вопросы регулирования экономики). – 2010. – Т. 1, № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-innovatsionnoy-konkurentsii-v-usloviyah-globalizatsii-mirovoy-ekonomiki#ixzz3K5fW3AGL>.

10. Хамел Г. Конкуренция за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К. Прахалад. – М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2014. – 288 с.

11. Хрусталева Е. Ю. Инновационный климат в наукоемком и высокотехнологичном комплексе экономики России / Е. Ю. Хрусталева, Г. А. Лавринов, А. А. Косенко // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 17 (320).

12. Шпотов Б. О современных теориях конкурентных преимуществ и отраслевого лидерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/management/leading_theories.shtml.

13. Якушев В. В. Отчет губернатора Тюменской области о результатах деятельности правительства Тюменской области за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://admtymen.ru/ogv_ru/block/important/report2duma.htm.

Сведения об авторах

Алалыкин Александр Валерьевич, к. с. н., доцент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел. 89058215511, e-mail: myschy-1971@mail.ru

Загвязинская Наталья Михайловна, к. пед. н., доцент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел. 89129268503, e-mail: zagvnm@gmail.com

Яблочкина Татьяна Владимировна, старший преподаватель, Тюменский государственный медицинский университет, г. Тюмень, тел. 89222664567, e-mail: rs001@yandex.ru

Alalykin A. V., Candidate of Science in Sociology, associate professor, Tyumen state University, phone: 89058215511, e-mail: myschy-1971@mail.ru

Zagvyazinskaya N. M., Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Tyumen state university, phone: 89129268503, e-mail: zagvnm@gmail.com

Yablochkina T. V., senior lecturer, Tyumen State Medical University, phone: 89129268503, e-mail: rs001@yandex.ru

УДК 336.22

О РЕГИОНАЛЬНЫХ НАЛОГАХ В ФОРМИРОВАНИИ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ БЮДЖЕТА REGIONAL TAXES IN THE FORMATION OF BUDGET REVENUES

Т. А. Кольцова, Т. А. Конова
T. A. Koltsova, T. A. Konova

Ключевые слова: региональные налоги; консолидированный бюджет; структура и динамика налоговых поступлений; налоговый потенциал региона; рост доходов бюджета
Key words: regional taxes; the consolidated budget; the structure and dynamics of tax revenue; the tax potential of the region; the growth of budget revenues

В статье проанализированы структура и динамика налоговых доходов в консолидированном бюджете Тюменской области за 2013–2015 гг. по группам налогов, динамика поступления региональных налогов в бюджет по видам и их структура в консолидированном бюджете за указанный период. Полученные результаты позволили сделать выводы о тенденциях и закономерностях в структуре и динамике поступления региональных налогов в консолиди-

рованный бюджет Тюменской области, сформулировать причины изменений и возможные пути увеличения доходов областного бюджета.

The paper analyzes the structure and dynamics of tax revenues in the consolidated budget of the Tyumen region in 2013–2015 by groups of taxes, the dynamics of the regional tax revenue by type and their structure in the consolidated budget in specified period. The obtained results allowed to draw conclusions about trends and patterns in the structure and dynamics of regional tax revenue in the consolidated budget of the Tyumen region, to identify the causes for the changes and find the possible ways to increase the regional budget revenues.

Налоговая система — это главный рычаг государственного регулирования социально-экономического развития страны, важнейших отраслей экономики, внешнеэкономической деятельности. Одним из инструментов проведения экономической политики государства были и остаются налоги. Налоги как особая форма финансовых отношений обеспечивают формирование доходной части бюджетов всех уровней.

Доходы региональных бюджетов формируются за счет региональных налогов, неналоговых доходов и некоторых федеральных налогов и сборов, а также налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами. Средства региональных бюджетов предназначены для обеспечения функционирования органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, формирования государственной собственности субъектов РФ, реализации региональных целевых программ, осуществления международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ и других целей.

Особая роль в формировании региональных бюджетов принадлежит региональным налогам, установление, введение и взимание которых связано с разграничением налоговых полномочий между РФ и ее субъектами. Региональная налоговая система, с одной стороны, должна способствовать развитию экономики, с другой — повышению собираемости и созданию прочной доходной базы. В связи с этим анализ структуры и динамики налоговых доходов в областном бюджете представляется актуальным.

Анализ структуры и динамики налоговых поступлений в консолидированный бюджет Тюменской области проведем, используя форму №1-НМ «Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ» за 2013–2015 гг. [4] (табл. 1).

Таблица 1

Структура и динамика налоговых поступлений

Показатель	2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	сумма, тыс. руб.	уд. вес, %	сумма, тыс. руб.	уд. вес, %	сумма, тыс. руб.	уд. вес, %
Налоговые доходы — всего, в т. ч.	100 999 454	100	161 598 186	100	162 594 494	100
Федеральные налоги	92 961 220	92	152 744 352	94	152 714 876	94
Региональные налоги	6 675 766	7	7 418 648	5	8 504 308	5
Местные налоги	1 362 468	1	1 435 186	1	1 375 310	1

Приведенные данные свидетельствуют о росте налоговых доходов за изучаемый период. Наблюдается тенденция увеличения доли налоговых доходов от федеральных налогов с 92 до 94 %, зачисляемых по нормативам в областной бюджет и местные бюджеты.

Величина региональных налогов снижается, их удельный вес уменьшился в 2015 г. на 2 % по сравнению с 2013 г. Доля местных налогов остается неизменной — в пределах 1 %.

Оценим динамику поступления региональных налогов в бюджет Тюменской области за 2013–2015 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика поступления региональных налогов

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп прироста, %		Абсолютное отклонение, тыс.руб.	
				2014 к 2013	2015 к 2014	2014 к 2013	2015 к 2014
Налог на имущество организаций	5 856 591	6 557 731	7 492 190	12,0	14,25	701 140	934 459
Транспортный налог — всего, в т. ч.	816 986	858 578	1 009 613	5,10	17,60	41 592	151 035
с организаций	343 138	352 988	362 103	2,88	2,59	9 850	9 115
с физических лиц	473 758	505 590	647 510	6,72	28,07	31 832	141 920
Налог на игорный бизнес	2 189	2 339	2 505	6,85	7,09	150	166

Как видим, наибольшие суммы в доходах бюджета занимает налог на имущество организаций, его поступление ежегодно растет. Так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. прирост денежных средств составил 701 140 тыс. руб., а в 2015 г. против 2014 г. — 934 459 тыс. руб.

В 2014 г. транспортный налог вырос по сравнению с 2013 г. на 41 592 тыс. руб., в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — на 151 035 тыс. руб. Анализируя транспортный налог в разрезе налогоплательщиков, видим, что более 60 % поступлений приходится на налогоплательщиков — физических лиц, а не на организации.

Прирост доходов по налогу на игорный бизнес, а также абсолютное отклонение — незначительные. В 2014 г. поступления в бюджет по данному налогу увеличились на 150 тыс. руб. и составили 2 339 тыс. руб., в 2015 г. прирост равен 166 тыс. руб. по сравнению с 2014 г.

Структуру региональных налогов в консолидированном бюджете Тюменской области за 2013–2015 гг. можно проследить по данным (табл. 3).

Таблица 3

Структура региональных налогов

Показатель	2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	сумма, тыс. руб.	уд.вес, %	сумма, тыс. руб.	уд.вес, %	сумма, тыс. руб.	уд.вес, %
Всего региональных налогов, в т. ч.	6 675 766	100	7 418 648	100	8 504 308	100
Налог на имущество организаций	5 856 591	87,73	6 557 731	88,40	7 492 190	88,10
Транспортный налог	816 986	12,24	858 578	11,57	1 009 613	11,87
Налог на игорный бизнес	2 189	0,03	2 339	0,03	2 505	0,03

Приведенные данные показали, что наибольший удельный вес занимает налог на имущество организаций — 87,73 % в 2013 году; 88,4 % — в 2014 г.; 88,1 % — в 2015 г.

Второе место приходится на поступления транспортного налога, в 2013 году его доля составила 12,24 %, в последующие годы она уменьшилась до 11,57 и 11,87 %. Удельный вес налога на игорный бизнес весьма незначительный и составляет всего 0,03 % во всем анализируемом периоде.

Указанная динамика поступления налогов связана с рядом причин, в том числе и с изменениями в НК РФ. Отметим некоторые из них по налогу на имущество [2]:

- налоговая база в части жилых домов, а также помещений, которые не учитываются как объекты основных средств, определяется как их кадастровая стоимость;
- по объектам, право собственности на которые возникло или прекратилось в налоговом периоде, исчисляются налог, исходя из кадастровой стоимости с учетом специального коэффициента;
- используется предельное значение налоговой ставки по железнодорожным путям общего пользования, магистральным трубопроводам и линиям передачи энергии, сооружениям, являющихся технологической частью перечисленных объектов;
- изменение кадастровой стоимости недвижимого имущества из-за исправления ошибки, допущенной ранее Росреестром, предполагает применение новой стоимости с того периода, в котором она была совершена;
- облагается налогом движимое имущество, принятое на учет после 1 января 2013 г. в качестве основных средств в результате реорганизации или ликвидации юридического лица от взаимозависимого лица;
- налоговая база определяется без учета стоимостного выражения предстоящих затрат, связанных с имуществом;
- в случае принятия решения уполномоченными на то органами об изменении кадастровой стоимости новая величина учитывается при расчете налога с того периода, в котором было подано заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не раньше даты внесения уточняемой стоимости в Госкадастр недвижимости;
- применяется нулевая ставка налога к недвижимому имуществу магистральных газопроводов (их технологических частей), объектов газодобычи, производства и хранения гелия при соблюдении некоторых условий.

Законодательство по транспортному налогу претерпело следующие изменения [2]:

- применяется повышающий коэффициент при расчете авансовых платежей по дорожному автотранспорту;
- физические лица уплачивают транспортный налог не позднее 1 октября года, следующего за налоговым периодом.

Можно отметить и пути возможного увеличения налогового потенциала Тюменской области [5, 6]:

- рост объемов инвестиций, привлекаемых для реновации основного капитала хозяйствующих субъектов;
- повышение темпов экономического роста, а также инвестиционной активности организаций;
- совершенствование работы по обеспечению собираемости налогов, сокращению задолженности прошлых лет.
- активное противодействие незаконной минимизации налога на имущество налогоплательщиками.

Считается, что регион является финансово независимым, если собственные источники финансирования составляют не менее 80 % бюджетных средств [3]. Продолжительный период перманентного реформирования и совершенствования налогового и бюджетного законодательства не привели к существенному пополнению бюджета.

Недостаточность средств в бюджете можно объяснить общим состоянием экономики страны, недостатком поступлений и возросшими расходами [1]. Постепенно, по мере выхода экономики из кризиса, данная причина будет сведена на нет. Но есть и другие причины ограниченности финансовых ресурсов. К ним можно отнести

достаточно низкий уровень заинтересованности органов власти в развитии налоговой базы, необоснованность распределения налогов между уровнями бюджетов, ограничение прав региональных и местных органов в управлении налогами и т. д.

Рост доходов областного бюджета может быть при установлении новых источников поступлений или расширении действующей базы бюджета. При этом целесообразно закреплять налоговые источники, соответствующие следующим критериям [3]:

- мобильность налоговой базы;
- налоговая база равномерно размещена по территории региона;
- налоги непосредственно связаны с уровнем благосостояния населения данной территории;
- региональные и местные органы имеют возможность влиять на базу налогообложения и собираемость налогов.

Налоговая политика Тюменской области в 2015–2017 гг. нацелена на рост уровня собственных доходов бюджета, создание условий для устойчивого развития экономики. Планируется продолжение работы по выявлению и предупреждению случаев уклонения от уплаты НДС; взаимодействию с крупными налогоплательщиками, ведущими свою деятельность в регионе.

Список литературы

1. Кольцова Т. А. Оценка поступления региональных налогов в территориальные бюджеты / Т. А. Кольцова, Т. Н. Чекулаева // Академический вестник № 1 (27): научно-аналитический журнал. – Тюмень: Изд-во Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, 2014. – С. 180–187.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ): офиц. текст от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
3. Особенности региональной бюджетной системы в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laboureconomics.ru/regioneconomics/113-russianbudget>.
4. Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/.
5. Способы увеличения налоговых поступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.wideworld.ru/macroeconomics/regulation_mechanism/fiscal_system/3/10/.
6. Хайруллина Н. Г. Профессиональное развитие муниципальных служащих / Н. Г. Хайруллина, О. В. Устинова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005.

Сведения об авторах

Кольцова Татьяна Александровна, к. э. н., доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел. 89044909299, e-mail: tak72@mail.ru

Koltsova T. A., Candidate of Science in Economics, associate professor, Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, phone: 89044909299, e-mail: tak72@mail.ru

Конова Татьяна Александровна, к. т. н., заведующий кафедрой естественных наук и общепрофессиональных дисциплин, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, тел. 89324709997, e-mail: tatkoten@mail.ru

Konova T. A., Candidate of Engineering Sciences, professor of natural science and general professional disciplines Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakova, phone: 89324709997, e-mail: tatkoten@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

УДК 316:354

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС EFFECTIVENESS OF PUBLIC CONTROL OF THE PENITENTIARY SYSTEM: EXPERT SURVEY

Е. В. Баханова
E. V. Bakhanova

Ключевые слова: общественный контроль; пенитенциарная система; солидарность
Key words: public control; the penitentiary system; solidarity

Автор на основании анализа результатов экспертного опроса по проблеме общественного контроля системы исполнения наказаний проводит оценку факторов, влияющих на успешность проведения контрольных мероприятий. Отмечается, что выделенные как наиболее важные факторы могут рассматриваться в рамках философской концепции «социального признания» А. Хоннета для формирования солидарности и позитивных взаимоотношений среди членов общественных комиссий. Сформулированы проблемы общественного контроля системы исполнения наказаний и возможные пути их решения.

The author on the basis of the analysis of the results of the expert survey on the issue of public control of the penitentiary system assesses the factors affecting the success of control measures. It is noted that the selected as the most important factors can be considered in the framework of the philosophical concept of «social acceptance» A. Honneth to form positive relationships and solidarity among members of public commissions. The problems of public control of the penitentiary system and possible solutions are formulated.

Общественный контроль системы исполнения наказаний имеет особенности и отношения, которые регулируются нормами права, очевидные и обоснованные, и социальные свойства и отношения, которые можно познать только опосредованно, вследствие междисциплинарных исследований, сопоставления данных разных наук. Благодаря данному подходу можно выделить прямые и косвенные факторы, влияние разных характеристик и свойств на эффективность деятельности общественных контролеров. Изучая социальные факторы общественного контроля системы исполнения наказаний, мы получаем новые параметры, появляющиеся с изменением общественных отношений и формирующиеся на основании теоретических положений новейших концепций, для внесения изменений уже в нормативные акты. Меняется сама система контроля, ее показатели эффективности и значимые отношения.

В многочисленных публикациях (Е. Г. Андрищенко, В. Т. Волков, З. Т. Голенкова, А. Н. Гостев и др.) общественный контроль рассматривается как часть социального контроля, наравне с государственным контролем. При этом, если система государственного контроля за учреждениями системы исполнения наказаний развита достаточно полно, то общественный контроль только развивается и нуждается в пристальном внимании научной общественности. Важное значение имеет выделение факторов эффективности кон-

трольной деятельности, так как она связана с определением общей социальной активности населения и выделением сферы общественного интереса [1–4].

В свете вышеизложенного актуальным стало проведение экспертного опроса, направленного на выявление основных ключевых тенденций в понимании и интерпретации значимых факторов успешности проведения контрольных мероприятий мест принудительного содержания. Под успешностью понималась социальная эффективность деятельности членов общественных наблюдательных комиссий при использовании технологий сетевых социальных взаимодействий субъектов общественного контроля с учреждениями системы исполнения наказаний и между собой как агентов (в понимании П. Бурдые). Данный подход позволил определить проблемные сферы в социальных технологиях взаимодействий в процессе общественного контроля как «способов осуществления деятельности на основе рационального расчленения ее на процедуры и операции с их последующей координацией, синхронизацией и выбором оптимальных средств и методов их выполнения» [6, 7, 9, 10].

В опросе, проведенном в апреле 2016 года, приняли участие 10 экспертов из числа членов общественных наблюдательных комиссий за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания (ОНК) из 5 регионов РФ и представители аппарата уполномоченного по правам человека из 3 регионов ПФО РФ. Список экспертов формировался на основании метода «список экспертов» и оценки компетентности экспертов С. Б. Крымского, коэффициент конкордации $W = 0,406$, критерий согласия Пирсона $\chi^2 = 44,69$. Опрос проводился методом ранжирования 12 факторов, выделенных на основании контент-анализа литературы и публикаций в СМИ.

Анализ результатов опроса (таблица) показал, что экспертное сообщество на первое место в значимости ставит «профессиональную компетентность экспертов» общественного контроля. Для 20 % опрошиваемых этот фактор абсолютно значим, для 50 % он стоит на втором месте. Два эксперта поставили на первое место «конструктивное позитивное взаимодействие с руководством УФСИН» и «репутацию экспертов общественного контроля». Все три фактора образуют своеобразное ядро факторов эффективности общественного контроля, достаточно отдаляясь от остальных по весам. Близко к ним находятся такие факторы, как «опыт решения выявленных проблем» и «участие в профильных семинарах», которые могут собственно рассматриваться как индикаторы профессиональной компетентности контролеров.

Это достаточно интересные показатели, поскольку в зарубежной литературе все большую популярность получает философская концепция «социального признания» А. Хоннета. Речь идет о смещении формирования государственности и общественных взаимоотношений в ценностном оценивании с системы нравственности на теорию «практических ценностей» [11]. Вслед за Г. Гегелем и Дж. Мидом А. Хоннет анализирует возникновение социальных отношений на основании достижений и заслуг перед обществом. Согласно концепции автора, «носителями каких-либо прав мы можем быть лишь в том случае, если признаны как члены общественного целого» [5]. В сфере социального признания первостепенное значение приобретают индивидуальные качества, благодаря которым достижения субъекта имеют большую практическую ценность для данного общества. Конкретные особенности человека воспринимаются как соответствующие ценностям общества, и его достижения признаются как содействие осуществлению общих целей. Более того, по А. Хоннету признание через выражение солидарности или оценку общества прямо способствует развитию самооценки человека. Общество, признающее индивидуальные качества субъекта, формирует в нем само признание, которое, в свою очередь, ведет к интуитивному полаганию на эти способности.

Сводная таблица результатов экспертного опроса

Факторы, влияющие на результаты общественного контроля системы исполнения наказаний	Сумма рангов	Отклонение суммы рангов	Квадрат отклонения	Место	Вес показателя
Профессиональная компетентность экспертов	19	-46	2116	1	0,153
Конструктивное позитивное взаимодействие с руководством УФСИН	37	-28	784	2	0,126
Критическое взаимодействие с руководством УФСИН	88	23	529	10	0,0485
Участие в проведении обучающих семинаров	54	-11	121	5	0,1
Количество экспертов общественного контроля	78	13	169	7	0,0636
Личная заинтересованность экспертов общественного контроля	84	19	361	9	0,0545
Репутация экспертов общественного контроля	49	-16	256	3	0,108
Позитивное взаимодействие среди членов общественного контроля	63	-2	4	6	0,0864
Количество проверок учреждения	88	23	529	11	0,0485
Репутация общественного объединения, выдвинувшего члена ОНК	89	24	576	12	0,047
Результаты предыдущих проверок, опыт решения выявленных проблем	52	-13	169	4	0,103
Позитивное взаимодействие с другими субъектами общественного контроля (СМИ и др.)	79	14	196	8	0,0621

Совокупность отношений, связанных с признанием социальной ценности субъектов, А. Хоннет подводит под категорию «солидарности». Это такая форма отношений, в которой субъекты участвуют в жизни друг друга симметричным образом, признавая ценность каждого из них. Отношение такого рода могут называться «солидаристскими», поскольку они пробуждают не только пассивную терпимость к индивидуальным особенностям других лиц, но и заинтересованное соучастие в них. Общественный контроль можно рассматривать как инициативную «солидаристскую» совместную деятельность лишь в случае активного соучастия и признания участниками контрольных действий друг друга.

Возвращаясь к анализу результатов экспертного опроса, отметим, что следующую своеобразную группу составили факторы внутригруппового взаимодействия общественных контролеров. Так, «позитивное взаимодействие среди членов общественного контроля» имеет вес $\lambda = 0,086$, «количество экспертов общественного контроля» — $\lambda = 0,063$, «позитивное взаимодействие с другими субъектами общественного контроля» — $\lambda = 0,062$. Противоречивую оценку получил фактор «личная заинтересованность экспертов общественного контроля». 50 % экспертов поставили его на последнее или предпоследнее место, а 20 %, куда вошли члены ОНК, — в тройку значимых. Возможно, данный фактор требует более детального изучения и анализа.

В группу наименее значимых факторов вошли: «критическое взаимодействие с руководством УФСИН», «количество проверок учреждения» и «репутация общественного

объединения, выдвинувшего члена ОНК». Последний фактор опять же оценивался неоднозначно. Было выявлено противоречие между 40 % экспертов по факторам «личная заинтересованность экспертов общественного контроля» и «репутация общественного объединения, выдвинувшего члена ОНК». Эксперты, которые высоко оценили влияние «личной заинтересованности», не отметили значимости «репутации общественного объединения» и наоборот.

В целом результаты экспертного опроса, помимо общих описанных тенденций в оценке значимых факторов, позволили выделить в деятельности общественных наблюдательных комиссий за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания следующие проблемы:

- отсутствие единого мнения среди членов ОНК в отношении роли общественных объединений, СМИ, попечительских советов учреждений, других внешних организованных групп в проведении контрольных действий и участия в общественном контроле системы исполнения наказаний в целом. Деятельность различных общественных объединений, таких форм социальных институтов как образовательные учреждения, религиозные, культурные, спортивные объединения также может внести определенный вклад в общественном контроле над учреждениями исполнения наказаний;
- расхождения в оценке факторов эффективности со стороны общественных контролеров и медиаторов общественных отношений — представителей аппарата уполномоченного по правам человека. Так как уполномоченные имеют возможность посещать учреждения с целью проверки, важно учитывать мнение структур-медиаторов относительно деятельности членов ОНК.

Общественный контроль системы исполнения наказаний в социологической теории, конкретнее в терминологии концепции мультиагентного подхода П. Бурдые и Э. Гидденса рассматривается как целенаправленное взаимодействие социальных агентов, объединенных на основании эмерджентности ресурсного потенциала (экономического, культурного, символического) [3, 4]. Выделенная иерархия групп факторов эффективности: индивидуального профессионализма, внутригрупповых взаимоотношений и формальной социальной оценки своей деятельности со стороны позволяет распределить оценку необходимых для общественного контроля социальных ресурсов и в соответствии с этим уже моделировать максимально эффективную деятельность общественных контролеров в системе исполнения наказаний. Для системы исполнения наказаний это наиболее значимо, поскольку в отличие от других социальных институтов доступ в учреждения системы исполнения наказаний может быть открыт далеко не всем. Важно определить минимально необходимое количество участников контроля с максимальным набором социальных ресурсов и квалификаций.

Список литературы

1. Андрющенко Е. Г. Свобода прессы и безадресность массовой информации / Е. Г. Андрющенко // Социальная политика и социология. – 2010. – № 4 (58). – С. 21–42.
2. Волов В. Т. Высшее образование осужденных как фактор социальной безопасности общества / В. Т. Волов // Юридическая наука и практика. – 2014. – С. 35–38.
3. Голенкова З. Т. Новые слои в социальной структуре российского общества / З. Т. Голенкова // Общество и социология в современной России. – 2015. – С. 11–21.
4. Гостев А. Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография / А. Н. Гостев, Т. С. Демченко; Современная гуманитарная академия. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 192 с.
5. Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И. И. Блауберг. – М.: ИФРАН, 2012. – 211 с.

6. Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В. Н. Иванов. – М.: Луч; Белгород: Центр социальных технологий, 1995. – 309 с.
7. Сурмин Ю. П. Теория социальных технологий / Ю. П. Сурмин, Н. В. Туленков. – К.: МАУП, 2004. – 608 с.
8. Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Stanford University Press, 1998.
9. Grenfell M. Pierre Bourdieu: Agent Provocateur. A&C Black, 2004. – 214 p.
10. Honneth A. Die soziale Dynamik der Mißachtung. Zur Ortsbestimmung einer kritischen Gesellschafts theorie // Honneth A. Das Andere der Gerechtigkeit. Frankfurt. – М.: Suhrkamp, 2000. – P. 97–98.

Сведения об авторе

Баханова Елена Викторовна, к. с. н., зам. председателя Общественного совета при Управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Ульяновской области, г. Ульяновск, тел. 89278118585, e-mail: bakhanova@inbox.ru

Bakhanova E. V., Candidate of Science in Sociology, Deputy of chairman of the Public Council under the Office of the Federal Penitentiary Service for the Ulyanovsk region, phone: 89278118585, e-mail: bakhanova@inbox.ru

УДК 32.001

ПРАВЫЕ ДИССИДЕНТЫ 70-Х О РОССИЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ
RIGHT-WING DISSIDENTS OF THE 70-TH ABOUT RUSSIAN LIBERALISM

С. А. Шестаков
S. A. Shestakov

Ключевые слова: консерватизм; национализм; либерализм; история; идеология
Key words: conservatism; nationalism; liberalism; history; ideology

Рассмотрен ряд аспектов истории оформления национал-патриотического направления консервативной идеологии в России. Изложены некоторые взгляды советских правых диссидентов в 70-е годы, в частности, их антилиберальные идейно-политические установки. Рассмотрено теоретическое обоснование национал-патриотами своего антилиберализма как базового идеологического принципа.

The paper reviews some aspects of the history of formation of national-patriotic direction of conservative ideology in Russia. It sets out some of the views of the Soviet right-wing dissidents in the 70-th, particularly their anti-liberal ideological and political attitudes. The theoretical justification of national-patriots of the anti-liberalism as a basic ideological principle was reviewed.

Важнейшим трендом в политико-идеологической сфере России периода нулевых — десятых годов наступившего века является постепенная трансформация общественно-политического сознания страны из состояния постсоветской фрагментарности, эклектичности в консервативный формат. Социологические исследования динамики общественно-политического сознания современного российского общества неизменно показывают нарастающее доминирование именно консервативных, традиционалистических элементов в структуре политического сознания.

В рамках постсоветского политико-идеологического дискурса важную роль играет национал-патриотизм как направление консервативной идеологии, идейный каркас которой основан на идеологемах, сформулированных такими авторитетами российского традиционализма, как В. Г. Распутин, А. И. Солженицын, Л. И. Бородин, И. Р. Шафаревич и др. Одной из базовых, принципиальных идейно-политических установок национал-патриотизма является антилиберализм.

Полное неприятие российского либерализма, сугубо отрицательное к нему отношение имеет давние исторические корни и связано с той ролью, которую сыграла либеральная идеология и общественно-политическая практика в истории России. Следует сразу отметить, что в рамках российского политико-идеологического дискурса термин «либерализм» в подавляющем большинстве случаев понимается как российский либерализм, имеющий слабое отношение к автохтонному, западному либерализму. Российская версия либерализма — не либерализм, а квазилиберализм.

В современном российском консервативном дискурсе в отношении либерализма сложилась уже достаточно устойчивая, разветвленная и широко применяемая теория, которую условно можно было бы назвать теорией антисистемы. В основе этой теории лежит идея «малого народа», автором которой является французский историк О. Кошен, исследовавший историю Французской революции. Идею «малого народа» взяли на вооружение Л. Н. Гумилев, который использовал и развил ее применительно к своей теории этногенеза, и И. Р. Шафаревич, адаптировавший ее к историческому и политико-идеологическому процессам России. Согласно О. Кошену, во Французской революции большую роль играл круг людей, сложившийся в различных философских обществах. Здесь вырабатывался тип человека, которому были отвратительны все корни нации; в среде «большого народа» он задыхается, как рыба, вытщенная из воды. «Малый народ» среди «большого народа» — это антинарод среди народа [2]. Развивая идею «малого народа» применительно к России, И. Р. Шафаревич отмечает: «В каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «малый народ», все жизненные установки которого противоположны мировоззрению остального народа, для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни — все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезанным начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку — как на чисто техническую проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью» [7]. Характеризуя российских либерал-радикалов уже 90-х годов, И. Р. Шафаревич пишет: «Современный «малый народ» родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт» [8].

Концепция «малого народа» выстроена в соответствии с давней российской консервативной традицией крайне негативного отношения к интеллигенции. Американский писатель — русский эмигрант В. Нилов (Л. А. Волин), достаточно часто публикующийся в российских консервативных изданиях, высказывается по отношению к интеллигенции весьма жестко: «Вопрос русской западной интеллигенции есть вопрос вопросов русской истории. Без его преодоления Россия обречена на гибель. ... Феномен русской западной интеллигенции должен быть преодолен ... Исповедание западничества должно быть приравнено к государственной измене» [4]. Однако, как представляется, при употреблении термина «интеллигенция» следует учитывать, что в течение последних десятилетий он наполнился иным содержанием, нежели то, которое в него вкладывали в конце XIX–начале XX века. В настоящее время в общепринятом значении под интеллигенцией, как правило, понимается социальная общность, профессионально занимающаяся интеллектуальным трудом. Поэтому с термином «интеллигенция» следу-

ет обращаться весьма осторожно и не нагружать его оценками почти вековой давности, так как изменилось само его содержание. Термины «интеллигенция» и «малый народ» вне всякого сомнения необходимо развести.

Термин «антисистема» был предложен Л. Н. Гумилевым. Развернутой дефиниции этому термину автор не дал, однако из его текста следует, что понятия «малый народ» и «антисистема» он отождествляет [2]. Антисистема нацелена на разрушение доминирующих в данном социуме архетипов, традиций, сложившегося уклада и в конечном счете самого социума. «Малый народ», согласно современному российскому консервативному пониманию, является основным носителем идеологии российского квазилиберализма.

Теория антисистемы в явно либо неявно выраженном виде становится важным элементом консервативной идейно-теоретической мысли, в современном российском консервативном политико-идеологическом дискурсе она находит все более широкое применение. В. Л. Махнач даже предлагает внести категорию «антисистема» в область социальных наук [3]. Можно, по всей видимости, утверждать, что вся конструкция антилиберализма в современном российском консервативном идеологическом пространстве в той или иной мере опирается на «теорию антисистемы», которая получила первоначальное оформление в виде адаптированной к российскому политико-идеологическому процессу версии именно в рамках национал-патриотического дискурса, прежде всего, в работах И. Р. Шафаревича.

Антилиберализм национал-патриотов имеет достаточно длительную историческую традицию, основные его идейные установки были изложены еще советскими правыми диссидентами, не потеряв актуальность в рамках консервативного политико-идеологического дискурса и в современный период. Писатель Л. И. Бородин, проведенный в местах лишения свободы около двадцати лет за критику советского режима с русских националистических позиций, наблюдая усиление либеральной идеологии в Советском Союзе, давал ей характеристики, которые весьма впечатляют своей прозорливостью. Вот что он писал в 1975 году: «Либеральное сознание в СССР обнаружилось как сознательно негативное и подсознательно разрушительное... Пропаганда свободы стала означать для либерализма не столько свободу, сколько надежду, что свобода уничтожит это государство, обманувшее их ожидания. Кровавый развал государства как месть за неправду при условии личного устранения от событий стал подсознательной жаждой либерала ... Либеральная интеллигенция, оказавшись не услышанной народом, не только объявила о своем разрыве с ним, но этот разрыв нравственно постулировала, обратив свои взоры на саму себя» [1].

Л. И. Бородин категорически отвергает претензии российского либерализма называться демократической идеологией, более того, он указывает, что российский либерализм имеет в своей основе глубоко антидемократическую природу. «Движение, именуемое себя демократическим, не только никогда не было таковым, но за всю историю наших правящих классов и интеллигенции никогда в нашей истории не возникало такого типа коллективного сознания, которое было бы так враждебно нации, столь воинственно антидемократично по отношению ко всем остальным слоям населения» [1]. Напомним, Л. И. Бородин, сполна испытавший тяготы советских лагерей как политзаключенный, писал эти строки в 1975 году. Его выводы относительно характера российской либеральной интеллигенции вполне согласуются с российской версией концепции «малого народа», которая оформилась в среде правого диссидентства позже — в 80-е годы. Давая общую оценку «мировоззрению советского либерализма», он пишет: «Можно с определенностью констатировать, что сугубо теоретические воззрения либерализма есть такое духовное явление, когда интересы узкого клана людей становятся несовместимы-

ми с их принадлежностью к определенной национальной структуре. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о явлении уникальном, ранее неизвестном в истории» [1].

Не менее суровому обличению подвергает российских либералов А. И. Солженицын. Наиболее показательна в этом отношении его работа «Наши плюралисты», увидевшая свет в 1983 году, в период его изгнания из СССР и полностью посвященная раскрытию антинациональной, антироссийской природы «советского либерализма» и его носителей — как в СССР, так и в эмиграции. По своему публицистическому накалу и по характеру своего содержания работа «Наши плюралисты» выстраивается в один ряд с антилиберальными работами Л. И. Бородина, И. Р. Шафаревича и других правых диссидентов. Характеризуя «советских либералов» как онтологических антидемократов, А. И. Солженицын пишет: «Наши «плюралисты» сперва хотят обстрогать всех в ... единую колодку... — а внутри нее разрешить... — “плюрализм”» [5]. ... Они — демократы «вообще». Но должны ли мы поверить, что они жаждут власти реального народного большинства, а не своего «культурного круга», чье управление и будет «демократия»? ... Уже основательно испытали мы один раз, как нас заболтали и проторили «стране рабов» дорогу в светлое будущее» [5].

А. И. Солженицын на многочисленных примерах, извлеченных из массива эмигрантской либеральной публицистики, показывает, что главный предмет ненависти «наших плюралистов» — историческая Россия. «И поразительно, — пишет он, — разные уровни развития, разные возрасты, разная самостоятельность мысли, а все — в единую оглушающую дуду: против России!» [5]. А. И. Солженицын с нескрываемым отвращением пишет о «наших плюралистах» как о людях абсолютно аморальных, кормившихся из рук «тоталитарного режима» в СССР, и эмигрировавших на Запад за более весомыми материальными благами: «Ведь десятилетиями жили в столицах, и многие служили на деликатном идеологическом фронте — марксистскими философами, журналистами, очеркистами, лекторами, режиссерами кино и радио, даже пропагандистами ЦК, даже прокурорами! — ... И никто из них — ни один! — не раскаялся, не заявил публично, что это он и заплывал наши глаза ложью» [5]. Шаг за шагом анализируя в своей работе идейный комплекс советской либеральной интеллигенции, оказавшейся в эмиграции, Солженицын приходит к выводу о единой природе большевизма и советского либерализма. «С удивлением замечаем мы, — пишет автор, — что наш выстрадавший плюрализм ... сливается с неиспорченным большевизмом» [5]. В 90-е годы А. И. Солженицын не отошел от своей антилиберальной линии; правящему режиму постсоветской России он дает такую оценку: «Только в виде язвительной насмешки можно назвать нашу власть с 1991 года — демократической, то есть властью народа» [6].

Таким образом, одна из базовых идейно-политических установок современного российского консервативного дискурса — антилиберализм — оформилась как протоидеологема в праводиссидентской среде еще в период «развитого социализма», в 70-е годы, когда советский народ уверенно смотрел в завтрашний день, и ничто не предвещало скорый крах советской политической системы. Маргинальные и бредовые, казалось бы, дискуссии в диссидентской среде оказались пророческими.

Список литературы

1. Бородин Л. И. Невостребованные пророчества / Л. И. Бородин // Наш современник. — 1992. — № 8.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. — М.: Издательство АСТ, 2002.
3. Нилов В. Яд интеллигенции / В. Нилов // Завтра. — 1994. — № 34.
4. Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Т. 1. Наши плюралисты / А. И. Солженицын. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995.

5. Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Т. 2. «Русский вопрос» к концу XX века / А. И. Солженицын. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995.
6. Шафаревич И. Р. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Русофобия / Шафаревич И. Р. – М.: Феникс, 1994.
7. Шафаревич И. Р. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Русофобия: десять лет спустя / И. Р. Шафаревич – М.: Феникс, 1994.

Сведения об авторе

Шестаков Сергей Александрович, д. полит. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, тел. 89058583552, e-mail: shestakovprof@gmail.com

Shestakov S. A., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of marketing and municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89058583552, e-mail: shestakov-prof@gmail.com

УДК 32:005.5

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИКА» И «АДМИНИСТРАЦИЯ»
В НАУКЕ «ПАБЛИК АДМИНИСТРЕЙШН»**
ON THE CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF «POLITICS» AND
«ADMINISTRATION» IN THE SCIENCE OF «PUBLIC ADMINISTRATION»

М. А. Шульга
M. A. Shulga

Ключевые слова: паблик администрейшн; политика; администрация; политическая активность государственных служащих
Key words: science of public administration; politics; administration; the political activity of public servants

В статье анализируется соотношение понятий «политика» и «администрация», которое в науке «паблик администрейшн» принято расшифровывать как проблему политической активности государственных служащих. Делается вывод, что сближение понятий «политика» и «администрация» признается представителями этой науки не как досадный феномен, но как неотъемлемый, а потому неустранимый элемент государственно-управленческих процессов в демократических политических системах, диктующий необходимость уяснения морально-психологических (но не морализаторских) аспектов политической активности государственного служащего.

The correlation between the concepts «politics» and «administration» is deeply analyzed in the article. In the science of «public administration» this correlation is decoded as a problem of the political activity of public servants. The conclusion is drawn that the convergence of the concepts of «politics» and «administration» is recognized by representatives of this science, not as an annoying phenomenon, but as an inherent and therefore irremovable element of public management processes in a democratic political system, which dictates the need for clarification of the moral and psychological (but not moralizing) aspects of the political activity of civil servant.

1 января 2016 года в Украине вступил в силу новый Закон «О государственной службе», который определяет политическую непредвзятость одним из принципов государственной службы, а также содержит перечень требований к политической непредвзятости.

тости государственного служащего [1]. Фактически в этих пунктах развивается одно из положений Статьи 3 принятого ранее Закона Украины «Об основах внутренней и внешней политики», согласно которому модернизация системы государственной службы с учетом европейского опыта на принципах профессиональности и политической нейтральности является одной из основ политики в сфере перестройки украинской государственности [2]. Обеспечение реализации принципа политической нейтральности (или политической непредвзятости) предполагает рассмотрение политических аспектов государственного управления, прежде всего проблемы политической активности государственного служащего.

Следует обратить внимание на тот факт, что западная государственно-управленческая наука оперирует более широкой формулировкой этой проблемы. Речь идет о соотношении понятий «политика» и «администрация», которое, по мнению канадского ученого Л. Пала, обусловлено типичной институциональной особенностью либерально-демократических стран, заключающейся в том, что творцы политики не есть администраторы, которые эту политику осуществляют [3]. Эта особенность, в свою очередь, является следствием того, что ни одна политика в своем замысле до конца не может предвидеть все важные административные подробности собственного воплощения. По этой причине творцы политики вынуждены полагаться на других, для того чтобы внедрять в жизнь свои программы [3]. Эти другие призваны помогать осуществлять государственную политику, что и предусмотрено их названием — государственные служащие [4]. «Даже в политических системах, где власть президента граничит с диктатурой, нехватка времени и внимания, обусловленная природой, требует делегирования полномочий, касающихся многих повседневных решений, другим должностным лицам», — констатируют американские исследователи Д. Веймер и Э. Вайнинг [5].

Согласно мнению американского гуру менеджмента Г. Саймона, суть проблемы соотношения «политики» и «администрации» в том, что законодательные органы и избранные должностные лица определяют основы политики, а административные должностные лица лишь воплощают их в жизнь — «законодательная структура выражает волю государства, а администраторы выполняют волю государства» [6]. Это положение конкретизируется в следующих постулатах: 1) только избранные должностные лица могут (и должны) нести политическую ответственность, 2) «нейтральные» государственные служащие отвечают не за формирование политики, а лишь за ее осуществление без излишнего расходования государственных средств, то есть не за эффективность политики, а за эффективность ее реализации [6]. Первый постулат в зарубежной управленческой теории и принято обозначать термином «политика», а второй — термином «администрация».

Французский ученый Р. Драго считает, что задачи администрации никогда не бывают первичными, а всегда являются производными и заключаются в том, чтобы готовить для политической власти варианты решений, выполнять ее поручения, а также обеспечивать под ее руководством выполнение законов [7]. В то же время он признает, что администрации свойственна функциональная независимость относительно политической власти, имеющая три аспекта. Во-первых, она гарантирует служащим невмешательство в их деятельность со стороны политической власти. Во-вторых, позволяет служащим быть свободными в своих суждениях перед лицом политической власти даже в случае отклонения ею предлагаемых ими вариантов решений. В-третьих, обеспечивает определенную преемственность администрации, на которую политические бури почти не влияют. Нетрудно заметить, что сформулированное Р. Драго требование к деятельности администрации несет в себе некое противоречие. С одной стороны, политическая нейтральность администрации (тезис «о функциональной независимости администрации от политической власти»). С другой — подчинение администрации политической власти (тезис «о производности задач администрации от поручений политической власти»). Это

противоречие фактически свидетельствует о сближении в государственно-управленческой науке понятий «политика» и «администрация», демонстрирует неопровержимую взаимосвязь между ними. Так, американский ученый Г. Райт отмечает, что административные органы благодаря своим знаниям и опыту, исполнению законов, имеющейся у них возможности толкования этих законов и создания правил их внедрения играют важную роль в процессе государственного управления посредством формулирования курса политических действий, а также законодательного или политического лидерства [8].

Канадский исследователь П. Браун акцентирует внимание на политических функциях кабинета, который традиционно считается исполнителем политики, и государственных служащих [9]. В первом случае речь идет о принятии кабинетом политических решений, касающихся определения приоритетов политики и выделения ресурсов для реализации ее программ и мероприятий. Во втором — о признании, что государственным служащим принадлежит огромная роль в процессе разработки и осуществления политики. Например, заместитель министра стремится быть его главным советником по вопросу реализации политического курса и считает, что теряет как престиж, так и значение в случае, если ему не удастся взять на себя эту миссию [9].

Американские ученые М. Говлет и М. Рамеш, оценивая соотношение «политики» и «администрации», утверждают, что законодательный институт в целом не есть такой уж важный субъект государственной политики в современных западных демократиях [4]. Это объясняется тем, что практическая роль государственных служащих выходит далеко за рамки, теоретически очерчиваемые термином «служащий». Об этом свидетельствует тот непреложный факт, что большинство функций по формированию и воплощению политики, которые ранее выполнялись законодателями и политическими исполнителями, теперь осуществляются государственными служащими. Более того, можно утверждать, что инструкции чиновников частично заменили собой законы, а назначаемые должностные лица благодаря своей профессиональности в вопросах принятия правительственных решений и своему центральному размещению в органах власти значительно потеснили избранных политиков [4].

Не случайно, признает П. Браун, в западных демократических обществах взаимоотношения между избранными политиками и назначенными чиновниками в ситуации принятия решений относительно распределения ценностей государственными органами всегда вызывали беспокойство из-за возможности злоупотребления властью со стороны государственных служащих. Причина этому — практическое выполнение государственными служащими некоей двойственной роли: «тех, кто делает», то есть обеспечивает взаимодействие в процессе формирования курса политики, и «тех, кто берет», то есть принимает на себя лоббирующие усилия объединенных общими интересами организованных групп. В обоих случаях взаимосвязи между избранными политиками и назначенными чиновниками, считает П. Браун, должны быть изучены сквозь призму ряда вопросов:

- Какова есть и каковой должна быть роль государственных служащих в процессе разработки политики?
- Не много ли власти предоставлено чиновникам высшего звена во время разработки политического курса?
- Не есть ли они правящие служащие, вместо того чтобы служить обществу?
- Находятся они «под рукой» или же «наверху»? [9].

Согласно мнению французского ученого Б. Гурнея, взаимопроникновение «политики» и «администрации» имеет несколько аспектов [10]. Во-первых, связь политической идеологии и государственного администрирования, о которой свидетельствуют идеологические распри вокруг таких проблем государственного администрирования, как

децентрализация управления, права государственных служащих и предоставляемых им гарантий, бюрократия. Во-вторых, зависимость организации государственных служб от характера политического режима и устройства государства. В-третьих, значительное влияние на структуру и жизнь государственных администраций со стороны партийной системы. К тому же, политическая роль государственных служащих, подмечает Б. Гурней, обусловлена также их статусом гражданина. По этой причине политическое поведение чиновников требует детального исследования по следующим позициям: каким партиям они отдают предпочтение; за кого голосуют; являются ли членами политических партий; если да, то какая роль им там отведена; выполняют ли депутатские обязанности, и как это влияет на их деятельность как государственных служащих; какую роль на политической арене играют ассоциации государственных служащих.

Несмотря на разнообразные точки соприкосновения «политики» и «администрации», предупреждает Б. Гурней, не следует все же утверждать, что политические деятели — это всего лишь игрушки в руках маститых государственных чиновников. Ведь чиновник, чья карьера зависит от доброй воли политиков, предпочитает вести себя очень предусмотрительно. М. Говлет и М. Рамеш утверждают, что чиновники в демократических странах, как правило, заручаются поддержкой избранных лиц, если желают целенаправленно использовать свое влияние [4]. Так или иначе, но взаимосвязь «политики» и «администрации» можно понять лишь в результате анализа тех психологических процессов, которые имеют место в системе государственного управления [6]. Одной из попыток осмысления этих процессов можно считать известные законы британца С. Паркинсона [11].

Таким образом, исследование поведения людей, работающих в государственных учреждениях, с целью обеспечения необходимой для реализации государственной политики деятельности и модели поведения государственных служащих должно стать непременным условием реформирования государственной службы, исходя из принципа политической нейтральности. Как утверждает Г. Саймон, практика управления связана с теми навыками, которые стали неотъемлемой частью личности администратора, а не просто с его интеллектуальным багажом. Поэтому правила могут оказаться напрасными, если не изучена и не проверена реальная способность человека поступать согласно этим правилам [6].

Заметим, что новый Закон Украины «О государственной службе», несмотря на существующую в нем Статью 13, которая определяет требования к политической непризвучности государственного служащего, скорее придает проблеме соотношения «политики» и «администрации» признаки коллизии, чем способствует ее решению. Ведь Статья 1 этого же Закона определяет государственную службу как профессиональную деятельность государственных служащих по подготовке предложений относительно формирования государственной политики, обеспечения ее реализации и предоставления административных услуг [1]. Трудно представить, что предложения по формированию государственной политики будут лишены ценностных, в том числе и политически-ценностных пристрастий тех, кто их формулирует.

Не случайно современные западные ученые уделяют значительное внимание исследованию различного рода дилемм, с которыми на практике сталкиваются профессиональные производители предложений и рекомендаций. Дилемм, обусловленных конфликтом основных ценностей, которые, в свою очередь, связаны с некими «щекотливыми вопросами относительно надлежащего профессионального поведения» (Л. Пал) [3]. К таким ценностям, по мнению Д. Веймера и Э. Вайнинга, первым делом, следует отнести аналитическую честность, ответственность перед клиентом и верность собственному представлению об идеальном обществе. Каждой из этих ценностей, считают Д. Веймер и Э. Вайнинг, соответствует своя концепция подобающей роли профессионального производителя предложений, акцентирующая преимущество лишь на одной из перечисленных ценностей. Так, аналитическая честность будет главной ценностью для объективно-

го специалиста, считающего, что призвание эксперта — это предоставление объективной информации о последствиях предлагаемой им политики. Ответственность перед клиентом находится на первом месте у приверженца клиента, убежденного в том, что аналитическая честность запрещает ему врать, но при этом и не предписывает в обязательном порядке ни полного раскрытия информации, ни открытого опровержения неверных заявлений клиента. Верность собственному представлению об идеальном обществе является руководящей ценностью для сторонника проблемы, считающего, что формулируемые им рекомендации должны быть, прежде всего, орудием реализации его собственной концепции идеального общества [5].

По мнению Л. Пала, дилеммы, с которыми на практике сталкиваются профессиональные производители предложений, могут быть не только этическими, но и методологическими, и политическими [3]. Методологические касаются проблем научного объяснения, обоснованности выводов, организации исследования и способа подачи рекомендации. Политические касаются вопроса о роли профессионального производителя предложений в политической системе общества. Этическими Л. Пал называет дилеммы, связанные с отношениями между профессиональными производителями предложений и их клиентами как участниками политического процесса [3]. И методологические, и политические, и этические дилеммы, считает Л. Пал, поднимают серьезные вопросы, так как вынуждают профессионального производителя предложений задумываться над принципами должного поведения [3]. Их осмысление, скорее всего, и должно быть положено в основу профессиональной этики государственных служащих, занятых подготовкой предложений относительно формирования государственной политики. Такая этика, по замыслу западных исследователей, призвана не просто запретить государственным служащим демонстрацию своих политических предпочтений, а помочь им в поиске ответов на ряд неизбежных «щекотливых вопросов». Речь, в частности, идет о вопросах: можно ли скрыть результаты исследования, если они дискредитируют популярную политическую программу; способно ли влияние личных симпатий на представленную рекомендацию быть столь сильным, что некоторые альтернативы в ее свете будут казаться более слабыми или окажутся вообще отброшенными; оправдана ли пересылка секретного материала оппозиции или прессе, если она диктуется общественными интересами и т. д. [3].

К тому же, обеспечение реализации государственной политики и предоставление административных услуг также вряд ли можно считать ценностно-нейтральным видом деятельности. По признанию Г. Саймона, поведение государственных служащих не есть такое себе «нейтральное средство в достижении целей государства» [6]. Скорее наоборот, практические рекомендации по вопросам организационной работы всегда зависят от ценностных установок тех, кто эти рекомендации выдвигает. Так, например, рекомендации человека, которого в первую очередь заботит эффективность исполнения работы, будут отличаться от рекомендаций того, чьи интересы направлены на соблюдение в работе принципа «демократической ответственности», а также от рекомендаций того, для кого важнее всего в как можно меньшей степени затронуть право собственности или другие права человека [6].

В качестве вывода заметим, что государственно-управленческая наука не должна избегать рассмотрения коллизий и дилемм управленческой практики, некоторые из которых, по меткому определению П. Брауна, имеют вид «непреодолимых трудностей осуществления политики». То, что в теоретическом плане легко разрешить и уяснить (как в случае разграничения практически-функциональной нагрузки понятий «политики» и «администрации») на практике может существовать как разновидность так называемых «плохо структурированных проблем», которые, по мнению Л. Пала, следует не столько признавать или не признавать, сколько осмысливать, препарировать и формулировать. Первоначально фиксируя границы понятий «политика» и «администрация», все

указанные выше ученые в конечном итоге делают вывод об их относительности и условности. А потому, исследуя проблематику политической активности государственных служащих, стоит помнить ироническое высказывание Г. Саймона: «Люди неохотно рассматривают свое собственное поведение как “нейтральное средство” достижения результатов, но именно так они склонны оценивать поведение других людей, когда его планируют» [6]. Вряд ли этот факт будет преодолен в ближайшем будущем, так что проблема соотношения «политики» и «администрации» может претендовать не столь на свое устранение, сколь на предупреждение (или смягчение) тех негативных последствий, которые ею предусмотрены, в том числе и за счет принятия соответствующих нормативно-правовых актов.

Превратить тезис о разграничении «политики» и «администрации» в норму закона, которая лишает государственного служащего права демонстрировать свои политические взгляды во время исполнения им своих служебных обязанностей, — это прерогатива и задача юриспруденции. Заметим, что в необходимости такого разграничения не сомневаются даже те ученые, которые пишут о взаимопроникновении «политики» и «администрации». Проследить, как выполняется эта норма, — это прерогатива и задача соответствующих органов. Исследовать факт взаимопроникновения «политики» и «администрации» не как проявление девиантного поведения или же противоправное деяние, а как свидетельство того, что чиновник «часто есть краеугольный камень в процессе политики и центральный субъект во многих подсистемах политики» [4], — это прерогатива и задача науки, как политической, так и государственно-управленческой.

Список литературы

1. Закон України № 889-VIII «Про державну службу» від 10.12.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/889-19>.
2. Закон України № 2411-VI «Про засади внутрішньої і зовнішньої політики» від 01.07.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2411-17>.
3. Пал Л. А. Аналіз державної політики / пер. з англ. І. Дзюб. К.: Основи, 1999. – 422 с.
4. Говлет М., Рамеш М. Дослідження державної політики: цикли та підсистеми політики / пер. з англ. О. Рябова. Львів: Кальварія, 2004. – 264 с.
5. Веймер Д. Л., Вайнінг Е. Р. Аналіз політики: Концепції і практика / пер. з англ. І. Дзюб, А. Олійник. Київ: Основи, 2000. – 654 с.
6. Саймон Г. И. и др. Менеджмент организаций / пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. – 335 с.
7. Драго Р. Административное управление / пер. с фр.– М.: Прогресс, 1982. – 248 с.
8. Райт Г. Державне управління / пер. з англ. – Київ: Основи, 1994. – 188 с.
9. Браун М. П. Посібник з аналізу державної політики / пер. з англ. – Київ: Основи, 2000.
10. Гурне Б. Державне управління / пер. з фр. – Київ: Основи, 1993. – 164 с.
11. Паркинсон С. Законы Паркинсона / пер. с англ. Н. Трауберг. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.

Сведения об авторе

Шульга Марина Андреевна, д. полит. н., профессор кафедры государственного управления, Киевский Национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина, +380459654571, e-mail: marina_shulga@i.ua

Shulga M. A., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine, +380459654571, e-mail: marina_shulga@i.ua

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ SOCIAL INEQUALITY IN MODERN RUSSIA

В. Г. Андрейкин, О. В. Ревякина
V. G. Andreykin, O. V. Revyakina

Ключевые слова: приватизация; расслоение общества; поляризация доходов
Key words: privatization; social stratification; polarization of incomes

В статье рассматриваются вопросы: Что привело современную Россию к расслоению ее населения на миллиардеров и нищих? Почему приватизация, проводимая в других странах, способствует их экономическому росту, а в России этот процесс обернулся путем к бедности подавляющей части населения? Можно ли было избежать этого? В публикации использованы материалы социологических опросов и мнения ведущих российских и зарубежных специалистов в сфере экономики.

The paper discusses such issues as: What brings contemporary Russia to the stratification of its population into billionaires and beggars? Why privatization, carried out in other countries, leads to economic growth, but in Russia turned out to be a path to poverty for majority of the population? Was it possible to avoid this? The publication uses the data from sociological polls and opinions of leading Russian and foreign specialists in the sphere of economy.

В 1917 году в России произошла большевистская революция, после которой начала складываться новая экономическая система хозяйственных отношений, под названием «социалистическая». По мнению многих социологов, эта система была ничем иным, как «государственным капитализмом», где государство владело всеми средствами производства, то есть выступало главным предпринимателем. А правящим классом, как писал П. Сорокин [4], стала партийно-хозяйственная номенклатура. По его мнению, это был особый класс советской России, который не признавался советскими учеными. Члены хозяйственно-партийной номенклатуры являлись членами коммунистической партии.

Невозможно было занять какой-либо руководящий пост, не вступив в члены Коммунистической партии Советского Союза. Управленческие кадры имели первичное специальное профильное образование, управленческому ремеслу обучались выдвиженцы из коммунистической партии в Высших партийных школах.

Партийный правящий класс создал особый механизм хозяйствования, на основе которого непроизводительные расходы и потери в народном хозяйстве страны составляли 38–40 % валового общественного продукта. Госплан планировал в стране все и всех.

Уже в конце 80-х гг. стало понятно, что экономика страны нуждается в перестройке. Необходимо было сформировать многоукладочную смешанную экономику; освободить государство от прямого хозяйственного управления; осуществить приватизацию, то есть частично или полно передать госсобственность в частные руки. Однако в России приватизация в тех условиях была невозможна. Во-первых, приватизация — дело небы-

строе, а реформа экономики требовалась незамедлительно. Во-вторых, приватизация — дело индивидуальное для каждой страны, для которого понадобилась бы армия хорошо подготовленных специалистов для представления интересов обеих сторон (и продавца, и покупателей), и в нашей стране попросту не было достаточного количества денежных средств.

Как показал затем опыт зарубежных стран, в частности Китая, ни в коем случае нельзя было всю промышленность передавать в частные руки. Это можно и даже нужно было сделать с легкой промышленностью. В связи с чем способы, которые использовались при приватизации, были для России неприемлемыми.

Так, лидеры реформаторы предлагали проведение быстрой чековой или ваучерной приватизации, которая породила бы быстро новых собственников — миллионеров русских. Ваучеры получил каждый взрослый гражданин России, а что с ними делать — оказалось неясно. Вещевые рынки были заполнены продавцами ваучеров — чеков.

Десятилетние реформы привели к тому, что население стало жить хуже, началось его расслоение. Индекс развития человеческого потенциала после распада СССР резко упал, причем во всех бывших республиках СССР — постсоветских странах. В 1993 г. Россия была на 57-м месте, а в 1999 г. — на 71-м. До распада СССР находился по индексу человеческого потенциала на 33-м месте. В 2013 году Россия опустилась до 55-го места.

У россиян сохранилось негативное отношение и к приватизации, и к лидерам идеи ее осуществления, которая была реализована безграмотно, без учета сложившихся в то время объективных условий.

Однозначно охарактеризовать процесс приватизации в России невозможно, он имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Отрицательным является то, что приватизация была осуществлена с нарушениями и привела к отрицательным последствиям в экономике страны. В частности, к неравномерному развитию субъектов Федерации, к появлению дотационных субъектов.

Неправильная политика в сфере оплаты труда бюджетников и работников производства ведет к расслоению населения по доходам в регионах. Отраслевые различия в оплате труда достигают сегодня 10 раз и более; региональные — 11 раз. Утрачена зависимость доходов от затраченного труда. Политический, экономический, образовательный и культурный потенциал во многом зависит от результатов перераспределения собственности, а также от доступа к материальным и финансовым ресурсам. По мнению Т. Заславской, в начале XXI века во владении верхнего слоя богатых людей оказался весь экономический ресурс, и эта верхушка получила выход в верхние эшелоны власти [3]. Кроме того, уже в конце XX века началось сращивание криминального капитала с властью.

Формирование среднего класса в России идет медленно и болезненно. Несмотря на предпринимаемые со стороны Правительства Российской Федерации попытки усилить роль малого и среднего бизнеса в формировании среднего класса, этот процесс затягивается из-за объективных обстоятельств. Свои усилия зачастую этот слой, наиболее близко стоящий к среднему классу, сегодня направляет на поиск дешевых кредитов, ищет пути выживания.

Сегодня 9–12 % населения России находятся в зоне риска, 7–9 % — это дно общества. Не адаптировались к проводимым реформам до 25 % населения. Тем не менее, 30,0 % населения отмечают позитивные изменения, в основном это жители крупных и средних городов в возрасте от 30 до 45 лет. Заработная плата и пенсии не успевают за инфляцией. Например, в 1956 году заработную плату менее восьмидесяти рублей получали 70,3 % работающего населения, в 1986 году — уже менее 5 % (сокращение в 15 раз).

В СССР социального расслоения не было, что давало советскому обществу возможность стабильно прогрессировать. Так, после распада Советского Союза в 1992 году

доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы необеспеченного в 8 раз, а уже в 2013 году — в 18,4 раз. Рост доходов наиболее богатой части населения привел к резкому расслоению населения России, что, в свою очередь, может привести к резкому социальному обострению.

В последнее время появилось такое понятие как «две России», которые имеют разные ценности, приоритеты потребительского спроса, мотивации, общественное поведение. Усилилась поляризация социальной структуры общества. Негативную роль сыграл мировой кризис 2007–2008 гг. и объявленные в 2014 году санкции против Российской Федерации, которые потребовали перестройки экономики страны. Присоединение Крыма, распад Украины, война в Донбассе, участие российских военных сил в конфликте против ИГИЛ в Сирии — все эти процессы оказали свое влияние на падение жизненного уровня населения.

Экономический рост напрямую связан с ростом потребительского спроса населения, неравенство доходов в России сдерживает его. Большими, крупными сбережениями в стране владеет небольшая часть населения, представляющая богатый класс.

Основная часть населения живет от зарплаты до зарплаты. Усиливающаяся инфляция проглатывает у населения все накопления: по данным статистики, 20 % населения получает 50 % денежных доходов, а на долю 20 % наименее обеспеченных приходится всего от 2 до 5 %. Эти данные свидетельствуют о том, что определенная часть населения выдавливается из социальной жизни, то есть не имеет возможности посещать культурно-массовые мероприятия, оплачивать обучение и отдых детей, медицинские услуги.

Хотя по данным исследователей Credit Suisse банка, в Российской Федерации сосредоточены огромные финансовые средства. Так, в число мировых лидеров по концентрации богатств входит более 32 000 российских семей, ставших долларовыми миллионерами в 2014 году. Сегодня их количество увеличилось до 216 300 человек, что составило 0,4 % всех домохозяйств в России.

Число представителей богатых и сверхбогатых слоев населения в России увеличивается в год примерно на 14 %, хотя в рейтинге семей-миллионеров наша страна занимает 13-е место. До 536 семей имеют доход свыше ста миллионов в год (Германия — 881, Великобритания — 1 044, США — 4 754 семей). Не совпадают данные статистики по расчету количества бедных с их реальным числом — в действительности превышение в 2–2,5 раза, свыше 18 млн человек живут за чертой бедности. Россия — единственная страна, в которой имеется такая категория, как «работающие бедные». Работающие граждане имеют заработную плату, не позволяющую им достойно жить, пользоваться социальными благами в полной мере. Самая же богатая часть населения богатеет на 30–40 % в год, чему способствует «плоская» шкала начисления подоходного налога.

Особое отношение население России проявляет к такой важной проблеме, как коррупция [2]. Именно она оказывается тем фактором, который в восприятии жителей подчеркивает расслоение общества. Данные опросов, проведенных в Тюменской области в 2012–2016 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения, позволили проанализировать представления населения о коррупции и мерах ее предотвращения [1]. Согласно полученным данным, возможность столкнуться с коррупцией в связи с обращением в органы региональной и местной власти отметили более половины респондентов. Рейтинг проблем, с которыми сталкивается население при обращении в органы власти, показал, что проблема коррупции в 2012 году занимала 10-е место, в 2015 году этот показатель поднялся на 9-е. На первом месте оказались такие явления, как волокита, медлительность, некомпетентность, большое количество бумаг. Все еще проявляются равнодушие, формализм при организации государственных услуг, «закольцованность» при обращении к государственным и муниципальным служащим.

В основном населением коррупция воспринимается либо как «получение взятки», либо как «использование должностного положения ради корысти». Нельзя не отметить, что сегодня в России и в регионах органами различных уровней власти, в том числе и силовыми, многие коррупционные схемы пресекаются, выявляются финансовые нарушения, что активно освещают СМИ. Среди исконно русских слов, которые ранее характеризовали коррупционера, известны такие как «взяточник» и «вор». 22 % респондентов, оценивая коррупцию в органах власти, отметили, что имеют личный опыт. Чаще всего, по мнению населения, подвержены коррупционным схемам сотрудники госавтоинспекции (ГИБДД), преподаватели высших учебных заведений, сотрудники полиции и менее всего депутаты Государственной и областной думы.

А вот самые честные люди, по мнению населения, работают в средних школах, в поликлиниках и больницах. К сожалению, 13,0 % считают, что коррупция сегодня в России — необходимая часть жизни; 32,0 % — что с помощью коррупционных связей легче решать проблемы. Среди причин коррупции называют: «недостаточно строгий контроль за действием должностных лиц» (57,0 %), «недостаточность наказания за коррупционные схемы» (35,0 %). В качестве основных мер указывают: ужесточение законодательства, повышение грамотности населения, совершенствование кадровой работы в госструктурах, широкое освещение антикоррупционной деятельности. По мнению большинства жителей, изменить отношение к коррупции могут и должны сами граждане (28 %), оказать противодействие коррупции в Тюменской области — Губернатор (31,0 %), в России — Президент (47,0%).

В связи со столетием Октябрьской социалистической революции в России вновь проявился интерес к таким большевистским лидерам, как В. И. Ленин и И. В. Сталин. По мнению многих представителей власти, лидеров различных партий, фигура И. В. Сталина мощна не только победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., но и своим отношением к коррупционерам. После его смерти выяснилось, что кроме большого количества одинаковых кителей у него не оказалось больших личных сбережений, дач, квартир, как и у его родственников. Очевидно, этот факт подкупал население в советские годы, подкупает и сегодня.

Реформы, проводимые в сфере жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения «буксуют», тормозятся и бойкотируются чиновниками в регионах, так как они направлены на лишение чиновников что-то распределять или разрешать. Разница при распределении зарплат между руководителями и подчиненными достигает десятков раз, что нарушает социальную справедливость. В некоторых регионах этот показатель составляет 40–45 раз. В европейских странах он гораздо ниже. Например, в Германии, Франции он составляет от 5 до 7, в США достигает 10 раз. В последние годы обозначилась еще одна проблема: возникло огромное количество посреднических структур, формирующих авантюрный рынок услуг, в который вовлекается все большее количество молодежи, не требующий знаний и образованности. В России самые низкие зарплаты среди высокоразвитых стран и связано это, прежде всего, с финансовой политикой государства.

Социальные выплаты незначительны, но нельзя сказать, что государство ничего не делает. Решаются проблемы, в том числе и в борьбе с бедностью: сформирован перечень социальных услуг, строится социальное жилье, уменьшаются проценты ипотеки, выделяются квоты на проведение высокотехнологичных операций, поощряется и финансируется органами государственной и муниципальной власти, участие некоммерческих организаций в реализации социальных программ на уровне региона и местного сообщества. Тем не менее, нерешенных проблем достаточно.

Список литературы

1. Аналитический обзор «Социальные ожидания и настроения населения юга Тюменской области». Москва–Тюмень, ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116017>.
2. Бедности в России боятся больше, чем мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.izvestia.ru/news/590102#ixzz3jFEv1zJ4>.
3. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
4. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность / П. Сорокин. – М.: Академия, 2005. – 588 с.

Сведения об авторах

Андрейкин Василий Георгиевич, к. филос. н., доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в жилищно-коммунальном и строительном комплексе, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)283782, e-mail: wasya2001@mail.ru

Ревакина Ольга Васильевна, к. филос. н., доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в жилищно-коммунальном и строительном комплексе, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 8(3452)283782, e-mail: o_revyakina@inbox.ru

Andreykin V. G., Candidate of Science in Philosophy, associate professor of the Department of service engineering and legal support in communal services and construction complex, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)283782, e-mail: wasya2001@mail.ru

Revyakina O. V., Candidate of Science in Philosophy, associate professor of the Department of service engineering and legal support in communal services and construction complex, Industrial University of Tyumen, 8(3452)283782, e-mail: o_revyakina@inbox.ru

УДК 316.344.24

**ОТХОДНИКИ В МЕСТНОМ СООБЩЕСТВЕ:
ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИМИ И САМООЩУЩЕНИЕ
OTKHODNIKS AS MEMBERS OF THE LOCAL COMMUNITY:
PERCEPTION BY OTHERS AND SELF-PERCEPTION**

Н. Н. Жидкевич
N. N. Zhidkevich

Ключевые слова: отходники; внутренняя временная трудовая миграция; местное сообщество; социальный статус отходника; провинциальное общество
Key words: otkhodniks; domestic temporary labour migration; local community; social status of otkhodnik; provincial society

В статье рассматривается проблема статуса в местном сообществе российских внутренних временных трудовых мигрантов — отходников. Обсуждаются вопросы восприятия их прочими местными жителями и их самоощущение в структуре сообщества. Результаты получены на основе 349 глубинных интервью с отходниками и членами их окружения. Из слов обеих групп информантов можно сделать вывод о том, что различия в жизненных позициях для отходников и для прочих местных жителей влияют на сплоченность местного сообщества.

The article deals with the topic of the status of domestic temporary labour migrants, or otkhodniks, in their home local community. Perception of otkhodniks by others and their self-perception are discussed. The results are based on 349 in-depth interviews with otkhodniks and other local residents. On the base of interviews we can conclude that differences in the view of life between otkhodniks and others have an impact on local solidarity.

В современной России в условиях территориальных социально-экономических диспропорций получило широкое распространение явление отходничества — регулярно-го самодельного выезда населения на заработки из мест, где слабо развит рынок труда, в экономически развитые регионы. В 2011–2013 гг. коллективом, включавшим автора статьи, под руководством Ю. М. Плюснина (НИУ ВШЭ) было осуществлено комплексное исследование данного явления: проект «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники»), проект «Отходники в малых городах» (грант РГНФ) [7, 13]. В ходе работы Н. Н. Жидкевич уделила пристальное внимание особенностям социальных характеристик и статуса отходников, что впоследствии стало темой собственного исследования, проведенного в 2012–2014 гг.: проект «Социальный портрет современного российского отходника» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники»). В обоих случаях были применены методы качественного исследования — глубинное полуструктурированное интервью и наблюдение. Всего обследовано 60 населенных пунктов 30 муниципальных районов либо городских округов 15 регионов европейской России. Собрано 140 интервью с отходниками и представлявшими их позиции близкими членами семьи и 209 интервью с прочими местными жителями.

Изучение социального статуса отходников предполагало раскрытие восприятия их прочими местными жителями, а также их самоощущение в структуре сообщества. Представление об этих предметах складывалось из многих общих и частных замечаний, высказанных нашими информантами в интервью. Большую часть информации мы получили от прочих местных жителей, оценивавших деятельность отходников со стороны; сами отходники мало касались деталей, связанных с изменением их социального положения после начала поездок на заработки. Таким образом, полученное представление о восприятии их другими (прочими местными жителями) более полно, нежели представление об их самоощущении.

С учетом накладываемых методологией и предметом ограничений результаты не претендуют на статус точного знания. Во-первых, предмет по своему существу и субъективности оценок далек от универсальности и точности. Во-вторых, методологией не предполагалась репрезентативность выборки и большой ее объем. В-третьих, данная тема прорабатывалась не сама по себе, а в рамках комплексного исследования отходничества, к тому же от информанта к информанту перечень вопросов варьировал. Следовательно, основу для анализа составили преимущественно отрывочные данные, а не однозначные сопоставимые ответы собеседников. Тем не менее, эти сведения, полученные из первоисточника (что важно), позволяют наметить общие контуры сложившейся ситуации.

Результаты изучения восприятия отходников другими можно условно разложить на две составляющие: трактовка мотивов отходничества и оценка его последствий.

В зависимости от трактовки мотивов, побуждающих уезжать на заработки, прочие члены сообщества могут относиться к отходникам с осуждением или с одобрением (нужно учитывать, что каждый информант ориентируется на свои представления и на свое окружение). Так, часть из них неодобрительно относятся к отходникам, полагая, что уезжают те, кто ищет работу проще: *«В то же время не каждый способен выдержать лесоповал, и едут, потому что им легче кирпичи на стройке таскать»* (местный житель, около 60 лет, Костромская обл.). В самом деле, общероссийский рынок труда устроен так, что за простейшую работу в крупном городе работник часто получает больше,

чем за более сложную работу в своем поселке или деревне. Для самих отходников это означает регресс профессиональных умений [9] и трудовых способностей [6], что, опять же, негативно оценивается прочими местными жителями. Также осуждают отходников информанты, считающие, что у последних просто нет желания искать работу по месту жительства: *«Считают, что если они там получают тысяч тридцать-сорок, это будет лучше, чем если они здесь будут жить с семьей и получают пятнадцать. Я думаю, что пятнадцать заработать здесь можно. Наверное, они не хотят упорствовать»* (местная жительница, около 50 лет, Нижегородская обл.). Действительно, зачастую получить работу на выезде проще, чем найти ее дома, спрос на приезжих работников, не требующих высоких зарплат, велик. В то же время нужно понимать, что для того, чтобы занять доходное в современных реалиях рабочее место, нужно либо иметь востребованную и хорошо оплачиваемую специальность (к примеру, учитель или провизор), либо, что важнее, иметь связи (для работы в бюджетной сфере и вообще в организациях, где работодатель — местный). Если у человека нет ни того, ни другого, у него остается четыре варианта — бедствовать, открывать собственное дело, подрабатывать во многих местах или подаваться в отходники. Отходниками становятся те, кто не хочет бедствовать, не предвидит успеха от открытия своего бизнеса (или даже не задумывается об этом) и отказывается от варианта подработки по месту жительства во многих местах как от мероприятия хлопотного, изматывающего, не вполне надежного и не гарантирующего постоянный и удовлетворительный заработок. Таким образом, в глазах части наших собеседников отходник выбирает путь несколько более простой, нежели те, кто остается дома и «крутится» на нескольких работах. Тем не менее, существенно чаще к мотивам деятельности отходников наши информанты относились с одобрением, пониманием и уважением; представление местного сообщества о причинах, которые толкают людей ехать на заработки, совпадает с объяснениями самих отходников: *«Сказал: куда я в Себеже, что я? На 8 тысяч прокормлю семью? Не прокормлю. Две недели дома, две там. Привозит 80 тысяч. Женился, квартиру обставил, машину купил, рассчитывается, все»* (местная жительница, около 70 лет, Псковская обл.).

Последствия выездной работы для самих отходников находятся «на виду» и широко обсуждаются прочими местными жителями. Многие информанты отмечали, что сочувствуют отходникам из-за трудностей их работы: *«Ездят на уровне рабов. Здесь он хозяин, там — раб. Но в Москве он заработает 20 тысяч, а тут нет, как ни старайся»* (местный житель, около 65 лет, Нижегородская обл.). Жалеют отходников и потому, что режим их работы негативно влияет на семейные отношения. Информанты отмечали, что в семьях отходников регулярно разрушаются браки (с подачи как мужа, нашедшего женщину в месте работы, так и жены, сошедшейся с мужчиной в отсутствие мужа). Эта проблема вообще артикулируется как наиболее серьезное негативное последствие отходничества: *«Уезжают, семьи рушатся. Те, кто уезжают, находят себе кого-то на стороне. И разводятся, и все. Жены у нас тут и с любовниками, и вообще все под одним одеялом спят, весь Калининск! Я уверена, что такая езда разрушает семейные отношения. Потому что нет работы в Калининске, а семьи надо кормить. Конечно, и мужчина, и женщина находят себе еще кого-то. Я считаю, это ненормально. Это разве нормально? Институт семьи разрушился, нет ниче этого в Калининске у нас!»* (местная жительница, около 40 лет, Саратовская обл.). Такое сочувствие справедливо, многими исследователями отмечалось, что отходникам приходится трудиться и обитать в тяжелых, напряженных и рискованных условиях [1, 2, 9, 11, 12] и что такая работа негативно сказывается на семейной жизни [1, 4, 5, 9, 10, 11].

Не менее внимательны местные жители к изменениям материального состояния отходников. Мнения информантов относительно того, стали ли жить отходники в имущественном плане лучше прочих или остаются наравне со всеми, разделились практиче-

ски пополам. Одни утверждали, что отходники постепенно становятся, по сути, одними из наиболее обеспеченных и в итоге даже прихотливых местных жителей: «Кто машину каждый год меняет, кто цвет машины» (местный житель, около 60 лет, Костромская обл.). Другие отмечали обратное: «...когда сюда приезжают, могут детям лишнюю шоколадку купить. Но в основном так же живут, как и другие» (местная жительница, около 55 лет, Вологодская обл.). Часть информантов полагают, что материальные изменения во многом зависят от специализации выездного работника; в соответствии с нашими наблюдениями, доходность разных отходнических специализаций действительно различается существенно [7]. Некоторые местные жители считают, что овчинка не стоит выделки: «Деньги они привозят — они их сразу... здесь им хочется отдохнуть и расслабиться, они эти деньги спускают просто так, очень легко. Потом им нужно собраться на эти две недели или на месяц, им опять закупки делать, и одеться, и обуться на зиму, и всю эту экипировку сменить — у них денег гораздо меньше, я считаю» (местная жительница, около 50 лет, Нижегородская обл.). Это подтверждается и частью самих отходников, отметивших, что поездки на заработки связаны со многими дополнительными расходами (транспорт, аренда жилья, инструмент, униформа и т. д.). Также из слов информантов можно сделать вывод о том, что материальное положение отходника во многом зависит от его целей: один несет заработанные деньги в семью, а другой «пускает на ветер» в попойках и кутежах между вахтами:

Интервьюер: А те, кто ездят, так же живут, как те, кто не ездят?

Информант: Смотря кто. Кто как хочет заработать. Кто хочет семью прокормить, тот старается заработать. А если кто-то ездит, поедит, на стакан сядет и эти же деньги может спустить. То есть... или одни тут, в аппараты руку сунут [видимо, имеются в виду игровые автоматы]... (бывший отходник, около 60 лет, Вологодская обл.)

Так или иначе, местными жителями отмечается, что обеспеченность людей, ставших выезжать на заработки, повысилась.

Интересно, что к отходникам, возвращающимся домой, некоторые местные относятся, можно сказать, потребительски. Подразумевается, что человек с большими деньгами по приезде должен «проставиться»:

Информант: ...Приеду — только и бегут: где выпить? Да, а че, не так? Вы-то тоже, молодежь, не знаете, что ль? Ууу, с деньгами приехал! Скажешь денег нет — ты че, не заработал, что ль?

Интервьюер: То есть Вы угощаете?

Информант: А приходится (отходник, около 60 лет, Вологодская обл.).

«Они такие же, как и мы, местные. Как и были. Просто когда они приезжают, встречи обычно такие, шумные [смеется]. С деньгами приехал. Мужики, наоборот, ждут, когда они с деньгами» (местная жительница, около 60 лет, Вологодская обл.).

Мы обратили внимание еще на одно последствие отходнической деятельности для прочих местных жителей. Сейчас, в отличие от советских времен, существенно большее число людей в провинции может стать отходником, тем самым проявить активную жизненную позицию и позитивно выделиться из других. Однако далеко не все готовы в сложной финансовой ситуации начать работать на выезде (в интервью и с отходниками, и с прочими местными жителями входил вопрос: почему, находясь в примерно одинаковых стартовых условиях безработицы и нужды, один человек едет на заработки, а другой — нет). Нежелание это может быть связано с состоянием здоровья, с общей привязанностью к дому и естественным страхом провинциала перед большим городом, с отсутствием специальных умений и нужных связей, наконец, просто с ленью что-либо

предпринять. Как указывают информанты, многие в принципе готовы довольствоваться минимальным обеспечением, перебиваться, жить на пособия или случайные заработки и занимать у знакомых — о таких говорят *«кого как устраивает»*. При этом, судя как по нашим наблюдениям, так и по замечаниям других исследователей [3], зачастую мужчинам много не надо, зато надо их женам, и именно последним принадлежит инициатива к отходничеству мужа как главы семьи: *«Всю зиму сидел, три месяца! Я говорю, хватит, наверное, уж сидеть — кредит платить! Сколько уже...»* (жена отходника, около 55 лет, Саратовская обл.). Встречаются ситуации, когда жены, приводя в пример успешных и обеспеченных соседей-отходников, постоянно упрекают своих мужей и заставляют их против воли искать более прибыльную работу на выезде. Таким образом, различия в жизненных позициях, отражающиеся на материальном состоянии и на семейных отношениях, в большей или меньшей степени способствуют расслоению и разобщенности сообщества.

Как мы видим, восприятие отходников другими неоднозначно и имеет ряд особенностей. Представляется, что существует еще много аспектов, требующих более внимательного изучения.

Сами отходники, судя по их словам, возвращаясь домой, превращаются в обычных провинциальных жителей с привычными социальными ролями. Большинство из тех, кому задавался соответствующий вопрос, отметили, что после начала работы на выезде для них не снизилась интенсивность общения с друзьями и знакомыми по месту жительства. Здесь играет роль и то обстоятельство, что отходниками исходно становятся люди более коммуникабельные — чаще всего такую работу находят через знакомых [8, 9, 11, 14]: *«Щас вот на рынок придешь в воскресенье, сколько мужиков знакомых видишь, и каждый: а ты как? а у тебя как дела? а у тя че? а у меня так, у меня получше. А у тебя там есть место свободное, может, я к вам пойду работать?»* (отходник, около 45 лет, Пензенская обл.). Естественно, что работа на выезде накладывает определенные ограничения на возможности общения:

Интервьюер: Вы, когда стали ездить, стали меньше здесь общаться с друзьями, со знакомыми?

Информант: Ну да. Просто не хватало времени. Многие: «Ты где пропал-то?» А ты: «Работаю». Приедешь на 10 дней, вроде и с семьей охота провести, плюс и детишек уже скока не видел (бывший отходник, около 45 лет, Ярославская обл.).

В любом случае, они редко выделяют себя из окружения, считая, как правило, такими же, как и все: *«Такого не было, чтобы там зазнаться, или там “я в Москве работаю, а вы тут сидите”, нет. Все точно так же осталось»* (женщина-отходник, около 55 лет, Пензенская обл.). Большинство отходников готовы помочь с поиском работы другим местным жителям. По словам одного из наших информантов, у него была возможность работать в доходной сфере за рубежом, однако он принципиально выбрал менее прибыльный и удобный для себя вариант, собрав из деревенской молодежи строительную бригаду, чтобы они могли работать и зарабатывать деньги, а не пропивать сбережения родителей.

Социальное расслоение, о котором говорилось выше, нередко ощущается отходниками, особенно в тех сообществах, где их доля по сравнению с прочими местными жителями невелика. Наши информанты не раз отмечали случаи зависти по отношению к результатам своей деятельности: *«Щас же все друг другу завидуют, не знаете, что ли. Купил машину — аа, уу. Построил че-то побольше — все!»* (отходник, около 40 лет,

Ярославская обл.). Отходники, в свою очередь, не понимают тех, кто, жалуясь на материальное положение, не предпринимает попыток поехать и заработать: «*Огород у меня. Я лопатой копал его две недели. А позапрошлый год купил культиватор, и раз — за день я вспашу, проборону и все тут. А сосед смотрит. Он копает лопатой, а ему неохота. Я не знаю, завидует он или нет. Наверное, завидует. А о чем-то разговоришься, спросишь, так съезди в Москву-то. А как-то тут тоже... Разговорились тут как-то с кем-то: да вы съездите в Москву, да вы заработайте. Так, а вам-то кто не дает? Езжайте и вы, зарабатывайте*» (отходник, около 35 лет, Костромская обл.).

Несмотря на регулярные отъезды, большая часть из тех, кому задавался вопрос, стараются участвовать в общественной жизни своего населенного пункта. Отходники кооперируются между собой и с прочими местными жителями для решения местных хозяйственных и бытовых вопросов, принимают участие в общих праздниках. Многие из них не избегают участия и в политической жизни своего села или города: во время муниципальных избирательных кампаний внимательно следят за их ходом, по возможности, стараются сходить и проголосовать. Также нам доводилось в разное время встречаться с двумя действующими отходниками, один из которых являлся депутатом представительного органа своего муниципального образования, а другой — главой своего муниципального района (на общественных началах).

Полученные результаты дают основания предполагать, что, несмотря на регулярные и продолжительные отъезды и изменения в уровне материального благополучия, отходники как в восприятии прочих местных жителей, так и по самоощущению остаются в большей или меньшей степени такими же членами местного сообщества, какими были до отъезда на заработки. При этом наблюдается незначительное отрицательное влияние последствий отходничества на сплоченность сообщества.

Список литературы

1. Великий П. П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни / П. П. Великий // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44–49.
2. Капустина Е. Л. Практика сезонной трудовой миграции как механизм регулирования экономических и социальных отношений в республике Дагестан [Электронный ресурс] / Е. Л. Капустина // Демоскоп Weekly. – 2008. – № 355–356. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php>.
3. Лебедушкина О. До Москвы одна ночь / О. Лебедушкина // Отечественные записки. – 2008. – № 5 (44). – С. 249–256.
4. Лялюгене И. Ю. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков / И. Ю. Лялюгене, Л. А. Рупшене // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 69–75.
5. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее / Н. В. Мкртчян // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед лицом демографических вызовов. – М.: ПРООН, 2009. – С. 80–96.
6. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа / Т. Г. Нефедова. – М.: Ленанд, 2013.
7. Плюснин Ю. М. Отходники: монография / Ю. М. Плюснин [и др.]; науч. ред. С. Г. Кордонский. – М.: Новый хронограф, 2013. – 288 с.
8. Позаненко А. А. Несоответствие работы полученному образованию: случай современных российских отходников / А. А. Позаненко, Н. Н. Жидкевич, Ю. М. Плюснин // Социология образования. – 2015. – № 12. – С. 36–52.
9. Рощина Т. Г. Трудовая миграция как фактор повышения уровня жизни населения малых городов России / Т. Г. Рощина // Вестник РАН. – 2007. – Т. 77, № 9. – С. 827–830.

10. Серкин В. П. Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом / В. П. Серкин // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2(20). – С. 146–155.

11. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания / Флоринская Ю. Ф. // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 79–87.

12. Флоринская Ю. Ф. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская [и др.]; Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.– 108 с. – (Научные доклады: социальная политика).

13. Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. Stuttgart: Ibidem Press, 2015.

14. White A. Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies, Vol. 59, No. 6 (September, 2007), P. 887–911.

Сведения об авторе

Жидкевич Наталья Николаевна, аналитик проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ, г. Москва, e-mail: nzhidkevich@hse.ru

Zhidkevich N. N., Analyst of Project and Educational Laboratory for Municipal Administration, Higher School of Economics, e-mail: nzhidkevich@hse.ru

УДК 316.3

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
ПОВЕДЕНИЯ ВОЗРАСТНЫХ ОБЩНОСТЕЙ**
FACTORS OF FORMATION OF TEMPORAL BEHAVIOR STRATEGIES
OF AGE COMMUNITIES

Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова
G. E. Zborovsky, P. A. Ambarova

Ключевые слова: возрастная общность; биологическое, психологическое и социальное время; темпоральные стратегии поведения; темпоральные противоречия; факторы влияния на темпоральное поведение возрастных общностей
Key words: age community; biological, psychological and social time; temporal behavior strategies; temporal contradictions; factors influencing the temporal behavior of the age communities

В статье рассматривается понятие возрастной общности как объединения людей, связанных и взаимодействующих между собой на основе схожего биологического, психологического и социального возрастов, специфика и противоречия которых формируются в конкретно-историческом контексте и позволяют выделять это понятие в возрастной структуре общества. Анализируются различные факторы, влияющие на темпоральные стратегии поведения возрастных общностей: объективные и субъективные, экономические, политические, социальные и культурные. В качестве особых факторов рассмотрены механизмы воспроизводства возрастных общностей. Каждая из этих групп факторов конкретизируется применительно к проблеме темпорального поведения возрастных общностей.

The paper discusses the concept of the age community as a group of people linked and interacting with each other based on similar biological, psychological and social ages. The peculiarities and the temporal contradictions of the age community are formed in a specific historical context, what allows to distinguish the concept in the age structure of society. The different factors influencing the temporal

behavior strategies of the age communities are analyzed: objective and subjective, economic, political, social and cultural factors. As special factors are considered the mechanisms of reproduction of the age communities. Each of these groups of factors is concretized in relation to the issue of the temporal behavior of the age communities.

В последние годы во многих социальных и поведенческих науках большое внимание уделяется исследованию самых разных видов социальных общностей и их поведения. Особый интерес вызывают междисциплинарные проблемы. Среди них — темпоральные стратегии поведения. Объектом нашего исследования является такая разновидность социальной общности, которая имеет прямое и непосредственное отношение к фактору времени. Речь идет о возрастной общности.

Возрастная общность трактуется нами как разновидность социальной общности, выделяемая на основе такого социально-демографического критерия, как возраст. Поскольку возраст — это категория темпорального ряда, возрастную общность можно отнести к особому типу темпоральных общностей. Такими общностями можно считать те совокупности (взаимосвязи) людей, критерием (или одним из критериев) выделения которых является наличие темпоральных характеристик, выступающих в качестве специфических и основополагающих для этих общностей [3].

К темпоральным общностям, помимо возрастных, мы относим поколенческие общности и когорты. В основе их возникновения и функционирования также лежат темпоральные характеристики. Обратим внимание, что практически все люди, независимо от их принадлежности к каким-то группам, слоям, общностям, поколениям, когортам, обладают определенными возрастными признаками. В этом смысле люди и общности, в которые они входят, являются субъектами возрастного, поколенческого и когортного времени. Поскольку поколения и когорты связаны с определенными возрастными характеристиками, мы полагаем, что в основе поколенческих и когортных общностей лежат общности возрастные.

Научная интерпретация категории возраста заслуживает особого внимания, поэтому здесь ограничимся лишь приведением краткого определения понятия возраста, которое отвечает задачам данной статьи. Возраст мы понимаем как этап развития, границы и содержание которого обусловлены взаимосвязью биологических, психологических и социальных темпоральных характеристик. Такое междисциплинарное понимание возраста раскрывает природу темпоральных противоречий возрастной общности, источником которых служит переплетение биологического, психологического и социального времени на индивидуальном и общностном уровне. Междисциплинарная методология позволяет трактовать понятие возрастной общности как объединение людей, связанных и взаимодействующих между собой на основе схожего биологического, психологического и социального возрастов, специфика и противоречия которых формируются в конкретно-историческом контексте и позволяют идентифицировать это понятие в возрастной структуре общества.

Одной из основных темпоральных характеристик возрастной общности являются ее временные границы, определяющие длительность пребывания в ней конкретных индивидов. Понятно, что эти границы измеряются годами, а иногда и десятилетиями жизни. Возьмем в качестве примера молодежь. Ее временные границы фиксируются от 14–16 лет до 30–35 лет. Соответственно, принадлежность к молодежи как возрастной общности определяется примерно 16–20 годами жизни. При этом объективно и субъективно временные границы могут быть расширены или сужены. Точно так же нижние и верхние временные границы могут быть установлены в отношении других возрастных общностей: дети дошкольного и школьного возраста, люди зрелого и предпенсионного возраста, представители «серебряного возраста».

Любая возрастная общность характеризуется определенной поведенческой стратегией. Эта стратегия представляет собой устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели [8]. Темпоральная стратегия поведения возрастной общности выступает как система ее жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на преодоление темпоральных противоречий биологического, психологического и социального времени (дисхроноза). Такая стратегия поведения формирует стиль и образ жизни возрастной общности, повышает ее возможности к адаптации в современном обществе. Она выступает сквозной, интегрирующей стратегией, поскольку выстраивает все проявления жизнедеятельности возрастной общности вокруг возраста как формы биологического, психологического и социального времени, восприятия и понимания этого феномена.

Целью выработки темпоральной стратегии поведения возрастной общности является преодоление дисхроноза — противоречий между ее биологическим, психологическим и социальным временем. Выбор способов преодоления темпоральных противоречий, моделей темпорального поведения, сферы жизнедеятельности, содержательное наполнение когнитивных и эмоциональных элементов темпоральной стратегии зависят от множества факторов. Одни из них действуют на индивидуальном уровне, другие — на общественном, латентно или явно. Выявление и изучение спектра факторов формирования темпоральных стратегий поведения позволяют выйти на разработку способов регулирования поведения возрастных общностей, повышения качества их человеческого капитала и создание условий для его реализации.

Факторов формирования темпоральных стратегий много, в связи с чем возникает необходимость их классификации и сопоставления. Прежде всего есть смысл рассматривать объективные и субъективные факторы, которые связаны с объективными и субъективными условиями жизнедеятельности возрастных общностей. К объективным мы относим социально-демографические характеристики представителей возрастных общностей — их возраст, пол, семейный статус. Эти характеристики следует учитывать, так как возрастные общности являются важным элементом социально-демографической структуры общества. Они выполняют функции ее воспроизводства, передачи социального опыта, служат способом взаимосвязи и взаимодействия людей, создают основу их самоидентификации и самоопределения.

К этой же группе факторов мы относим влияние социальных институтов, в рамках которых возрастные общности функционируют и взаимодействуют. Наши исследования показали, что для формирования темпоральных стратегий поведения социальных общностей особое значение имеют такие институты, как образование, семья, профессия, труд [1, 4]. При рассмотрении влияния этих институтов необходимо учитывать нормативную сторону этого процесса. Для разных возрастных общностей институциональные факторы воздействия существенно разнятся. Так, на детей школьного возраста влияют нормативные требования школы как института. На лиц зрелого трудового возраста воздействие оказывают такие институты, как профессия, трудовое право, брак и семья. Темпоральные стратегии возрастной общности пенсионеров детерминированы особенностями их социального статуса, пенсионного законодательства, включенности в профессиональный, рыночный труд [2].

Говоря о субъективных факторах формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей, отметим в первую очередь темпоральную культуру общества и конкретной возрастной общности. Здесь нужно иметь в виду понимание ценности разных возрастов и культуру межпоколенческого взаимодействия. Элементом формирования темпоральной стратегии поведения является также выбор способов преодоления противоречий между биологическим, психологическим и социальным временем, кото-

рый связан с ценностными ориентациями, потребностями и интересами возрастной общности, характерными для нее мотивациями. Условием формирования конструктивных темпоральных стратегий поведения возрастных общностей служит взаимосвязь названных объективных и субъективных факторов.

В зависимости от сфер деятельности мы выделяем экономические, политические, социальные, культурные факторы формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. К экономическим факторам мы относим уровень жизни возрастной общности, включенность ее членов в рыночные отношения, степень их экономической активности. Нельзя не обратить внимания на готовность экономических институтов обеспечивать темпоральные потребности и интересы различных возрастных общностей. Речь идет о создании специальных секторов на рынке труда, маркетинговой политике организаций, тайм-менеджменте и др.

Важным инструментом формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей становится политика времени. По нашему мнению, она представляет собой систему методологических установок и принципов практической деятельности в отношении темпоральных ресурсов и темпорального поведения отдельных общностей и групп населения, в том числе возрастных, реализуемой управленческими структурами в различных сферах общественной жизни и на различных уровнях (федеральном, региональном или муниципальном) для достижения социально значимых целей.

К социальным факторам, влияющим на темпоральные стратегии поведения возрастных общностей, мы относим образование, воспитание, деятельность СМИ, социальную работу. Названные факторы детерминируют процесс, сопряженный с формированием темпоральной стратегии поведения, — темпоральную социализацию. Она трактуется как интеграция индивида в возрастную общность посредством интериоризации темпоральных категорий, смыслов, отношений, социальных ролей, предписанных ее членам.

Важным темпоральным фактором, позволяющим исследовать специфику социализации в том или ином обществе, культуре, являются «социальные часы», то есть система темпоральных норм, предписывающих освоение социальных статусов и ролей в определенном возрасте. «Социальные часы» дозволяют или вменяют в обязанность представителю определенной возрастной общности какой-либо вид деятельности, поступки, социальные роли. Секторы «социальных часов» фиксируют брачный возраст, возраст включения в профессию, самостоятельный труд, должностной статус. Подразумевается не только законодательно закрепленные возрастные нормы (возраст кандидата на пост президента, получения паспорта, совершеннолетие), хотя и они являются секторами «социальных часов». Речь идет о легитимности, которой наделяется стремление человека определенного возраста занять ту или иную позицию в социальной структуре, и ожиданиях общества относительно освоения предписанных статусов и ролей представителями возрастных общностей. Нормативные требования «социальных часов» поддерживаются такими механизмами социальной регуляции, как правовые нормы, традиции, стереотипы, социальное одобрение, групповое давление.

Одним из важных социальных факторов, влияющих на темпоральные стратегии поведения возрастных общностей, являются СМИ, в первую очередь телевидение [6]. Оно создает и транслирует образцы темпорального поведения для разных возрастных общностей, либо закрепляя традиционные, консервативные возрастные стереотипы, либо предлагая и даже навязывая инновационные способы преодоления темпоральных противоречий.

Что касается социальной работы, то учет этого фактора предполагает изучение темпоральных стратегий поведения в контексте эксклюзии и инклюзии различных возрастных общностей. Социальная работа направлена не на все возрастные общности, а преимущественно на те, которые подвергаются эйджизму — дискриминации по призна-

ку возраста. Прежде всего, это дети и старшее поколение. Переход от модели эксклюзии (исключения) к модели инклюзии (включения в различные сферы социальной жизни) позволяет формировать конструктивное восприятие любого возраста и, соответственно, конструктивные темпоральные стратегии поведения у эксклюзивных и инклюзивных возрастных общностей [7].

Действие экономических, политических и социальных факторов пересекается в поле культуры. Оно создает темпоральную картину мира, в которую вписаны возрастные общности, их восприятие мира, других социальных общностей. Благодаря культуре возникают основания для идентификации себя с определенными возрастными и поколенческими общностями и видение межпоколенческих связей. Здесь имеет значение оценка деятельности не только учреждений культуры, но и способность воспринимать их влияние.

Наконец, выделим еще одну группу факторов, влияющих на темпоральные стратегии поведения возрастных общностей. Мы имеем в виду механизмы их воспроизводства. Под воспроизводством возрастной общности мы понимаем смену поколений внутри одной и той же возрастной общности с сохранением ее основных количественных и качественных характеристик и социальных условий существования. Механизмы воспроизводства возрастной общности представляют собой способ сохранения специфического социального отношения, которое направлено на выделение возрастных общностей, их маркировку и функциональную дифференциацию. Поскольку возрастную общность как темпоральное образование мы определяем в рамках биологического, психологического и социального времени, механизмы воспроизводства возрастной общности можно условно разделить на три группы: первая связана с биологическим, вторая — с психологическим, третья — с социальным временем возрастной общности.

Первая группа представляет собой биологические, природно детерминированные способы воспроизводства границ, структуры, функций, идентификационных маркеров возрастной общности. Так, рождение детей есть биологический способ воспроизводства возрастной общности детей. Нарастание функциональной зрелости как естественный биологический процесс взросления также выступает способом воспроизводства такой возрастной общности, как молодежь. Истощение жизненного биологического времени, называемое старостью, — это биологический способ воспроизводства общности пожилых и престарелых людей. На формирование темпоральных стратегий поведения возрастных общностей влияют особенности протекания, развития, истощения биологического времени, его изменения под действием социальных факторов (экологии, урбанизации и др.).

Социально-психологические механизмы воспроизводства возрастной общности представляют собой сложный комплекс психологических и социальных механизмов восприятия, межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, связанного с возрастными отношениями. Одним из основных социально-психологических механизмов воспроизводства возрастной общности, на наш взгляд, являются возрастные стереотипы. Они формируются в результате взаимодействия различных возрастных общностей и отражают их представления друг о друге, в том числе о социальных и социально-психологических свойствах и моделях поведения, которые присущи каждому из них [5].

Социальные механизмы воспроизводства возрастной общности связаны с действиями определенных социальных институтов — паспортизации, образования, пенсионного обеспечения и др. Задача этих институтов — закрепить апробированные практики и отношения между возрастными общностями и сделать такое взаимодействие предсказуемым, типичным, прогнозируемым. Известно, что с наступлением возраста в 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин они перейдут в иную возрастную общность и приобретут иной возрастной статус. Также предсказуемо, что дети 6–7 лет, то есть школьного возраста, будут включены в следующую возрастную общность.

В заключение отметим, что представленная характеристика различных факторов, влияющих на темпоральные стратегии поведения возрастных общностей, свидетельствует о тесной связи и переплетении многих из рассматриваемых факторов. Это обусловлено сложной природой человеческого возраста и возрастных общностей, в которых биологическое начало сочетается с психологическим (социально-психологическим) и социальным. Формами проявления этих фундаментальных начал выступают биологическое, психологическое и социальное время. Эта тройственная природа возрастной общности и притягивает действие многочисленных факторов, влияющих на нее.

Список литературы

1. Амбарова П. А. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский // Высшее образование в России. – 2016. – № 4. – С. 72–80.
2. Бухалова Н. А. Проблемы социальной инклюзии лиц пожилого и старческого возраста / Н. А. Бухалова // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 4 (23). – С. 57–60.
3. Зборовский Г. Е. Возрастная общность: понятие и методология ее исследования / Г. Е. Зборовский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6. – С. 109–115.
4. Зборовский Г. Е. Управление темпоральными стратегиями поведения профессиональных социальных общностей: проблемы и возможности / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5. – С. 15–21.
5. Курышева О. В. Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи / О. В. Курышева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – № 2 (12). – С. 105–116.
6. Петрова Ж. В. Конструирование образа пожилого человека средствами массовой информации / Ж. В. Петрова // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – № 4 (42). – С. 272–277.
7. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте / Д. М. Рогозин // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62–93.
8. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности / Г. Е. Зборовский [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 200 с.

Сведения об авторах

Зборовский Гарольд Ефимович, д. филос. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, тел. +7(343)3754822, e-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна, к. с. н., доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, тел. +7(343)3754822, e-mail: borges75@mail.ru

Zborovsky G. E., Doctor of Science in Sociology, RF Honored Science Worker, professor of the chair of sociology and technologies at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, phone: +7(343)3754822, e-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Ambarova P. A., Candidate of Science in Sociology, associate professor of the chair of sociology and technologies at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, phone: +7(343)3754822, e-mail: borges75@mail.ru

УДК 316.014

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ NOSTALGIA FOR THE SOVIET PAST IN POST-SOVIET ARMENIA

Н. И. Карбаинов
N. I. Karbainov

Ключевые слова: ностальгия; Армения; идентичность; социальная память
Key words: nostalgia; Armenia; identity; social memory

Рассматривается феномен ностальгии по советскому прошлому в постсоветской Армении. Эмпирические данные, представленные в статье, были собраны с помощью качественных методов социологии в рамках исследовательской школы «Приграничные и сельские исследования: развитие методов полевой работы» в трех городах Армении — Ереване, Агараке и Мегри в 2008 году. В статье раскрывается, что ностальгия по жизни в СССР наряду с другими выгодами прошлого выступает важным ресурсом поддержания индивидуальной и групповой идентичности для жителей постсоветской Армении.

The paper deals with phenomenon of nostalgia for the Soviet past in Post-Soviet Armenia. Empirical research data, represented in the paper, was collected using qualitative methods of sociology within the research school «Boarder and rural researches: fieldwork methods development» that was held in three locations of Armenia — Erevan, Agarak and Megri in 2008. The paper considers nostalgia for the USSR along with the other benefits of the past as an important resource for supporting individual and group identity of Post-Soviet Armenia dwellers.

Проблема ностальгии по советскому прошлому в бывших республиках СССР является достаточно актуальной темой для социологии [1, 2, 5, 6, 7, 9].

Цель данной статьи — рассмотреть феномен ностальгии по советскому прошлому в постсоветской Армении.

Свою статью я хотел бы начать с местной легенды, рассказанной мне жителем Агарака, о месте, на котором был построен этот город. «Раньше на этом месте была пустыня, не было ни одного дерева, и жили одни змеи. И вот в какой-то день по этому месту проезжал персидский шах со свитой. Разыгралась сильная буря, и в этой пустыне не было ни одного укрытия, где можно было переждать непогоду. Буря была настолько сильной, что шах упал с лошади и чудом остался жив. После этого случая по распоряжению шаха на этом месте построили хижину». В этой легенде меня заинтересовал в первую очередь ее главный герой — персидский шах, во вторую — то, что действие легенды происходит как минимум 180 лет назад, то есть именно тогда, когда территория нынешнего региона Армении — Сюника находилась под властью Персии (в 1828 г. Сюник был включен в состав Российской империи). Конечно, любой школьник Армении, посмотрев в учебник истории и выслушав школьного учителя, вам скажет, что эта земля на протяжении многотысячелетней истории не раз находилась под пятой жестоких завоевателей, в том числе и персов. Но, как мне кажется, рассказанная легенда — явление другого порядка. Вряд ли она записана в каких-нибудь письменных источниках, а если даже и записана, то вряд ли местные жители их читали. Вероятно, эта легенда передается в устной форме из поколения в поколение.

Я. Ассман в своей теории культурной памяти проводит принципиальное различие между коммуникативной и собственно культурной памятью. Коммуникативная память

мало формализована, представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Коммуникативная память существует на протяжении трех-четырех поколений. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализированная. Она выражается в мемориальных знаках разного рода: в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках [3]. Если следовать концепции Я. Ассмана, то в случае со школьником, который может прочесть учебник истории, мы имеем дело с феноменом культурной памяти. Что касается легенды о персидском шахе, здесь, как мне кажется, мы сталкиваемся с коммуникативной памятью (или точнее с ее обрывками). Социальные институты и агенты, воспроизводящие культурную память, исчезли на этой территории после того, как Персидское государство было вынуждено отсюда уйти. Зато остались институты культурной памяти, воспроизводящие армянское прошлое (например, Армянская апостольская церковь). Людей, живших в персидском Сюнике, уже давно нет, как и нет их детей и внуков. Коммуникативная память о персидских корнях уже почти мертва, остались лишь небольшие фрагменты, в том числе и местная легенда об Агараке, где прослеживается отпечаток ностальгии по давно ушедшим поколениям. Разумеется, для тех, кто рассказывает эту легенду сейчас, более актуальна ностальгия по советскому прошлому, нежели по персидскому.

Ностальгия (от греч. *nostos* — возвращение на родину, *algos* — боль) — тоска по дому, чему-то безвозвратно потерянному, ушедшему. Как пишет С. Бойм о ностальгии: «Часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было. Это — утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое. Ностальгия не всегда ретроспективна, она может обращаться просто к иным пространствам и другим временам. Ностальгия — это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на ломки переходного периода истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой не в настоящем, тоскует о потерянных местных наречиях и медленном течении времени» [4].

Ностальгия является важной составляющей социальной памяти. М. Хальбвакс, работавший в традиции Э. Дюркгейма, в своей работе «Социальные рамки памяти» выявил проблему социальной обусловленности памяти [10]. Таким образом, ностальгия как часть социальной памяти также является социальным (коллективным) феноменом. Это обстоятельство побудило некоторых исследователей ввести специальный термин для обозначения этого феномена — «социальная ностальгия». «В отличие от обычной ностальгии, субъектами социальной ностальгии становятся не отдельные люди, а целые классы, слои, группы. В качестве объекта социальной ностальгии фигурирует общество в целом (для индивидуальной ностальгии — это конкретная утрата, потеря человеком чего-либо лично существовавшего из имевшегося у него в прошлом). Речь идет о восприятии прежнего общественного строя и социального порядка» [9].

Ностальгия по советскому прошлому — весьма распространенное явление в постсоветском пространстве, которое также проявляется, например, в странах бывшей социалистической Югославии («югоностальгия») или в восточной части Германии, бывшей ГДР («остальгия»). Объясняется воспоминаниями о годах детства и молодости. О том, как в Советском Союзе было хорошо жить, я слышал от разных людей: родственников, соседей, попутчиков в поезде и т. д.

С проявлением этой ностальгии я также столкнулся и во время исследовательской школы «Приграничные и сельские исследования: развитие методов полевой работы»

в г. Агараке. По правилам этой школы все ее участники должны были выходить в поле — наблюдать, общаться с людьми, знакомиться с местной кухней, то есть делать то, что должен делать социальный антрополог или социолог, применяющий качественные методы. Однажды утром на центральной площади Агарака я случайно познакомился с мужчинами от 50 до 70 лет, которые предложили мне разделить с ними застолье. После этого один из этих мужчин по имени Мэлс пригласил меня к себе домой и угостил кофе и медом, приговаривая: *«Этот мед по вкусовым качествам второй в мире»* (фраза из советского фильма «Мимино»). Далее мы были приглашены к одному из друзей Мэлса. На окраине Агарака собралась компания из 7 человек, готовили шашлык, пили виноградную водку. За столом звучали шутки из советских комедий — «Кавказской пленницы», «Мимино» и др. Поднимались и серьезные темы — воспоминания о жизни в Советском Союзе и Карабахской войне. Вспоминали службу в советской армии, которая, как правило, проходила за пределами Армении, свои поездки в Москву, Киев, Ленинград и другие города Союза, повседневную жизнь Агарака и т. д.

Мои собеседники постоянно сравнивали прошлое и настоящее. В советское время, как говорили они, были стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Работникам местного медно-молибденового комбината выдавали молоко за вредность и путевки на курорты. Были достойные зарплаты и пенсии, а сейчас — невозможно прожить. Можно было передвигаться по всему Союзу, а сейчас — такой возможности нет. Они скучают по друзьям, которые живут в Москве, Ленинграде и к которым они не могут поехать в гости из-за нехватки денег на билет. Раньше из Агарака в Ереван через Нахичевань можно было доехать за два часа, так как работала железная дорога, а сейчас для этого требуется семь часов. В советское время уровень образования в школах Агарака был намного выше. В городе жили люди разных национальностей: армяне, русские, азербайджанцы. Они чувствовали, что живут в великой стране. И в то время они были молодые и красивые. Была «дружба народов», и как грустно пошутил один мужчина: *«В СССР азербайджанцы и армяне жили в мире и дружбе, и у себя»*.

Встреча с бакинцами во время нашей поездки в г. Мегри тоже произвела на меня большое впечатление. Вспоминая советские времена, они говорили почти о том же самом, что и жители Агарака. Но, кроме всего прочего, по их словам, они потеряли две родины: малую родину — город Баку и большую родину — Советский Союз. В Армении они до сих пор чувствуют себя чужими, и круг их общения — это в основном земляки-бакинцы.

Во время одного из вечерних обсуждений в исследовательской школе, когда я делился о своих впечатлениях, мои армянские коллеги заметили, что местные жители только при мне ностальгируют по жизни в Советском Союзе, так как я им задаю соответствующие вопросы, являясь гражданином России. Россия воспринимается как наследница СССР. Когда же они проводили интервью, жители в основном вспоминали о Карабахской войне, и никто не ностальгировал по прежним временам. Вероятно, в этом есть доля правды. С первой встречи с жителями Агарака, зацепившись за ностальгические воспоминания, я не мог оторвать внимание от этой темы. На интересующие меня вопросы я получал соответствующие ответы. Но как тогда понять следующую ситуацию. Житель Агарака, проводивший нам экскурсию по городу, вспоминал о том, каким цветущим был город, как было хорошо жить и т. д. Наш коллега попытался ему возразить: *«А что, собственно, было хорошего в Советском Союзе? По-моему, все было плохо!»* Наш экскурсовод очень удивился и сказал: *«Моя родина — не только Армения, Со-*

ветский Союз — тоже моя родина!». После замечания моих коллег по поводу того, что со мной делятся воспоминаниями о советском прошлом, так как я из России, у меня возникли вопросы. Зачем нужно со мной как с гражданином России делиться всем этим? Может, лучше им было рассказать о современной армяно-российской дружбе? Как это можно понять? Почему люди ностальгируют по советскому прошлому? Что это им дает?

Д. Лоуэнталь выделяет так называемые выгоды прошлого и подразделяет их на 6 категорий: 1) узнаваемость и понимание, 2) подтверждение и удостоверение, 3) индивидуальная и групповая идентичность, 4) руководство, 5) обогащение, 6) бегство [8]. Так или иначе, в воспоминаниях тех людей, с которыми я общался в Агараке и Мегри, присутствуют все эти выгоды прошлого.

Но я более подробно остановлюсь на групповой идентичности. В этом смысле ностальгия по советскому прошлому выступает как ресурс поддержания групповой идентичности. В случае с жителями Агарака люди старшего возраста, опираясь на ностальгические воспоминания о былых временах, противопоставляют себя молодежи, не имеющей советского опыта, и тем самым поддерживают поколенческую идентичность. А для бакинцев воспоминания о советском Баку и потерянной родине служат мифом, поддерживающим бакинскую идентичность. Таким образом, «социальная ностальгия всегда и неразрывно коррелирует с идеей идентичности, в процессе поиска которой резко возрастает изолированность группы, ее члены пытаются замкнуться внутри нее, утвердиться в собственной эксклюзивности» [6].

Конечно, воспоминания у каждого человека индивидуальны, и они также погружены в локальный контекст (в этом смысле, например, воспоминания жителей Агарака и бакинцев отличались). Однако в то же время есть общая социальная рамка, которая объединяет людей, живущих в постсоветском пространстве, — это опыт жизни в СССР (не только школьные учебники, но и художественные фильмы, автоматы с газировкой и т. д.). Хотя Советского Союза как государства не существует уже более 25 лет, но представители старших поколений продолжают себя вписывать (во многом по инерции) в рамки большого воображаемого сообщества — советский народ.

Очень характерна в этом смысле ситуация, возникшая на одном из рынков Еревана. Когда я подошел к прилавку с сухофруктами, продавщица обратилась ко мне на немецком языке, я ей ответил на русском. После того как я сделал покупку, женщина мне сказала: *«Я думала, Вы иностранец, а Вы оказались нашим»*. Почему я, гражданин другой страны, для этой женщины оказываюсь «нашим»? Почему она меня включила в «мы»? И кто эти «мы»? И зачем жителям Агарака нужно со мной как с гражданином России делиться воспоминаниями о советском прошлом? В данном случае «мы» — это те, кто родился и жил в СССР, то есть существование «мы» возможно только при наличии опыта советского прошлого. И когда Мэлс шутил о местном меде как о втором в мире, он предполагал, что я смотрел «Мимино».

Социальных институтов и агентов, воспроизводящих культурную память советских времен, на территории Армении больше нет (или почти нет). На ереванском рынке «Вернисаж» распродают советские артефакты: значки, газеты, книги и т. д.

Пройдут десятилетия, и в учебниках по истории Армении будет написано о том, как на протяжении многих тысячелетий армянские земли не раз находилась под пятой жестоких завоевателей: арабов, персов, русских и др. Дети и внуки людей, живших в советскую эпоху, вероятно, еще будут знать об этом времени из их рассказов. Но через несколько поколений останутся лишь редкие обрывки воспоминаний. И мне интересно следующее: будут ли через 100–200 лет в этой местности рассказывать легенду о русском

директоре комбината, который заботился о своих работниках, как сейчас нам рассказывают легенду о персидском шахе.

Список литературы

1. Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии / Р. Н. Абрамов // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 5–23.
2. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия / Р. Н. Абрамов // Человек. – 2013. – № 5. – С. 99–111.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.
5. Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В. Н. Ярской и Е. Р. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011.
6. Зборовский Г. Е. Социальная ностальгия: к исследованию феномена / Г. Е. Зборовский, Е. А. Широкова // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 31–34.
7. Касамара В. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян / В. А. Касамара, А. А. Сорокина // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 18–31.
8. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. / Д. Лоуэнталь. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 624 с.
9. Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ. Отчет. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 644 с.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Сведения об авторе

Карбаинов Николай Иванович, научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, тел. 89119799216, e-mail: nkarbainov@gmail.com

Karbainov N. I., research fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, phone: 89119799216, e-mail: nkarbainov@gmail.com

УДК 316.4

ЯЗЫКИ В МОЛОДЕЖНЫХ ДОСУГОВЫХ СРЕДАХ КАЗАНИ
LANGUAGES IN YOUTH LEISURE ENVIRONMENTS OF KAZAN

Г. И. Макарова
G. I. Makarova

Ключевые слова: языковые практики; русский язык; татарский язык; молодежные досуговые среды

Key words: language practices; Russian language; Tatar language; youth leisure environments

В статье рассматриваются языковые практики молодежи в досуговых пространствах Казани, анализируется влияние ситуаций, тем и поводов общения на выбор языка. Главным языком коммуникации в столице Татарстана выступает русский. Татарский язык используется в основном на площадках, предназначенных для развития национальной культуры, и на

мероприятиях, организованных татарскими активистами. В ряде досуговых сред фрагментарно звучит английский язык.

The paper considers language practices of the young people in leisure space of Kazan. The impact of subject, occasion and situation of communication on the choice of language is analyzed. Russian language is the main language of the communication in Tatarstan. Tatar language is basically used on sites for national culture development and it is used on different events which were organized by Tatar activists. In many leisure environments English language is fragmentary appears too.

Последние десятилетия характеризуются в Татарстане особым вниманием политиков, общественности и ученых к этноязыковой проблематике. При этом массовые социологические опросы демонстрируют достаточно высокую оценку населением собственного знания татарского языка — родного для большинства татар и одного из государственных языков республики. Тем не менее полученные результаты, в том числе среди молодежи, свидетельствуют о разрыве между оценкой респондентами своего знания татарского и русского языков и ответами на вопросы об их использовании вне семейной коммуникации [1].

Цель исследования — выяснить, какие языки применяются молодыми жителями столицы республики в повседневном общении на примере изучения их языкового поведения в досуговых пространствах Казани (проект «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан», руководитель — Г. Ф. Габдрахманова). Исследование базируется на качественной методологии и опирается на подходы, разработанные в рамках этнографической традиции [2–4], феноменологии, этнометодологии [5]. Основной установкой стало подробное и детальное описание культурных практик с использованием метода включенного наблюдения.

Исследование проводилось в 2016 г. на площадках, где, по нашим предположениям, могли использоваться разные языки — русский, татарский, английский.

- Свободное пространство «Циферблат» (7 июня, мероприятие «Школа Мира в «Циферблате»: практикум английского языка») и Резиденция креативной индустрии «Штаб» (18 июня, выставка-конференция высоких технологий и инноваций) — позиционируют себя как пространства для творчества, работы и общения, аналогичные тем, что встречаются в различных уголках мира.

- Творческая лаборатория «Угол» (11 июня, спектакль «Тан-батыр, или никогда не сдавайся»), Центр современной культуры «Смена» (18 июня, Летний книжный фестиваль) и Молодежный Театр на Булаке (21 июня, спектакль «Неспящие в Лондоне») — ставят целью продвижение и развитие в Казани актуального современного искусства.

- Татарский государственный академический театр им. Г. Камала (3 июня, «Мэхэббэт турында сөйләшик / поговорим о любви») и Татарский государственный театр драмы и комедии им. К. Тинчурина (13 июня, «Сүнгән йолдызлар / угасшие звезды») — акцентируют внимание на развитии татарской культуры в традиционных художественных формах.

В рамках исследования досуговых практик молодежи, где, по нашему предположению, активно употребляется татарский язык, были также выбраны два мероприятия: концерт современной музыки в поддержку сибирских татар села Тукуз Вагайского района Тюменской области (19 мая, Галерея современного искусства) и молодежный «Дуслыкифтар» (24 июня, Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького).

Наблюдения осуществлялись по разработанному гайдю и заняли по 2,5–3 часа. Так как мероприятия открытые, у нас не было необходимости сообщать о своем проекте, что исключало наше воздействие на ход событий. Однако нельзя не учитывать возможное влияние личного опыта автора на интерпретацию данных (здесь также используются дневники других участников проекта — Г. Ф. Габдрахмановой, Л. В. Сагитовой, А. Р. Мухаметзяновой). Мы отошли от описания каждого кейса и изложили результаты исследования в виде полевых заметок, чтобы сформулировать общие тенденции применения языков в досуговых практиках казанской молодежи.

Публика отобранных площадок и мероприятий существенно различалась по ряду параметров, в том числе возрастному. Явное преобладание аудитории в возрасте 18–30 лет было зафиксировано в «Циферблате» и на ифтаре. На концерте татарских музыкантов, в «Штабе» и в Молодежном Театре на Булаке была публика постарше — от 30 до 45 лет. На спектакле в лаборатории «Угол» и на книжном фестивале молодежь составляла до половины посетителей, а в обоих татарских театрах — примерно около трети.

Национальный состав присутствующих определить было сложно. Стиль повседневной одежды казанцев почти не различается (исключения составляют случаи использования в ней национальных элементов). У преобладающей части татар-горожан акцента в русском языке почти нет. Однако можно утверждать, что большинство участников дружеского ифтара были татарами. Об этом свидетельствует свободное (без акцента) владение многими из них татарским языком, сама тема мероприятия и то, что его организатором выступил Всемирный форум татарской молодежи. Основную часть аудитории татары составили, по нашим наблюдениям, и в театрах им. Г. Камала и им. К. Тинчурин, а также на концерте современной музыки.

В большинстве исследуемых досуговых пространств главным, а в половине из них единственным, языком общения выступал русский. В «Смене», в «Штабе», в творческой лаборатории «Угол» и Молодежном Театре на Булаке мы не зафиксировали случаев употребления посетителями татарского языка. Однако нельзя сказать, что он там вообще не присутствовал. Так спектакль «Тан-батыр, или никогда не сдавайся» был поставлен по мотивам татарской сказки, и имя главного героя (означает «Батыр-Заря») произносилось на языке оригинала. И хотя театральное действие и дискуссия проходили на русском языке, собравшиеся — представители творческой интеллигенции Казани и других городов России — рассуждали о возможности звучания его фрагментов на татарском. В выставках-продажах и в библиотеке «Штаба» и «Смены» были представлены книги на татарском (сказка «Шурале», например). В свою очередь, в «Циферблате», притом, что ни разговоров, ни книг на татарском языке мы не обнаружили, работники заведения, стильно одетые, хорошо владеющие английским языком, шутливо прощаясь с одним из посетителей — завсегдаем данного места, бросили ему фразу по-татарски: «Сау бул / будь здоров».

На некоторых мероприятиях татарский язык использовался часто. На концерте молодых татарских музыкантов он звучал в песнях, в приветствиях участников и ведущего, сообщившего о благотворительной цели данного события. Судя по реакции присутствующих, большинство понимало, о чем идет речь, однако в кулуарах этот язык почти не употреблялся.

На другом событии, также организованном представителями форума татарской молодежи, приветственное слово и разговоры между собравшимися произносились на татарском. И это единственное наблюдение, в ходе которого было зафиксировано равное с русским, даже преобладающее применение татарского языка в межличностной коммуникации. В татарских театрах данный язык тоже использовался посетителями часто, но на нем говорили, прежде всего, представители старшего поколения. Многие из

присутствующей молодежи понимали национальную речь (мало кто из них брал в фойе наушники с переводом на русский), однако больше обращались на татарском к своим родителям, бабушкам-дедушкам, с которыми пришли на спектакль, а между собой употребляли его реже (на ифтаре молодежь активнее общалась на татарском). Это объясняется тем, что основную часть публики там составляли татары-активисты.

Наблюдения подтвердили выводы социолингвистов [6–8], в том числе отечественных [9, 10], о том, что само окружение, условия протекания коммуникации существенно влияют на выбор языка общения. Так, в театрах им. Г. Камала и им. К. Тинчурина работники обращаются к посетителям чаще на татарском, на нем же представлен визуальный и текстовый материал, в фойе звучит татарская музыка, не говоря уже о том, что сами спектакли идут на этом языке. Создается атмосфера, в которой он воспринимается естественно. Не случайно было подмечено, что в перерывах между действиями татарская речь слышалась чаще, в том числе из уст детей и молодежи, нежели перед началом спектаклей, причем представители других этнических групп воспринимали ее непринужденно. Таким образом, данные театры можно назвать своеобразными территориями воссоздания в Казани национальной языковой среды.

На концерте молодых музыкантов, хотя он и велся по большей части на татарском языке, названный фактор работал лишь отчасти: оформление помещения было этнически нейтральным, что объясняет меньшее употребление здесь татарского языка посетителями. В пространстве проведения ифтара также мало что напоминало об этничности. Его площадка представляла собой большую поляну, поделенную на три зоны: центральная — где находился импровизированный стол; зона для моления — разостланный неподалеку от него кусок материи; полевая кухня — где готовился плов и нарезались фрукты и овощи. Однако этноконфессиональная специфика заключалась уже в самом поводе мероприятия — вечернее разговение во время мусульманского поста, а также в его инициаторах и организаторах, в последовательности действий, в одежде многих собравшихся.

«Штаб» и «Циферблат» — территории, репрезентируемые их создателями как вписанные в глобальные контексты. О претензиях на универсальность и соответствие мировым стандартам свидетельствует и то, что в их самопредставлении в Интернете, в анонсах мероприятий, в оформлении помещений, в раздаваемых флаерах встречается большое количество заимствованных и иностранных слов: кофейня-коворкинг, креативные индустрии, пространство для резидентов, фрилансеры, лайфхаки, «5 o'clock tea» и др. И все же главным проводником модерности продолжает здесь выступать русский язык. Татарский лишь «вклинивается» отдельными фрагментами — в виде книг, сюжетов, фраз. Хотелось бы, чтобы татарская речь была задействована более часто, хотя бы в качестве элемента художественной выразительности, в спектаклях на русском языке.

Другая молодежная площадка — Молодежный Театр на Булаке — ориентирована на постановку русскоязычных спектаклей современных отечественных авторов и русских переводов зарубежных пьес. В ее интерьере не было замечено национальной символики, персонал говорил на русском языке. Таким образом, представление и антураж настраивали на использование только этого языка в процессе общения. Наконец, мероприятие центра «Смена», деятельность которого направлена на содействие популяризации современного искусства в Казани, включало лектории и книжную ярмарку. И хотя выступление главного лектора было посвящено отражению культурного многообразия в новейших произведениях литераторов, программа фестиваля, баннеры и информация партнеров были напечатаны только на русском языке, на нем же звучали и анонсы. Какой-либо визуальной информации на татарском зафиксировано не было, зато была представлена татарская литература — новая и

прошлых лет. Присутствовавшие, в основном интеллигенция гуманитарного профиля, общались только на русском языке, и даже повстречавшиеся нам представители татарских общественных организаций говорили между собой на нем.

Наряду с обстановкой важна также тема межличностной коммуникации. Так, что касается употребления татарского языка, есть вопросы, которые редко обсуждаются на нем. И это связано с длительной ограниченностью круга его социального функционирования сферой быта, семьи (особенно в городах). Отсюда на традиционных обрядах, например на ифтаре, как и при обсуждении татарских спектаклей на бытовые сюжеты, звучание татарской речи естественно. В то же время для бесед в кулуарах рок-концерта, даже проходившего на татарском языке, собравшиеся в большей мере использовали русский; на нем же велась и дискуссия о новаторской постановке «Ган-батыр, или никогда не сдавайся». То есть о проблемах актуального искусства на татарском языке говорить пока не принято. Непривычно рассуждать и о достижениях высокой культуры (Летний книжный фестиваль). Тем более не располагает к использованию национальных языков тема высоких технологий (мероприятие «Штаба»), что объясняется неразработанностью терминологического аппарата.

В ходе исследования мы обратили внимание на то, какую роль играют в поддержании татарского языка в условиях большого города молодые деятели национальных общественных организаций. Среди них назовем Всемирный форум татарской молодежи, а также проект «Калеп», объединяющий писателей, композиторов, артистов. Так, названным форумом был организован молодежный Ифтар, с их участием проходил концерт в поддержку села Тукуз. Его представители, образованные, культурные, владеющие Интернетом, стремятся вдохновить окружающих своим примером общения на татарском (в театре им. Г. Камала мы также повстречали девушек из «Татарча КВН/КВН по-татарски», беседовавших на нем между собой и с окружающими). И все же деятельность молодых активистов пока ограничена воспроизведением татароязычной среды в небольших сообществах единомышленников.

Наблюдения представили нам единичные примеры публичной демонстрации молодыми татарами своей этнической и конфессиональной принадлежности с помощью элементов одежды. В частности, на рок-концерте на нескольких девушках были вышитые в татарском стиле жилеты; некоторые пришли в мусульманском одеянии — на ифтаре таковые составляли около двух третьих женской аудитории, а кое-кто из парней надел тубетейку. В «Смене» на представительнице издательства «Юлбасма» мы увидели маленький белый калфак. В татарских театрах в стилизованной татарской городской одежде были только женщины старшего возраста, но на одной из девушек была замечена толстовка с эмблемой клуба «Татарча КВН».

Таким образом, для некоторой части молодежной аудитории — татар, прежде всего из числа активистов, сегодня характерна репрезентация своей «татарскости» и/или «мусульманскости». Можно даже сделать предположение о некоей моде в республике на татарское, о чем говорит и употребление отдельных фраз на данном языке. Упомянем также то, что продавец татарских скетчбуков на книжной выставке отметил, что они хорошо расходятся. Ведет ли это к соответствующему использованию татарского языка? Наблюдения показали, что не всегда. Общение на татарском, когда основным языком коммуникации является русский, требует немалых усилий. В то же время для некоторых татар, хорошо владеющих им, само его употребление становится маркером идентичности.

Помимо русского и татарского, в ходе наблюдений было зафиксировано употребление молодежью некоторых других языков. В «Циферблате» это был английский, пообщаться на котором с его носителем пришла часть аудитории. Это связано с характерной для последних десятилетий ориентацией части молодых людей (в

первую очередь студентов) на Запад и западную культуру, что ведет к активному изучению ими иностранных языков. Возрастает востребованность таких знаний при поступлении на работу — в престижные международные фирмы, корпорации и т. д. На английском языке также строилось общение с иностранными студентами, пришедшими в «Штаб». Наконец, нужно упомянуть, что молитва на ифтаре звучала на арабском языке, также ставшем в республике в некоторой мере привычным за годы постсоветского этнорелигиозного возрождения.

Таким образом, главным языком общения в большинстве досуговых молодежных сред Казани выступает русский. Татарский язык используется в основном на тех площадках, которые предназначены специально для сохранения и развития татарской культуры, либо на мероприятиях, организованных татарскими активистами. Соответственно и публика данных площадок и мероприятий преимущественно татарская. Иными словами, сегодня нельзя говорить о существенных переменах в соотношении татарского и русского языков в языковых практиках молодежи столицы республики. Хотя отдельные тенденции к его изменению и наблюдаются, они касаются лишь относительно узкого круга молодых казанцев. Другие, в том числе татары, продолжают в свободное, проводимое вне дома время общаться на русском языке. Одновременно в ряде досуговых пространств города замечено фрагментарное звучание, присутствие в рекламном материале и в интернет-анонсах английского языка с отдельным вкраплением других иностранных языков.

Выбор языка коммуникации зависит от многих факторов. Наблюдения показали, что весьма значима ситуация общения — те условия, в которых оно протекает, роль визуального, звукового, вербального контекста. В связи с этим представители одних и тех же групп молодежи могут в одних случаях говорить на русском языке, в других — на татарском.

Тема разговора и повод также сказываются на выборе языка общения. Так, есть темы, о которых принято говорить на татарском (связанные с семьей, бытом), и о которых на нем говорят редко (современные технологии, компьютерные игры, спорт). Ощутимо чаще его используют на мероприятиях, связанных с татарской традиционной (в том числе исламской) культурой.

Сегодня имеет место тенденция становления отдельных элементов, связанных с татарской культурой. Замечено также, что для некоторой (небольшой) части молодежи важно проявление «татарскости». Однако это не влияет на интенсивность применения татарского языка в ситуациях повседневного общения. Хотя в ряде случаев и сам татарский язык используется молодыми людьми в качестве маркера этнической идентичности.

Список литературы

1. Габдрахманова Г. Ф. Языковое поведение и этноязыковые установки русских и татар Республики Татарстан / Г. Ф. Габдрахманова // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, «Артифакт», 2014. – С. 17–38.
2. Boas F. Race, language and culture. N.Y.: The Macmillan Company, 1940.
3. Malinowski B. A. Scientific theory of culture and other essays. New York: Oxford University Press, 1960.
4. Mauss M. Sociologie et anthropologie. Paris: PUF, 1950.
5. Garfinkel. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.
6. Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
7. Heller M. Code-switching: anthropological and sociolinguistic perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.

8. Appel R. Language contact and bilingualism. London: Arnold, 1987.
9. Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
10. Салихова Э. А. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Э. А. Салихова, Н. Г. Искужина // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (Ч. 2). – С. 181–186.

Сведения об авторе

Макарова Гузель Ильясовна, д. с. н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, тел. 89050231103, e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Makarova G. I., Doctor of Sociology, associate professor, leading scientific worker of the department of ethnological researches of the Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, phone: 89050231103, e-mail: makarova_guzel@mail.ru

УДК 316.7

НАЦИОНАЛИЗМ: ОСНОВНЫЕ ЕГО ТИПЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ
NATIONALISM: ITS TYPES AND CHARACTERISTICS

Н. В. Омелаенко, Э. М. Шарипова
N. V. Omelaenko, E. M. Sharipova

Ключевые слова: социокультурный феномен национализма; формы национализма; ризорджименто; ирредентизм; доминирующий; маргинальный национализм
Key words: sociocultural phenomenon of nationalism; forms of nationalism; Risorgimento; irredentism; dominating; marginal nationalism

В данной статье автор рассматривает типы и характеристики различных форм национализма, которые зависят от исторических, социально-политических и экономических условий. В некоторых случаях национализм положительно влияет на развитие общества (гражданский, ризорджименто, большой национализм), а в некоторых, наоборот, способствуют расколу общества (интегральный, малый, радикальный национализм, ирредентизм). Статья имеет теоретико-методологический характер и позволяет обобщить существующие в науке концептуальные подходы к данной проблеме.

In this paper author reviews different types and characteristics of various forms of nationalism, which depend on historical, social, political and economic conditions. Sometimes nationalism has a positive influence on the development of society, for example, civil, Risorgimento, large nationalism. In some cases, on the contrary, nationalism can contribute to the spit of society (integral, small, radical nationalism, irredentism). The paper has a theoretical and methodological character and allows to generalize the existing science conceptual approaches to this issue.

Проблема национализма всегда была в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. И это неслучайно, поскольку националистические идеи и настроения постепенно распространяются в мире и проявляются в идеологии, политике и культуре. Это явление особенно характерно для республик, входивших ранее в состав СССР.

Значительное число определений и теорий национализма показывает, что в научных кругах нет единодушного мнения о сущности данного социально-культурного яв-

ления. Предлагаемая статья рассматривает наиболее известные теории национализма, которые выделяют его формы и типы и определяют его роль в нашем обществе.

В науке советского периода под национализмом понимали идеи, политику, а также поступки отдельных людей и их системы установок. При этом возникает нетерпимость и нежелание смешиваться с другими этносами, что приводит к дискриминации народов, имеющих другую национальность [2].

В научном сообществе нашего времени сложилось несколько другое понимание национализма. Так, например, Дж. Бройи рассматривает национализм как доктрину, политику и массовое чувство. Многих исследователей всегда волновал вопрос о том, какие причины и факторы влияют на распространение национализма. Одной из них, по мнению В. А. Ачкасова, является создание и иное толкование национальной истории, национализации прошлого, выделение только выгодных событий в истории, изменение коллективной исторической памяти для создания новой нации в новых политических режимах [5].

Другие исследователи полагают, что национальную идентичность создают политические и интеллектуальные элиты. Их политика направлена на уничтожение и иное трактование отдельных общественно-исторических событий [5]. Она реализуется путем создания новых учебников по истории, разрушением старых и строительством новых памятников, изменением информационной политики.

Изучая национализм, ученые выделяют несколько подходов к нему: первоначальный, функциональный, повествовательный и современный [3].

Сторонники первоначального подхода утверждают, что их нация существует на протяжении многих веков. При этом сконструированные ими мифы, взятые из прошлого, часто не соответствуют реальным историческим фактам и могут быть легко опровергнуты с помощью исторических документов. Очень часто придуманные мифы создаются, сохраняются и передаются именно современными институтами, такими как органы законодательной власти, институты образования, культуры и т. д. Ранее эту роль выполняли правящие династии и религия.

Представители функционального подхода выделяют ряд функций, которые выполняет национализм. Одной из них является функция психологическая. В некоторых случаях для сохранения своей идентичности людям необходим национализм. Например, когда представители других этнических групп, прибывая в другую страну на более длительный срок, стараются сохранить свою идентичность. Переживая культурный шок, они испытывают тревогу, беспокойство и волнение, отказываются учить другой язык и не могут интегрироваться в новое общество.

Сторонники повествовательного подхода преподносят рост националистических настроений как обыденное явление и подробно рассказывают историю его возникновения.

В основе современных теорий национализма лежит изучение преобразований в сфере элит, изменение политических режимов и общественных институтов.

Стоит отметить, что главное внимание в исследованиях уделяется формам проявления национализма. П. Олтер выделяет такие типы национализма, как рисорджименто и интегральный национализм. Рисорджименто появился в те времена, когда народы вели освободительную войну за свою независимость. В это же время формируются нации и национальные государства. Рисорджименто может подразделяться на политический, экономический и культурный (лингвистический и религиозный национализм) [3].

Интегральный национализм характеризуется радикализмом, экстремизмом. Национализм типа рисорджименто предполагает равенство всех этнических групп, в то время как интегральный национализм проводит принудительную ассимиляцию и уничтожает другие народы.

Дж. Холл предлагает следующую классификацию национализма — национализм западных преиндустриальных обществ, оппортунистический национализм, национализм рисорджименто, интегральный национализм, экономический, посткоммунистический и постколониальный [3].

В. А. Тишков и В. А. Шнирельман указывают на такие формы национализма, как либеральный и нелиберальный, имперский и социальный, «хороший» и «плохой», западный и восточный, новый и старый, оценочный и проектный [4].

Л. М. Дробижева выделяет гражданский и этнический-этнонационализм. Гражданский национализм направлен на единение населения и государства с помощью общих гражданских прав, идеологии и культуры [3].

Этнонационализм может быть политическим, экономическим и культурным. Политический национализм ставит своей целью объединить государственные институты, ресурсы и образование для сохранения государственной власти. Культурный национализм содействует развитию культуры и традиций других народов.

Среди названных форм национализма, особо опасным является политический национализм, поскольку он стремится к достижению преимуществ во власти, идеологии и культуре. Политический национализм существует в многонациональном государстве из-за неравных национальных прав и страха малых народов потерять свою автономию и природные ресурсы.

Классическая форма политического национализма — это движение за независимость или самостоятельность внутри государства. Этот тип национализма проявлялся в прибалтийских республиках, в Украине и других союзных республиках в советский период.

Экономический национализм направлен на достижение самостоятельности в экономической и политической сферах. Это явление ярко проявилось в Республике Саха (Якутия) в Татарстане, в Башкортостане.

Культурный национализм требует создания моногосударства и использования одного государственного языка, несмотря на многонациональный состав населения, что происходит в наши дни в Украине [2].

В полиэтничном государстве могут одновременно сосуществовать национализм этнического большинства (народа или этноса, на основании языка и культуры которого была создана национальная идентичность) и национализм этнических меньшинств, которые хотели бы создать свои отдельные и независимые государства и выйти из состава государства.

Большой национализм использует все средства и методы, чтобы сделать нацию единой и сохранить суверенитет и территориальную целостность.

Внутри большого национализма различают консервативный и радикальный. Они выполняют похожие задачи, но пользуются разными методами. Консервативный национализм контролирует процессы интеграции в обществе под руководством правящих политических партий и тесно связан с либеральной идеологией. Задача радикального национализма состоит в том, чтобы уничтожить культуру, языки, обычаи и традиции других этнических групп.

Консервативный национализм достигает своих целей путем создания единого правового и экономического пространства, контроля органов исполнительной власти. Радикальный национализм использует дискриминационные методы — насилие и террор против представителей этнических меньшинств и вновь прибывших мигрантов. Представители радикального национализма приветствуют проявлению ксенофобских настроений в обществе.

Радикальные националисты считают своей главной и первостепенной задачей создание однородного общества, где во главе органов государственной, законодательной и исполнительной власти будут представители только одной этнической группы. Послед-

ние события в мире показывают, что радикальных националистов часто используют для свержения неудобных политических режимов и создания хаоса и нестабильности в государстве.

Малый национализм характерен для небольших этнических групп, которые находятся в государстве с унитарной национальной политикой и оказывают сопротивление большому национализму. Проявление малого национализма не характерно для традиционного государства, т.к. оно относится с уважением к малым этническим группам. Однако во время кризиса, при вмешательстве других государств, сторонники малого национализма стремятся создать собственное независимое национальное государство. Данная цель может быть осуществлена путем получения административно-политической автономии и выхода из состава государства, который в дальнейшем приведет к созданию нового независимого государства. Все проявления малого национализма опасны, поскольку угрожают целостности страны и могут привести к её распаду и созданию новых независимых государств

Еще одной формой национализма является ирредентизм. Это явление означает, что одно государство посягает на контроль над территорией другого государства на основании предположительно той же этнической принадлежности. Ирредентизм способствует формированию сепаратистских настроений и развитию малого национализма.

В основе колониализма лежит принцип глобализации экономики, направленной на расширение зоны торговли, идеологию составляет расизм, представленный в культурно-просветительском духе.

Жители Европы создавали колонии в других странах для продвижения гуманистических идей и введения новых технологий. Однако на самом деле основной смысл колонизации состоял в том, чтобы захватить чужие земли и присвоить их национальные богатства, уничтожив население, проживающее на оккупированных территориях.

Колониализм появился в период формирования наций и является основной чертой национализма. Иначе колониализм можно назвать большим национализмом, а национально-освободительную войну за независимость — проявлением малого национализма.

Бурный всплеск национализма часто сопровождается этническими чистками, например, созданием резерваций и гетто для коренного населения, строительством концентрационных лагерей, этноцидом или геноцидом, в основе которого лежит уничтожение людей из-за их социально-культурной, этнической и религиозной принадлежности. Цель этноцида — установить контроль над желаемой территорией и создать моногосударство с однородным составом населения.

В заключении можно сделать следующие выводы:

- национализм следует рассматривать как политику, идею и эмоциональное чувство;
- в полиэтничном обществе существуют разные формы национализма — большой и малый;
- для изучения социально-политических и культурных процессов в обществе необходимо интегрировать уже существующие теории.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций / В. А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI, № 4 (69). – С. 106–123.
2. Дугин А. Г. Этносоциология / А. Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2011. – 639 с.

3. Нации и национализм / Б. Андерсон [и др.]; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с. – (Новая наука политики).
4. Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – 601 с.
5. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.
6. Фарукшин М. Х. Лики национализма / М. Х. Фарукшин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154, кн. 1. – С. 262–268.

Сведения об авторах

Омелаенко Наталия Викторовна, к. с. н. доцент кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89048762728, e-mail: omnv2011@mail.ru

Шарипова Эльвира Маннуровна, к. с. н. доцент кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 79829207464, e-mail: elvira_sha2009@mail.ru

Omelaenko N. V. Candidate of Science in Sociology, associate professor of the chair of foreign languages, Industrial University of Tyumen, phone: 89048762728, e-mail: omnv2011@mail.ru

Sharipova E. M., Candidate of Science in Sociology, associate professor of the chair of foreign languages, Industrial University of Tyumen, phone: 79829207464, e-mail: elvira_sha2009@mail.ru

УДК 314.582

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОСТИ В РОССИИ В 1990–2015 ГОДАХ¹ SPATIAL PECULIARITIES OF NUPTIALITY IN RUSSIA IN 1990–2015

А. Л. Синица
A. L. Sinita

Ключевые слова: брачность; конвергенция; метод Уорда; регионы России
Key words: nuptiality; convergence; Ward's method; regions of Russia

В статье рассматриваются тенденции в сфере брачности, наблюдаемые в 1990–2015 гг. Наш анализ построен на σ - и β -конвергенции и кластерном анализе по методу Уорда. Коэффициент вариации был низким за весь период, однако в последние годы возрос. Все эконометрические модели показывают наличие конвергенции и высокую скорость сближения регионов, но коэффициент детерминации был высоким только для 1998–2007 гг. На основе иерархической кластеризации по методу Уорда были выделены регионы с высоким и низким уровнем брачности, а затем объединены в группы, исходя из значения общего коэффициента брачности в 1990, 1998 и 2015 гг.

On the basis of the current statistical records in the article the trends in the field of nuptiality in 1990–2015 are viewed. Our analysis is built on both σ - and β -convergence and the cluster analysis by the Ward's method. The coefficient of variation has been low during all the period, but have been in-

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения» (№ 15-06-09027).

creasing from 2009. Convergence exists according to all econometric models and its speed is high, but the coefficient of determination is high only in the model for 1998–2007. On the basis of the cluster analysis by the Ward's method we identified the groups of regions with high and low level of nuptiality. Then we combined the regions into the groups based on the crude marriage rate in 1990, 1998 and 2015.

Вопросы брачности крайне важны для социально-экономического развития страны, ведь от их решения зависит успешность государственной политики в отношении целого ряда аспектов. Во-первых, в случае преобладания незарегистрированных союзов рождаемость при прочих равных условиях ниже. Во-вторых, такие союзы чаще распадаются. В-третьих, это влияет на бюджет страны, поскольку для неполных семей требуется больше помощи, как в денежной, так и в натуральной форме. В-четвертых, для правильного воспитания в семье необходимы оба родителя. В-пятых, дети, выросшие вне семьи или в неполной семье, не имеют навыков семейной жизни и сами создадут семьи с меньшей вероятностью. Наконец, совместное проживание ведет к экономии, особенно при ведении домашнего хозяйства. Все вышеперечисленные аргументы свидетельствуют о пользе проведения более активной семейной политики, для чего требуется соответствующее информационное обеспечение.

Наша работа преследует две цели. Во-первых, мы определим, наблюдалась ли в 1990–2015 гг. в стране конвергенция регионов по уровню брачности. Во-вторых, выявим регионы, имеющие схожие тенденции в сфере брачности в разные годы.

Источником информации являются данные текущего учета. Из всех показателей, характеризующих брачность, мы выбрали общий коэффициент брачности [8]. Он зависит от возрастно-половой структуры населения, но для него существует длинный динамический ряд по регионам, что необходимо для изучения пространственных аспектов брачности. Кроме того, высокий уровень брачности по российским меркам отмечается в регионах с достаточно старым населением. В связи с этим для комплексного анализа в первом приближении (без рассмотрения среднего возраста вступления в брак, браков по возрастам женихов и невест и схожих аспектов) данный показатель подойдет.

Пространственными аспектами брачности как темой исследования в России почти никто не занимается, однако из специалистов в области брачности можно отметить работы А. Б. Синельникова [4] и Г. В. Антонова [2].

Для изучения пространственных аспектов брачности мы будем использовать два инструмента: конвергенцию и кластерный анализ на основе метода Уорда. Про виды конвергенции подробно написано в работах [10, 11]. В отечественной литературе она активно используется экономистами, а при исследовании социальных проблем — используется редко [3, 5, 6]. К методу Уорда отечественные исследователи также прибегают достаточно редко [1, 7].

В 1990 г. общий коэффициент брачности был достаточно высоким, в 1998 г. достигнут абсолютный минимум (табл. 1). Затем, несмотря на отдельные спады, вновь наметился рост. До 2007 г. рост можно объяснить компенсацией отложенных браков и благоприятной возрастной структурой населения, после — государственной программой стимулирования рождаемости, поскольку в брачный возраст стали вступать малочисленные поколения, рожденные в 1990-е гг.

Проведенный анализ показал, что в 2000–2010 гг. коэффициент вариации общего коэффициента брачности был выше по сравнению с 1990-ми гг. (см. табл. 1). Его снижение в 1993 г. связано с адаптацией всего населения к новым условиям, а не только отдельных регионов. Скачок в 2008 г. мы можем связать с введением государственной программы стимулирования рождаемости, поскольку во многих регионах рождение ре-

бенка вне брака осуждается. Этим же мы объясняем резкое изменение коэффициента вариации в 2012 г.

Таблица 1

Общий коэффициент брачности и его коэффициент вариации в 1990–2015 годах

Год	ОКБ	КВ	Год	ОКБ	КВ	Год	ОКБ	КВ
1990	8,9	6,5	1999	6,3	7,0	2008	8,3	10,4
1991	8,6	7,9	2000	6,2	7,4	2009	8,4	7,6
1992	7,1	7,1	2001	6,9	6,5	2010	8,5	8,3
1993	7,5	3,6	2002	7,1	6,7	2011	9,2	9,2
1994	7,4	4,4	2003	7,5	8,5	2012	8,5	11,0
1995	7,3	5,9	2004	6,8	9,1	2013	8,5	11,4
1996	5,9	6,8	2005	7,4	8,0	2014	8,4	12,1
1997	6,3	7,5	2006	7,8	6,3	2015	7,9	12,5
1998	5,8	6,9	2007	8,8	6,4			

Источник: расчеты автора на основе [8].

Мы рассматриваем (табл. 2), наблюдалась ли конвергенция регионов по уровню брачности в 1990–1998 (модель 1), 1990–2015 (модель 2), 1998–2015 (модель 3), 1998–2007 (модель 4), 2008–2015 (модель 5) гг.

1990 и 2015 гг. — начало и конец интервала, 1998 — год с самой низкой брачностью, 2007 — год начала программы стимулирования рождаемости, 2008 — год повышения брачности из-за введения этой программы.

Таблица 2

Результаты эконометрического моделирования²

	Коэффициент	Стандартная ошибка	P-значение	R-квадрат	Исправленный R-квадрат
Модель 1					
const	0,143583	0,296313	0,6293	0,050699	0,038528
l_v1990_1998	-0,277138	0,135785	0,0446 **		
Модель 2					
const	0,532812	0,352631	0,1348	0,045807	0,033729
l_v1990_2015	-0,315136	0,161821	0,0550 *		
Модель 3					
const	1,18642	0,209147	2,29e-07 ***	0,185186	0,174740
l_v1998_2015	-0,510904	0,121344	6,77e-05 ***		
Модель 4					
const	1,91609	0,126360	5,72e-025 ***	0,630731	0,625997
l_v1998_2007	-0,846200	0,0733120	1,51e-018 ***		
Модель 5					
const	1,22465	0,304036	0,0001 ***	0,192824	0,182606
l_v2008_2015	-0,622674	0,143335	4,11e-05 ***		

Источник: расчеты автора на основе [8].

Согласно всем моделям, регионы сближались по уровню брачности. Коэффициент детерминации был высоким только для 1998–2007 гг., когда в брачный возраст вступали

² * — коэффициент значим на уровне 10 %, ** — коэффициент значим на уровне 5 %, *** — коэффициент значим на уровне 1%.

многочисленные поколения, а государство не проводило активную политику. В остальных моделях этот показатель низкий или крайне низкий, однако, все модели значимы, что не позволяет нам не рассматривать их. При этом темпы сближения регионов были крайне высокими. Возможно, это связано с большими различиями по уровню брачности между регионами, которые составляли до трех раз.

Как мы видим, в данном случае существует β -конвергенция, но σ -конвергенция отсутствует, то есть дисперсия растет, а различия по темпам изменения показателя снижаются. Подробное объяснение этого можно посмотреть в работах [9, 11].

На основе иерархической кластеризации по методу Уорда мы разбили все регионы в 1990, 1998 и 2015 гг. на две группы (с высоким и низким уровнем брачности). Полученные группы за три года мы объединили по динамике изменения уровня брачности (табл. 3).

Таблица 3

Регионы по уровню брачности и его изменению

Уровень брачности	Регионы
Высокий, высокий, высокий	Амурская, Брянская, Еврейская автономная, Калининградская, Магаданская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Томская, Тюменская области, Республики Башкортостан, Коми, Саха (Якутия), Татарстан, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Чукотский автономный округ, города Москва, Санкт-Петербург
Высокий, высокий, низкий	Волгоградская, Курганская, Пензенская, Саратовская области, Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Мордовия, Чувашская, Алтайский, Ставропольский края
Низкий, высокий, высокий	Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Курская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Республика Хакасия, Забайкальский край
Низкий, низкий, высокий	Архангельская, Иркутская, Новгородская, Свердловская области, Республика Карелия, Пермский край
Низкий, низкий, низкий	Вологодская, Ивановская, Кировская, Псковская области, Республики Бурятия, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Удмуртская
Низкий, высокий, низкий	Астраханская, Кемеровская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, Тверская, Тульская области, Республика Северная Осетия

Источник: расчеты автора на основе [8].

Мы не планируем рассматривать эту таблицу в данной статье подробно, поскольку для определения причин попадания регионов в ту или иную группу нужны дополнительные исследования. Остановимся лишь на некоторых аспектах.

В таблице рассмотрены все регионы, кроме Республик Тыва и Чеченская. В Республике Тыва в 1990 г. был высокий уровень брачности, а в 1998 и 2015 гг. — низкий. Больше регионов с таким распределением нет. По Чеченской Республике нет данных за 1998 г., поэтому мы не можем ее классифицировать. Мы видим, что существует много регионов, в которых уровень брачности выше среднего во всех периодах. В регионах юга России с высокой ценностью детей и семейных ценностей уровень брачности ниже среднего по стране. Вероятно, это связано с отношением к бракам и миграционными процессами в них, однако для более глубокого прояснения вопроса нужны дополнительные исследования. В отношении других географических районов (Центр, Север и прочих) четкой зависимости нет. В регионах с более старым населением уровень брачности выше. В некоторых группах мы видим, что можно выделить мезорегионы по динамике изменения уровня брачности, основанные на географическом принципе. В связи с этим одним из перспективных направлений является анализ пространственных аспектов брачности, с использованием индекс пространственной автокорреляции Морана.

Наше исследование позволяет сделать следующие выводы относительно пространственных аспектов брачности в России в 1990–2015 гг. Во-первых, в 1990-е годы уровень брачности снижался, а после 1998 г. он начал расти. Особенно высоким он был после 2007 года. Программа стимулирования рождаемости оказала значимое влияние и на уровень брачности в стране. Во-вторых, по уровню брачности регионы сближались, но разброс между минимальными и максимальными значениями был велик. В-третьих, существуют некоторые пространственные закономерности, основанные на географическом распределении регионов, но для их анализа необходимы дополнительные исследования и инструменты анализа. Для улучшения ситуации необходимо более активно реализовывать положения Концепции государственной семейной политики до 2025 года, принятой в 2014 г., поскольку необходимые шаги в ней перечислены достаточно подробно.

Список литературы

1. Абылкаликов С. И. Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам / С. И. Абылкаликов // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 22 (397). – С. 21–30.
2. Антонов Г. В. Основные тенденции брачности и разводимости в России за последние 50–60 лет / Г. В. Антонов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 4. – С. 43–53.
3. Бровкова А. В. Факторы конвергенции российских регионов и их особенности в воспроизводственном цикле человеческого потенциала / А. В. Бровкова // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 143–150.
4. Синельников А. Б. Есть ли альтернатива законному браку? / А. Б. Синельников // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2016. – № 3. – С. 125–147.
5. Сеница А. Л. Характеристики домохозяйств в России по данным переписей населения / А. Л. Сеница // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 4. – С. 51–56.
6. Спешилова Н. В. Статистическое исследование социальной дифференциации регионов России на основе моделей конвергенции / Н. В. Спешилова, Т. Н. Ларина // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 44. – С. 18–23.
7. Черныш М. Ф. Опыт применения кластерного анализа / М. Ф. Черныш // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2000. – № 12. – С. 129–141.
8. Число браков в расчете на 1000 населения за год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31266>.
9. Janssen F., van den Hende A., de Beer J., van Wissen L.J.G. Sigma and beta convergence in regional mortality: A case study of the Netherlands // Demographic Research. – 2016. – Vol. 35. – № 4. – P. 81–116.
10. Lanzieri G. EUROPOP2008: A set of population projections for the European Union. A paper, presented at the XXVI IUSSP International Population Conference [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iussp2009.princeton.edu/papers/91070/>.
11. Sala-i-Martin X. X. The Classical Approach to Convergence Analysis // The Economic Journal. 1996. – Vol. 106. – № 437. – P. 1019–1036.

Сведения об авторе

Сеница Арсений Леонидович, к. э. н., научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова г. Москва, тел. +7 (495) 9393094, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Sinitsa A. L., Candidate of Sciences in Economics, research fellow of the Laboratory of Economics of Population and Demography of Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, phone: +7(495)9393094, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru

УДК 316.346.32-053.9

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ
РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ**
TO THE ISSUE OF THE SOCIAL HETEROGENITY OF RUSSIAN PENSIONERS

С. Ю. Тумакова
S. Yu. Tumakova

Ключевые слова: пенсионеры; пожилые люди; социальная группа пенсионеров; социальная дифференциация
Key words: pensioners; elderly; social group of pensioners; social differentiation

Продемонстрирована многочисленность оснований, по которым может быть рассмотрена гетерогенность социальной группы пенсионеров: пол, возраст, брачный статус, географическое место проживания, образ и стиль жизни, экономическая активность и характер труда, локус контроля. Предложена досуговая активность в качестве нового критерия социальной дифференциации данной группы в целях совершенствования государственной социальной политики в отношении пенсионеров по возрасту.

It is demonstrated that sex, age, marital status, geographic location, mode of life and lifestyle, economic activity and type of labor, locus of control - could be considered as numerous bases for social differentiation of pensioners as social group. Author propose a forms of leisure activity as new criteria of social differentiation for social policy to do with the pensioners and the elderly people.

В связи с демографическими изменениями, происходящими в нашей стране и во всем мире, в частности, старением населения, увеличением доли лиц пожилого возраста в социальной структуре вопросы изучения различных аспектов образа жизни столь многочисленной части наших сограждан, как пенсионеры, приобретают особую актуальность. Отмечая все увеличивающийся объем социологических исследований, посвященных проблемам лиц пенсионного возраста, нельзя не обратить внимание на малую представленность работ, посвященных изучению социальной гетерогенности пенсионеров.

Цель статьи — продемонстрировать многообразие критериев, по которым возможно проведение дифференциации лиц пенсионного возраста для дальнейшего научного поиска и практического применения различных мер социальной геронтополитики в интересах каждой подгруппы.

Прежде всего необходимо конкретизировать понятия «пенсионеры» и «пожилые люди». Пенсионер — это лицо, получающее пенсию. Ст. 5 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» устанавливает следующие виды пенсий: социальные (назначаются федеральным государственным служащим), пенсия по старости (назначается нетрудоспособным гражданам, которые не имеют права на трудовую пенсию), пенсия за выслугу лет, трудовые, которые, в свою очередь, подразделяются на пенсию по инвалидности, потере кормильца. Нас интересуют граждане, получающие трудовую пенсию по старости, то есть мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины с 55 лет. В качестве синонима «пенсионеры» А. В. Дмитриев вводит термин «пожилые люди» [2]. О. В. Краснова отмечает, что обычно пожилыми называют лиц, достигших пенсионного возраста [4]. Сопоставляя термины «пожилой человек» и «пенсионер», О. А. Кувшинова предлагает определить границы пожилого возраста от 55 до 72 лет.

Она выявляет социально-временную специфику пожилого возраста и дает определение социальной группе пожилых. «Пожилые — это особая социальная группа экономически активного населения в возрасте от 55 до 72 лет, объединенная временем, групповым сознанием и ценностными ориентациями» [7]. Возрастная отметка в 72 года выбрана неслучайно — именно она считается сроком окончания экономической активности личности, согласно классификации Организации Объединенных Наций. Таким образом, по отношению к экономической активности пенсионеров можно разделить на экономически активных (работающих или ищущих работу, стоящих на учете в службе занятости и готовых приступить к трудовой деятельности в ближайшее время) и экономически неактивных (неработающих).

Социальная группа пенсионеров неоднородна и может быть дифференцирована по различным основаниям, например, согласно мнению И. А. Григорьевой [1], О. А. Кувшиновой [7], Л. С. Ржаницыной [12], по возрастному критерию. Наиболее распространенной, в том числе в западной науке, является выделение групп так называемых «молодых пожилых» (young old) и «старых пожилых» (old old). И. А. Григорьева также предложила разделить «третий» и «четвертый» возраст [1]. Эксперты Центра стратегических разработок и Экспертного совета при Общественном совете по инвестированию средств пенсионных накоплений при Президенте РФ разделили пенсионеров на три возрастные группы: младшую — до 63 лет, среднюю до 73 лет и старшую — свыше 73 лет. Критерием послужили различные потребности: младшие хотят работать, средние рассчитывают на пенсию, для старших важна не пенсия, а социальные гарантии и доступные лекарства [12]. Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, к пожилому относится население в возрасте от 60 до 74 лет, от 75 до 89 — к старому, а от 90 лет и старше — к долгожителям. Представители различных возрастных групп в силу естественных причин физиологического характера, а также экономических и иных особенностей своего социального положения проводят свое свободное время по-разному.

Одной из основополагающих является классификация пенсионеров по гендерному признаку, то есть по полу. Известный геронтопсихолог О. В. Краснова вводит термин «гендерная слепота» — игнорирование феминистских особенностей демографического процесса старения России [5]. В связи с низкой продолжительностью жизни мужчин мы можем наблюдать высокую долю женщин-пенсионеров по сравнению с мужчинами-пенсионерами, по мере увеличения возраста данное различие все более усиливается. Согласно статистическим данным, на 1 января 2015 г. число граждан в возрасте старше трудоспособного составляло 35 163 326 чел., среди них мужчин — 10 182 881, женщин — 24 980 445, то есть превосходство более чем в 2 раза [14].

По своему семейному положению или, как принято его наименовывать в англоязычной литературе, брачному статусу пенсионеры могут быть дифференцированы на состоящих в браке и проживающих вместе с супругом и детьми; проживающих вместе с супругом/супругой, взрослые дети, имеющие свои семьи, живут отдельно; не имеющих супруга (овдовевшие либо никогда не вступавшие в брак); не состоящих в браке, не имеющих детей и одиноко проживающих (а, следовательно, требующих проявления к себе особого внимания со стороны государственных и муниципальных органов социального обеспечения). Это очень приблизительная картина вариативности семейного положения и брачного статуса пожилых людей.

Внимание к свободному времени пенсионеров и их деятельности в это время, которую мы обозначаем термином «досуговая активность», обусловлено коренным изме-

нением образа жизни пожилых людей с выходом на пенсию. Досуг является элементом образа жизни наряду с трудом и повседневной, бытовой деятельностью. Мы предполагаем, что значение и ценность досуга для пенсионеров возрастает. Когда человек оставляет работу, он сталкивается с проблемой увеличения количества свободного времени. И от того, насколько эффективно будет решена эта проблема, зависит качество будущей жизни, социальное самочувствие пожилых людей. Рациональное использование своего свободного времени зависит от уровня так называемой досуговой квалификации. Помощь в повышении уровня досуговой квалификации должна оказываться в учреждениях социальной защиты населения.

Проанализировав данные Росстата о посещении лицами старших возрастов развлекательных и спортивных мероприятий в Российской Федерации в 2011 [8] и 2014 гг. [9], мы можем отследить динамику различных форм досугового поведения, таких как посещение кинотеатра, театра, музея, ресторана, религиозного учреждения, спортивного мероприятия в качестве зрителя, а также совершение туристической или экскурсионной поездки за последние 12 месяцев. Отметим, что досуговая активность лиц в возрасте 70 лет и старше ниже, чем у 60–69-летних пенсионеров. Единственный вид учреждений, доля посещений которых 70-летними выше, чем 60-летними — религиозные. В 2011 году доля лиц в возрасте 60–69 лет, регулярно посещавших религиозные учреждения или встречу верующих составляла 20,8 %, а в возрасте 70 лет и старше — 27,7 %. В 2014 году эти показатели резко упали: 60–69 лет — до 15,7 % 70 лет и старше — до 25,4 %. Зато увеличилось число лиц, совершавших туристическую или экскурсионную поездку за последние 12 месяцев: среди лиц 60–69 лет их доля выросла с 10,2 % в 2011 до 13,3 % в 2014, среди граждан в возрасте 70 лет и старше — с 2,2 % в 2011 до 4,4 % в 2014.

Социальная группа пенсионеров может быть дифференцирована по признаку географического места проживания: пенсионеры, проживающие в городах, в сельской местности, и промежуточная подгруппа, к которой можно отнести лица, совершающие сезонные маятниковые миграции из города в село весной и обратно осенью в связи с необходимостью обеспечения себя и своей семьи сельскохозяйственной продукцией.

Ю. П. Лежниной исследована внутренняя структура социальной группы пенсионеров и показано, что разные подгруппы пенсионеров занимают различные структурные позиции, характеризующиеся неравенством возможностей, в том числе в плане проведения досуга [8]. Ю. П. Лежнина выделяет благополучных пенсионеров (21 %) — работников умственного труда (профессионалов и полупрофессионалов) городов, неблагополучных пенсионеров (28 %) — сельских пенсионеров, за исключением проживающих в селах профессионалов, и промежуточную подгруппу (51 %), в которую входят все остальные пенсионеры. Различия в способах проведения свободного времени пенсионеров, подпадающих в данные группы, обусловлены, в первую очередь, условиями их проживания, а также уровнем образования. Известно, что в сельской местности возможности для культурного проведения досуга сильно ограничены, хотя многие эксперты не считают это главной проблемой села. В последние годы были закрыты многие сельские библиотеки, клубы и дома культуры. В силу ограниченных финансовых возможностей многие пенсионеры не могут позволить себе выписывать журналы и газеты, вследствие чего их досуг сильно обеднен и состоит в основном лишь из прослушивания радио и просмотра телепередач. Пенсионеры, как правило, составляют большую долю лиц в социальной структуре российского села, в отличие от группы лиц молодого возраста. Можно обнаружить случаи проявления возрастного неравенства, притеснения пенсио-

неров по критерию возраста в том, что государство не обеспечивает пожилых жителей сельской местности условиями для достойного проведения досуга. Однако надо заметить, что предпринимаются некоторые, крайне недостаточные, попытки улучшить ситуацию: например, в Республике Башкортостан программа «Народный университет третьего возраста» расширена и до сельских местностей. Региональная общественная организация «Социальный центр «Народный университет третьего возраста» получила грант «Мобильный народный университет для пенсионеров («Университет на колесах»)), что позволит пожилым гражданам в отдаленных районах республики обучаться новым интересным программам и с пользой проводить свое свободное время [13].

Важно отметить, что и процесс адаптации протекает по-разному у пенсионеров, проживающих в городской и сельской местностях. И. В. Нечаева считает, что у жителей села в качестве адаптационного ресурса выступает земля [9]. Городские жители зачастую не имеют в запасе такого ресурса (кроме владельцев приусадебных участков), зато у них лучше условия для отдыха, медицинского и социального обслуживания.

Одной из специфичных характеристик досуга пожилых людей является перераспределение свободного времени между различными социальными и возрастными группами. О. А. Кувшинова справедливо считает, что происходит борьба за свободное время между различными возрастными группами, что иногда более молодые возрастные группы непреложные обязанности по домашнему хозяйству перекладывают на плечи более старших групп. Снимая с детей нагрузку по дому, пожилые люди жертвуют здоровьем, досугом, отдыхом, общением и другими важными для них ценностями [6].

Уровень образования также является одним из критериев социальной дифференциации пенсионеров, по которому они могут быть разделены на лица со средним общим образованием, средним специальным, незаконченным высшим, высшим, а также лица, имеющие ученые степени кандидата и доктора наук.

В 1970-е годы американским психологом Дж. Б. Роттером была предложена концепция «локуса контроля», в соответствии с которой были выделены 2 группы людей, в зависимости от того, что они считают главным источником контроля за их поступками: экстерналы (индивиды с внешним локусом контроля) объясняют свои действия внешними обстоятельствами, а интерналы (лица с внутренним локусом контроля) — внутренними, считая, что сами ответственны за свои поступки и могут повлиять на внешнее окружение. Г. М. Зараковский называл экстерналов личностями, обладающими экстрапунитивной установкой, а интерналов — индивидами с интрапунитивной установкой [3]. Нами предполагается, что индивиды, по-разному определяющие первопричину своих действий, используют различные способы проведения своего досуга. Исследователи пришли к выводу, что среди лиц, находящихся на более высоких ступенях социальной лестницы, в качестве жизненной позиции превалирует установка на собственные силы, то есть группа высокодоходных граждан обладает внутренним локусом контроля, склонна брать на себя ответственность за свою жизнь. Лица, чье социально-экономическое положение невысоко, чаще являются экстерналами и склонны обвинять внешние обстоятельства в жизненных неудачах. Представляет интерес исследование личностной установки у представителей пенсионного возраста.

Все увеличивающееся в нашем обществе количество людей «третьего» возраста, обладающих определенным количеством свободного времени, являющегося одним из ресурсов социально-экономического развития, обуславливает возникновение исследовательского интереса к этой проблеме, остающейся на данном этапе еще малоизученной. Пенсионеры в силу своей социальной неоднородности, используют различные способы распоряжения своим свободным временем. Подробное социологическое исследование

этой проблемы может способствовать совершенствованию мероприятий социальной политики нашего государства по повышению качества жизни лиц пенсионного возраста.

Необходимо уточнить, что мы не затронули все критерии, по которым может быть дифференцировано население пенсионного возраста в силу их значительного многообразия. Формы досуговой активности пенсионеров могут служить еще одним критерием их социальной дифференциации и показателем их социальной неоднородности.

Список литературы

1. Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики / И. А. Григорьева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – № 3. – С. 131–145.
2. Дмитриев А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста / А. В. Дмитриев – Л., 1980.
3. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г. М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 320 с.
4. Краснова О. В. Социальная психология старения / О. В. Краснова – М.: Академия, 2002. – 278 с.
5. Краснова О. В. Старшее поколение: гендерный аспект / О. В. Краснова, Т. З. Козлова. – М.: ИС РАН, 2007. – 220 с.
6. Кувшинова О. А. Геронтологические теории активности человека в пожилом возрасте / О. А. Кувшинова // Вестник ОГУ. – 2003. – № 4. – С. 168–172.
7. Кувшинова О. А. Проблемы социального конструкта пожилого возраста / О. А. Кувшинова // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1. – С. 24–30.
8. Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры в трансформирующемся обществе: социальное положение и структурные характеристики группы: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Лежнина Юлия Павловна. – М., 2010. – 153 с.
9. Нечаева И. В. Социальная адаптация сельских пенсионеров: автореф. дис... канд. социол. наук: 22.00.04 / И. В. Нечаева; Саратов. гос. техн. ун-т. – Саратов, 2003. – 135 с.
10. Посещение лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий в РФ в 2011 г. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/ur6-1-1_2011.doc.
11. Посещение лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий в РФ в 2014 г. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/ur6-1-2_2014.doc.
12. Ржаницына Л. С. Как живут пенсионеры сегодня / Л. С. Ржаницына // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 98–110.
13. Сахипова Г. Обучение плюс общение / Г. Сахипова // Единая Россия — Башкортостан. – 2016. – № 3 (366).
14. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / Росстат.– М., 2015. – 311 с.

Сведения об авторе

Тумакова Симона Юрьевна, аспирант кафедры «Политология, социология и связи с общественностью», Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, тел. +79191408167, e-mail: Tumakova.Simona@gmail.com

Tumakova S. Yu., Graduate student of the chair of political science, sociology and public relations, Ufa State Petroleum Technical University, phone: +79191408167, e-mail: Tumakova.Simona@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ**
PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE
AND EDUCATION DEVELOPMENT

УДК 316.4

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ Г. ЭЛИСТЫ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА УЧИТЕЛЕЙ)**
PROBLEMS OF TEACHING HISTORY IN SCHOOLS OF ELISTA
(BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY OF TEACHERS)

Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева
N. V. Badmaeva, B. V. Idzhaeva

Ключевые слова: история; школьное историческое образование; региональная история; историческая память; учебники истории; формы преподавания; экспертный опрос
Key words: history; school history education; regional history; historical memory; history textbooks; forms of teaching; expert survey

В статье представлены результаты экспертного опроса учителей истории общеобразовательных школ г. Элисты. В ходе исследования были выявлены основные проблемы преподавания истории: современная программа преподавания истории, малое количество часов в неделю, неудовлетворенность учебниками, проблема преподавания региональной истории (отсутствие отдельного курса, отсутствие учебников и т. д.). Нацеленность на сдачу ЕГЭ, освоение лишь фактического материала не дают возможности проводить в полной мере исследовательскую, творческую работу, развивать аналитическое, критическое мышление учащихся.

The article presents the results of the expert survey of history teachers of secondary schools of the city of Elista. The study identified the main problems of teaching history: a modern program of teaching history, a small number of hours per week, dissatisfaction with the textbooks, the problem of the teaching of regional history (the lack of course, lack of textbooks, etc.). Focus on passing the exam and the development of a factual material make it impossible to conduct a fully research, creative work, develop analytical and critical thinking of students.

История как общеобразовательная дисциплина занимает особое место в учебных программах и играет важную роль в развитии любого государства. Она всегда являлась не только школьным предметом, с помощью которого происходила передача накопленного знания о прошлом, но и способом воспитания подрастающего поколения, его знакомства с культурой и традициями своего народа, прививания норм и ценностей, характерных для данного общества, средством развития гражданской, национальной идентичностей, идеологического и политического образования, одной из составляющих формирования исторической памяти. Как отмечает В. В. Ковригин, историческое знание в руках педагога — важнейшее средство воспитания обучающихся. Учебник — средство национальной идентификации, формирования и развития гражданских качеств, исторического сознания школьников [4]. Именно поэтому история всегда испытывала на себе влияние политических и общественных сил, которые, используя различные инструмен-

ты и механизмы, конструировали историческое знание целесообразно своим потребностям [5].

Согласно мнению Е. Е. Вяземского, школьное историческое образование в России за последние десятилетия претерпело сильные преобразования, основные изменения произошли в 1990-е гг. и по времени совпали с процессом становления новой российской государственности. В этот период в результате усилий Министерства образования РФ и педагогической общественности была создана новая постсоветская система школьного исторического образования, построенная на иной, чем в СССР, идеологической основе, с иными целями и задачами, иными требованиями к учащимся и педагогам [2].

Однако школьное образование остается основным каналом получения исторического знания, способом формирования и сохранения исторической памяти [6], о чем свидетельствуют результаты опроса 2011 года, в котором приняли участие ученики старших классов элистинских школ [1].

В 2015 году отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН был проведен методом полуструктурированного интервью экспертный опрос учителей истории общеобразовательных школ г. Элисты по проблеме школьного исторического образования (N = 30). Выделим несколько проблем, которые сформулировали учителя. В первую очередь это недоработка современной программы преподавания истории и нехватка количества часов, выделенных на курс изучения — 2 часа в неделю, по мнению опрашиваемых респондентов, недостаточно, чтобы дать знания по зарубежной, отечественной и региональной истории, обсудить проблемные вопросы. Большой объем материалов не дает возможности углублять знания.

На вопрос о современных учебниках по истории большая часть экспертов ответили, что не удовлетворены ими. Одни подчеркнули, что некоторые учебники «тенденциозны» или «слишком авторские», в них мало фактического материала. Другие отметили, что в этом многообразии учебников необходимо создать единый учебник по истории или выбрать единый стандарт написания. Часть педагогов упомянули, что линия учебников, которыми они пользовались и были довольны, не вошли в перечень учебников, рекомендованных Министерством образования России на 2015–2016 учебный год.

Проблема преподавания региональной истории для педагогов является также актуальной. Они отмечают, что знание истории родного края — один из важнейших источников приобщения школьников к традициям народов, формирования гражданской и духовно-нравственной культуры молодого поколения [3]. На вопрос, как преподается история Калмыкии, было отмечено, что история родного края преподается в качестве отдельного предмета в 6–8 классах, а в старших классах — за счет регионального компонента, например «Калмыкия в годы ВОВ». Однако олимпиады по ИКРК (истории и культуре родного края) для 6–9 классов проводятся ежегодно.

Далее мы спросили, сколько часов из общей программы истории выделяется на региональную историю. Ответ на этот вопрос был следующим: 2 часа по большой теме, разделу; 10–15 % от общей программы.

Как отмечают педагоги, с введением Единого государственного экзамена (ЕГЭ) у учителей появилась еще одна педагогическая задача, приоритет которой зачастую перекрывает все остальные, — подготовка школьника к сдаче ЕГЭ. В условиях сжатых сроков, небольшого количества часов, отведенных на изучение истории, преподавание этой школьной дисциплины, направленной на моральное и нравственное воспитание подрастающего поколения, на развитие идентичности и формирование социальной памяти превращается в натаскивание детей, а содержание уроков определяется теми заданиями, которые входят в ЕГЭ.

На фоне обозначенных проблем преподавания истории основной является проблема интереса современных школьников к этому предмету. Опрошенные учителя оценивают интерес своих учеников к истории следующим образом: 24 педагога (80 %) отметили, что современные школьники проявляют интерес к истории; 4 человека (14 %) под-

черкнули, что достаточно редко ученики интересуются историей; два человека (6 %) дали ответ, что современные школьники не интересуются историей. По нашему мнению, педагоги достаточно высоко оценивают интерес школьников к своему предмету, однако их оценка, как мы полагаем, складывается на основе присутствия в каждом классе 4–5 детей, активно интересующихся историей, а не на желании изучать эту дисциплину всем классом. Далее мы попросили педагогов выстроить разделы школьной истории по степени интереса и получили следующий результат: первое место — отечественная история, второе — региональная история, третье — история зарубежных стран. В свою очередь педагоги отмечают, что ученики средней школы проявляют больший интерес к региональной истории, где, как мы уже отмечали, введен отдельный курс истории Калмыкии. Старшеклассники же в большей степени интересуются отечественной историей.

Участники интервью отметили, что используют на своих уроках различные формы преподавания истории, как классические, так и основанные на новых технологиях. Здесь самое главное — пробудить у учеников интерес к предмету. Обозначены следующие методики и технологии: проблемное обучение, кейсовая технология, технология развития критического мышления, музейный урок, проектная деятельность. Учителя также используют современные информационно-технические средства: видеоуроки, интерактивные программы, презентации. В то же время, проводя уроки-беседы, педагоги не забывают о контроле фактического материала.

Каждым экспертом были высказаны пожелания и предложения, которые можно обобщить в несколько групп:

- увеличение количеств часов на преподавание истории;
- помощь в олимпиадном движении, консультации по исследовательской работе, тесная связь ученых и школы;
- техническое оснащение кабинетов истории, красочное оформление, программное обеспечение: карты, приложения, игры по исторической тематике;
- в старших классах обязательное введение часов по истории Калмыкии;
- создание УМК и учебника по истории Калмыкии; также с программным обеспечением: диском, играми, приложениями.

Учителя отмечают важность увеличения количества часов по Отечественной истории и по истории Калмыкии для патриотического воспитания учащихся и формирования гражданской ответственности, сохранения исторической памяти.

Список литературы

1. Бадмаева Н. В. Историческая память молодежи Калмыкии: состояние и проблемы сохранения / Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева // Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия. — Элиста: Изд-во КИГИРАН, 2014. — С. 176–194.
2. Вяземский Е. Е. Школьное историческое образование в России в начале XXI века: основные тенденции и проблемы [Электронный ресурс] / Е. Е. Вяземский // Первое сентября. История.—2010. — № 6. — Режим доступа: // his.1september.ru/view_article.php?id=201000606.
3. Карданова М. М. Развитие регионального компонента в школьном историческом образовании Кабардино-Балкарии / М. М. Карданова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4–1. — С. 86–89.
4. Ковригин В. В. Школьное историческое образование: между «сциллой» научной истины и «харибдой» целей воспитания / В. В. Ковригин // Вестник Омского университета. — 2015. — № 1. — С. 166–168.
5. Павлова Ю. В. Конструирование и производство знания о прошлом: школьное историческое образование в России / Ю. В. Павлова // Социология и право. — 2015. — № 2. — С.45–51.

б. Ростовцев Е. А. Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2014. – Т. 2. – С. 106–126.

Сведения об авторах

Бадмаева Ноган Вячеславовна, младший научный сотрудник отдела социально-экономических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, тел. 89378924121, e-mail: badmaevanv@kigiran.com.

Иджаева Баир Владимировна, младший научный сотрудник отдела социально-экономических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, тел. 89613948766, e-mail: ibaira@list.ru

Badmaeva N. V., junior researcher of the Social and Economic Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, phone: 89378924121, e-mail: badmaevanv@kigiran.com

Idzhaeva B. V., junior researcher of the Social and Economic Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, phone: 89613948766, e-mail: ibaira@list.ru

УДК 378

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
THE DEVELOPMENT OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM:
THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Е. В. Игнатова, Л. Р. Лукьяненко
E. V. Ignatova, L. R. Lukyanenko

Ключевые слова: образование; спрос; предложения рынка труда; жизненные планы; выпускники вузов
Key words: education; demand; labor market offers; life plans; graduates

Автор рассматривает современную образовательную политику государства с позиции социальной адресности и сбалансированности социальных интересов. Выявляет проблему несоответствия спроса на образовательные услуги и предложений рынка труда, полагая, что одной из ее составляющих является ориентация вузов на потребности абитуриентов, а не работодателей. В качестве подтверждения сформулированной проблемы автор проводит социологический опрос выпускников вузов с целью выявления их жизненных планов.

The author considers the current state of educational policy from the perspective of social targeting and balance of social interests. When it detects the problem of mismatch of demand for educational services and labor market, believing that one of the components of this problem is the orientation of higher school institutions to the needs of the students, not of employers. As confirmation of the problem the author of this article conducts a survey of graduates to identify their life plans.

Образование на всех этапах своего развития выступало в роли стабилизатора и предопределяло общественное развитие. Сегодня эта роль не утратила своего значения и актуальности, так как тенденции и противоречия современного мира выдвигают все но-

вые проблемы, решение которых во многом зависит от устойчивого развития системы образования.

Известно, что основой современной образовательной политики государства являются социальная адресность и сбалансированность социальных интересов. Однако существует проблема несоответствия спроса на образовательные услуги и предложений рынка труда, порождающая многочисленные негативные последствия: безработица среди трудоспособного населения, снижение уровня и качества жизни, чрезмерное расслоение общества, ухудшение морального климата в социуме, рост преступности и т. д.

Одной из составляющих данной проблемы является ориентация вузов на потребности абитуриентов, а не на спрос работодателей. В своей практической деятельности университеты слабо реализуют прогностическую функцию, принимая во внимание, как правило, удовлетворение текущих потребностей в услугах. Безусловно, почти все вузы в той или иной мере используют элементы маркетингового подхода в своей деятельности. В частности, с позиции своих интересов они применяют маркетинговый инструментарий для изучения конъюнктуры рынка образовательных услуг и спроса на дополнительные образовательные услуги; определения уровня оплаты за обучение; организации рекламной деятельности и т. д. Однако отдельно взятый вуз не в состоянии выполнить работу по оценке ситуации на рынке труда и разработке прогнозов его потребностей в специалистах нового типа, тем более в разрезе отдельных специальностей, в целом по региональному рынку, поскольку необходимо собрать и обработать огромные потоки информации, а также решить большое количество задач, которые находятся за пределами компетенции конкретного университета. В результате это приводит к перепроизводству одних специалистов и недостатку других. А что же выпускники? При выборе специальности молодежь зачастую руководствуется стихийными ложными представлениям о престижности и востребованности определенных профессий. Такой выбор не всегда соответствует интересам личности и впоследствии создает проблемы с трудоустройством и эффективной занятостью молодых людей.

Автор хотел выявить, насколько выпускники вузов осознанно выбирали специальность, по которой обучались, и каковы их ближайшие жизненные планы. С этой целью был проведен социологический опрос выпускников павлодарских вузов. Респондентам был вопрос «Какие жизненные планы после окончания учебы вы строите на будущее?»

Таблица 1

Жизненные планы выпускников вузов в 2016 г. в зависимости от пола, в % к общему числу отвечавших

Жизненные планы	Пол	
	Мужской	Женский
Встретить любимого человека	12,7	13,2
Добиться материального положения	21,6	22,0
Найти работу	9,4	6,3
Стать хорошим специалистом	18,5	17,9
Продолжить учебу	5,9	6,9
Создать семью	10,4	–
Решить проблему жилья	7,9	–
Быть полезным людям	5,3	–
Найти интересную работу	15,9	–
Другие	0,7	–

Как видим, в планах выпускников прослеживаются матримониальные намерения (рис. 1).

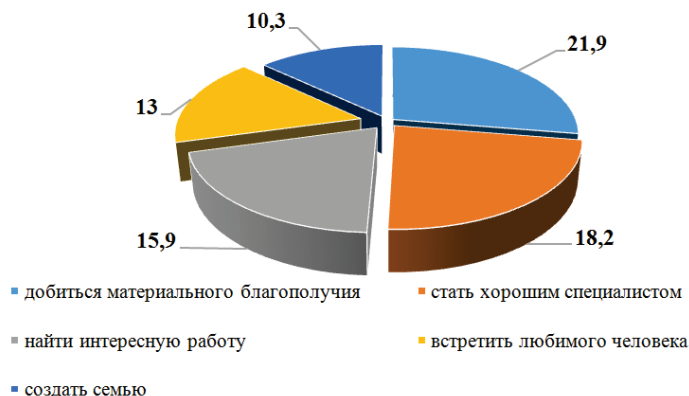

Рис. 1. Жизненные планы выпускников вузов, в % от общего числа опрошиваемых

Мы задали вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» Вот как оценили свое будущее опрошиваемые (рис. 2).

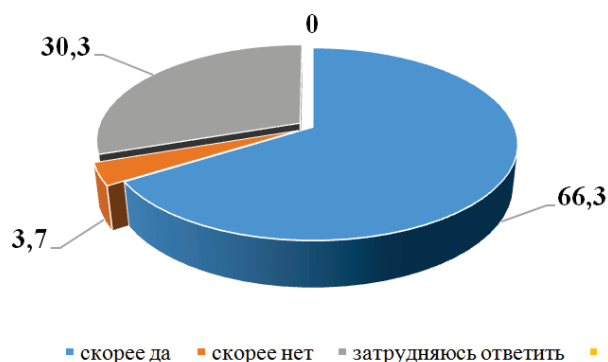

Рис. 2. Уверенность выпускников вузов в своих жизненных планах, в % от общего числа опрошиваемых

После того как выпускники определили степень уверенности в исполнении своих жизненных планов, мы решили узнать о том, что подкрепляет их убежденность (в % от общего числа ответивших):

- уверенность в себе, в своих целях — 55,6 %;
- поддержка родных — 36,2 %;
- поддержка друзей — 4,2 %;
- помощь администрации города, области — 4 %.

Одновременно нами был предложен перечень из 12 базовых ценностей. На вопрос «Какие жизненные ценности создают ощущение успешно сложившейся жизни?» были получены следующие ответы (в порядке убывания):

- хорошая семья и дети — 13,2 %;
- материальное благополучие — 15,1 %;
- любовь родных и близких — 11,9 %;
- здоровье — 11,7 %;
- интересная, творческая работа — 8,2 %;
- самостоятельность, независимость — 7,1 %;

- хорошая должность, служебное положение — 7,7 %;
- спокойная жизнь, постоянство — 3,4 %;
- сознание того, что приносишь пользу людям — 3,7 %;
- верные товарищи, друзья — 9,8 %;
- наличие хорошего жилья, современных вещей — 5,0 %;
- почет и уважение людей — 3,1 %.

Из представленных данных видно, что ведущие ценности респондентов носят так называемый общечеловеческий характер. Это, в первую очередь, хорошая семья и дети, материальное благополучие, любовь родных и близких; собственное здоровье.

Выпускникам был задан вопрос «Какие качества следует формировать у ваших сверстников, чтобы им легче жилось в условиях рынка?» Разрешалось указать 4–5 главных качеств. Всего было получено 2 283 ответа. Ответы респондентов распределились следующим образом (в порядке убывания):

- смелость — 14,9 %;
- общительность — 12,6 %;
- предприимчивость, инициативность — 11,3 %;
- культура поведения (вежливость, хорошие манеры) — 11,3 %;
- честность, порядочность — 11,0 %;
- широкий кругозор — 9,7 %;
- творческие умения, навыки, умение мастерить — 7,8 %;
- практичность, расчетливость, экономность — 7,2 %;
- более ранняя профессиональная ориентация — 7,0 %;
- другие — 0,7 %.

Согласно результатам опроса, будущий специалист видится самими выпускниками как культурный, честный, порядочный, смелый, предприимчивый, инициативный и общительный человек. Данная тенденция имеет важное значение. Анализируя ответы опрашиваемых, мы делаем вывод, что они не имеют достаточных представлений о рынке, нет опыта общения с работодателями. В подтверждение нашей точки зрения приведен перечень критериев отбора молодых специалистов, предъявляемых руководителями кадровых служб предприятий Павлодарской области к выпускникам вузов:

- профессиональная компетентность;
- коммуникационная компетентность;
- понимание экономических аспектов;
- инициативность, новаторство;
- ориентированность на карьеру, развитие способностей к обучению;
- мобильность;
- знание компьютера;
- знание иностранного языка.

Таким образом, главными характеристиками специалистов должны стать профессионализм и компетентность. При этом система образования должна быть органично интегрирована в экономику страны и региона и чутко улавливать происходящие в ней изменения и тенденции развития.

Подводя итог, необходимо отметить, что данное социальное явление требует изучения, поскольку своевременное выявление тенденций и факторов развития способно предотвратить трудности преобразования. При этом важно подчеркнуть, что баланс спроса и предложений рынка труда может быть достигнут только в процессе постоянного взаимодействия образовательной системы с субъектами образовательной политики.

Список литературы

1. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. Самара: Самар. ун-т, 1995. – 332 с.
2. Могильчак Е. Л. Высшее образование и рыночные отношения: социологический аспект взаимодействия / Е. Л. Могильчак // Известия УРГУ. Общественные науки. – 2009. – № 1/2.
3. Лукашенко М. А. Образование в условиях рынка: концепция учебного заведения / М. А. Лукашенко. – М.: Высш. школа, КноРус, 2002. – 285с.
4. Менеджмент, маркетинг и экономика образования: Учебное пособие / Под ред. А. П. Егоршина. – Н. Новгород: НИМБ, 2001. – 624 с.
5. Антипина Н. Л. Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях изменяющегося общества / Н. Л. Антипина, А. С. Гюрджинян // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2. – С. 74-78.

Сведения об авторах

Игнатова Елена Васильевна, д. филос. н., директор офиса регистрации Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, тел. 8(7182)651673, e-mail: elena_iev@mail.ru

Лукьяненко Лилия Рафаиловна, студент Тюменского индустриального университета, г. Тюмень

Ignatova E. V., Doctor of Science in Philosophy, Pavlodar State pedagogical institute, phone: 8(7182)651673, e-mail: elena_iev@mail.ru

Lukyanenko L. R., student of Industrial University of Tyumen

УДК 378.145

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
LIBERAL EDUCATION IN TECHNICAL UNIVERSITY:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Ш. Ф. Фарахутдинов, Ю. И. Колтунова
Sh. F. Farakhutdinov, Yu. I. Koltunova

Ключевые слова: гуманитарное образование; технический вуз; социологическая школа; профилизация
Key words: liberal education; technical college; education issues; sociological academic expert profiling

В статье приводятся результаты исследовательского обзора сайтов крупнейших технических вузов на предмет содержания в них гуманитарных специальностей. Актуализируется проблема сокращения гуманитарных специальностей и дисциплин в связи с переходом системы образования от культуросоциальности к компетентностному подходу, а также осуществляемой в современной России профилизации. Приводится авторская классификация гуманитариев, осуществляющих деятельность в технических вузах. Делается вывод о необходимости учета множества факторов, в том числе сложившихся традиций при осуществлении политики, затрагивающей интересы гуманитариев в технических вузах.

The paper shows the results of the research overview of websites of the largest technical universities concerning the content of liberal education. The problem of reducing the humanities is actualizing, because of the transition from the Culture-Centric education system to competence approach, as well as profiling carried out in modern Russia. The author's classification of the humanities engaged in technical universities is presented. In conclusion the need for taking into account a variety of factors (including the prevailing tradition) in the implementation of policies that affect the interests of the humanities in technical universities is substantiated.

Современный этап развития системы высшего образования в России связан с профилизацией — корректировкой перечня направлений и специальностей в вузах исходя из его направленности. Осуществляется этот процесс на фоне более масштабного явления: перехода от культуроцентричности высшего образования к компетентному подходу, осуществляемого вследствие присоединения нашей страны к болонскому процессу.

Указанные процессы носят парадигмальный характер, а их результаты могут существенно повлиять на будущее страны. Для минимализации негативных последствий важно понимание и публичное обсуждение отдельных аспектов этого процесса. Один из них, связанный с проблемами традиционного разделения специалистов научно-образовательной сферы на «физиков и лириков», автор попытается раскрыть в настоящей работе.

Большая роль гуманитарной составляющей в системе образования подчеркивается с самого момента становления этой системы. Это касается, прежде всего, тех, чья будущая профессиональная деятельность не связана с обществом — студентов технических специальностей. Без гуманитарного образования обучающиеся дистанцируются от социальных процессов, у них постепенно формируется упрощенное понимание общественных явлений и процессов.

Еще в древней Греции «было два основных взаимосвязанных направления учебно-воспитательной работы — гимнастическое и мусическое. Они существовали на равных. Если первое развивало тело, то второе — душу» [8]. В древнекитайской цивилизации, развивавшейся приблизительно в тот же период времени, также выделялась особая роль гуманитарных наук. В этом определяющую роль сыграло созданное Конфуцием и его последователями учение, которое вышло за рамки философии и религии и составило основу всего уклада жизни. При этом гуманитарная направленность образования не мешала научно-техническому развитию: компас, порох, бумага и книгопечатание названы крупнейшим исследователем китайской науки Дж. Нидэмом «Четырьмя великими китайскими изобретениями». В средние века учебное заведение имело право именовать себя «Университетом» (от лат. *universitas* — совокупность, общность) только при наличии философского факультета. Только так студент мог получить универсальное образование [7].

В современной отечественной педагогике многие исследователи указывают на актуальность и правомерность гуманитаристики в системе высшей профессиональной школы, предлагаются различные подходы в этой области. Так, о гуманитаризации науки и образования писали М. М. Бахтин, В. С. Библер, М. С. Каган, А. А. Касьян. Акцент на личностно ориентированном профессиональном образовании сделан в трудах В. И. Загвязинского, Э. Ф. Зеера, Г. М. Романцева, В. В. Серикова. Необходимость взаимопроникновения гуманитарного знания в содержание технических дисциплин показали в своих работах Н. Г. Багдасарьян, В. В. Бабушкина, С. В. Васильева. Представление человека не просто как технического специалиста, но прежде всего творческой личности отражено в трудах О. В. Белаонова, В. П. Зинченко, В. И. Купцова. Необходимость вве-

дения гуманитарных дисциплин в учебные программы инженеров обосновывали Г. А. Гетман, Н. В. Карлов, Т. А. Тартарашвили [6].

Насколько гуманитарное образование в технических вузах востребовано в мировой практике? Для того чтобы частично ответить на этот вопрос, мы провели обзорное исследование, направленное на изучение сайтов 40 крупнейших отечественных и мировых вузов на всех континентах³. Предметом исследования являлось выявление наличия в структуре этих заведений гуманитарных специальностей, их направленность. Хочется отметить, что исследование не претендует на репрезентативность, однако полученные результаты оказались довольно интересными и могут проиллюстрировать общую ситуацию в этой сфере.

Оказалось, что более половины (24 из 40) рассмотренных вузов имеют от 1 до 3 факультетов, которые занимаются подготовкой студентов социально-гуманитарного профиля. Крупнейшие технические вузы Азии предоставляют возможность получить образование по следующим специальностям: философия, социология, государственное управление, государственная политика и глобальные вопросы, телевидение и киноиндустрия. В Гонконгском научно-технологическом университете есть возможность посещать музыкальные курсы.

Европейские технические вузы в меньшей степени осуществляют подготовку специалистов гуманитарной направленности. Так, среди рассмотренных вузов Европы немногие (только 5 из 13) осуществляют подготовку по социально-гуманитарным специальностям, при этом предпочтение отдается социологии, юриспруденции и менеджменту.

В технических вузах Северной и Южной Америки осуществляется подготовка в области истории, литературы, антропологии, международного дела, рекламы, СМИ. Специальности музыка, театральное искусство и ИЗО можно получить в двух видных технических вузах: Массачусетском технологическом институте (США), который три раза подряд занимал лидирующую позицию в рейтинге лучших вузов мира, и Политехническом университете Квантлен (Канада). В технических университетах Африки и Австралии (где-то в качестве дополнительного образования, где-то в качестве полного) также осуществляется подготовка по социально-гуманитарным специальностям (юриспруденция, управление проектами, торговое дело и интеллектуальная собственность). 7 крупнейших технических вузов России также осуществляют подготовку студентов в гуманитарной сфере (лингвистика, переводоведение, менеджмент, юриспруденция).

Говоря о гуманитариях в технических вузах, важно понимать, что они неоднородны по своему составу. Наши наблюдения и обзор литературы на этот счет позволяют построить небольшую классификацию, с описанием специфики деятельности, а также исторических предпосылок появления кафедр, институтов, специальностей и других гуманитарных подразделений в структурах технических учебных заведений.

Первую группу мы условно обозначили как «сопровождающие гуманитарии». Здесь подразумеваются кафедры и преподаватели, наполняющие учебные программы студентов технических специальностей гуманитарными дисциплинами, согласно требованиям образовательных стандартов. Смысловая функция этой группы сводится к воспитательной деятельности: «Гуманитарные знания играют основополагающую роль в формировании личности специалиста, оказывают неоценимую помощь в профессиональной научно-педагогической деятельности», а также формируют мировоззрение, расширяют кругозор и аналитические возможности специалиста» [11].

Ко второй группе можно отнести «самостоятельных гуманитариев» в технических вузах. Они осуществляют подготовку специалистов гуманитарного профиля параллельно с основной направленностью образовательной деятельности вуза, тем расширяя

³ Автор благодарит Давыдову Татьяну за помощь в проведении обзора.

спектр образовательных услуг вуза. Несмотря на то что подготовка гуманитариев — прерогатива «классических университетов», ситуация, когда практически любой технический вуз в нашей стране осуществлял подготовку по гуманитарным направлениям, скорее правило, чем исключение. Это во многом объясняется институционально обусловленными структурно-профессиональными диспропорциями — качественным разрывом между объективным запросом рынка труда и предложением образовательных услуг. Постсоветская Россия в этом плане не одинока. Во многом аналогичные проблемы можно встретить в других развивающихся странах. Например, для Индии также характерны избыток специалистов-гуманитариев и нехватка технических и естественнонаучных специалистов [9].

Существует и другой тип «самостоятельных гуманитариев» в технических вузах. Это те, чье появление в «необычной» для них среде было определено объективными причинами. Их условно можно отнести к группе «исторически сформировавшиеся». Примером может служить становление тюменской социологической школы.

Институционализация социологии в Тюменской области началось в 70-х гг. XX в. Большое влияние на нее оказала специфика региона. Молодежный состав населения северных округов, прибывших сюда для освоения сырьевых ресурсов, ставил перед зарождающейся социологией ряд актуальных исследовательских задач. Необходимость решения социальных проблем, возникающих при обустройстве быта и труда строителей, дорожников, нефтяников и газовиков Тюменского Севера обуславливала проведение большого количества эмпирических исследований. Приспособление переселенцев к суровой северной природе, взаимодействие различных этнических групп (в том числе с коренными жителями), стабилизация трудовых коллективов, проблемы молодых семей, управление социальными процессам в регионе — все это становится предметом исследований социологов [4].

Примечательно, что начинались эти исследования в техническом вузе — Тюменском индустриальном институте (теперь — Тюменский индустриальный университет), когда в 1971 г. группа молодых ученых начала проводить прикладные исследования для города и региона. Эти традиции поддерживаются и по сей день. В университете ведется подготовка бакалавров и магистров по социологии, открыта аспирантура, докторантура, работает докторский совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по трем специальностям социологии. Издается журнал, включенный в перечень ВАК РФ, функционирует лаборатория изучения общественного мнения.

Опыт Тюменского индустриального университета — не уникален. Ю. К. Перский указывал на то, что во многих технических университетах исторически сложились свои научные гуманитарные школы (экономические, социологические, лингвистические, философские), которые известны не только в России, но и за рубежом [12]. Логично предположить, что в вузах другой отраслевой направленности: медицинских, сельскохозяйственных, военных и т. п. ситуация может быть аналогичной.

Приведенная классификация не претендует на полный охват всех возможных ситуаций, более того, мы считаем, что выделение этих типов достаточно условно и в чистом виде их встретить почти невозможно. В каждом конкретном случае появление гуманитариев в технических вузах определяется рядом различных факторов. Тем не менее, такая классификация может быть полезной для анализа проблем, с которыми сталкиваются или потенциально могут столкнуться сегодняшние гуманитарии в технических вузах в условиях современной реформы системы высшего образования в России.

Представляется, что положение первой группы в настоящее время устойчиво неудовлетворительное. Как отмечает профессор МЭИ (ГТУ) А. Андреев, «живы у нас еще и традиции узкого технократизма, и недооценка гуманитарной составляющей технического образования» [1]. Ситуация может измениться только в случае переосмысления

обществом роли гуманитарной составляющей в образовании специалистов любой направленности.

По нашему мнению, к такому переосмыслению в самое ближайшее будущее подтолкнет сам социальный контекст современного развития. Текущее состояние общества, построенного по европейской модели, к которой, безусловно, можно отнести и Россию, в современной философии называют постмодерном. «Человек эпохи “постмодерн” рассматривается как личность, освобожденная от традиций и условностей, нацеленная на свободное самовыражение в любых формах. Строгая рациональность и аскетизм касаются только ведения дела». Такой подход обуславливает «формирование “новой” философии труда и занятости, основанных на том, что профессия не ограничивается узкими рамками конкретной квалификации, а должна предоставлять широкие возможности реализации творческого потенциала» [10].

В одном из своих последних трудов Л. Р. Грэхэм очень точно описывает сложившуюся в нашей стране ситуацию. «Совершенно очевидно: русских с полным правом можно назвать пионерами в области разработки многих технологий. Встает важный вопрос: если русские были первопроходцами в этих сферах, то почему же современная Россия остается таким слабым игроком на мировом рынке технологий? ...Здесь начинается реальная деятельность, когда интеллектуальное творчество взаимодействует с обществом в целом. ...Успех конкретной технологии, который обычно означает получение прибыли в условиях конкурентного рынка, происходит за стенами исследовательских лабораторий, в социальной и экономической общественной среде. Для достижения успеха человеку, который развивает идею, имеющую коммерческий потенциал, необходимо наличие ряда поддерживающих факторов: экономических, юридических, организационных, политических» [5].

Осознание этой проблемы обществом и попытки ее решения находят отражение на сайтах рекрутинговых агентств. К соискателям «хороших» должностей предъявляются требования, связанные не только с высоким уровнем профессионализма, но и развитыми общесоциальными компетенциями (коммуникабельность, умение работать в коллективе, знание иностранных языков и т.п.).

Вышесказанное позволяет предположить, что постепенно понимание необходимости комплексного развития специалиста «дойдет» до самого высокого управленческого уровня страны. Хочется надеяться, что в результате изменится количественное и качественное содержание учебных программ специалистов с техническим образованием.

Относительно второй группы — «самостоятельных гуманитариев», прогнозы не столь оптимистичны. Следует признать, что структурно-профессиональный перекос, о котором упоминалось выше, действительно приобрел угрожающие масштабы. По этому поводу высказался даже Президент РФ В. В. Путин на встрече со студентами Санкт-Петербургского горного университета в январе 2015 г. Он поддержал предложение Минобрнауки по сокращению гуманитарных специальностей в государственных технических вузах страны, сказав, что «в свое время государственные вузы страны стали готовить специалистов гуманитарного профиля: юристов, экономистов и т. д., в то время как руководством университетов и институтов даже не прорабатывался толком вопрос о том, насколько в действительности такие специалисты востребованы на рынке труда» [2, 3].

Сокращение гуманитарных специальностей в этой связи мера, на наш взгляд, действительно необходимая, хотя и болезненная. Этот процесс уже начался и в настоящее время набирает обороты. Следствием являются многочисленные петиции, открытые письма и другие «недовольства» преподавателей, большая часть из которых — гуманитарии.

Отдельного внимания в сложившейся ситуации заслуживает положение третьей группы — «исторически сформировавшихся» гуманитариев в технических вузах. С од-

ной стороны они выполняют «сопровождающую» функцию, осуществляя преподавание гуманитарных дисциплин у технарей. Имея давние традиции, сформированные научные школы или направления, представители этой группы специалистов хорошо знакомы с развитием той отрасли, по которой вуз осуществляет подготовку. Это во многом обусловлено характером исследований проводимых по темам, связанным со спецификой отрасли вуза. Возвращаясь к тюменской социологической школе, в качестве примера можно привести несколько тем научных исследований, проводимых сотрудниками индустриального университета. Это исследования В. В. Гаврилюк, посвященные вопросам регионального образования, в том числе технического. Работы Н. Г. Хайруллиной, посвященные этносоциальным проблемам северного аборигенного населения, в связи с нефтегазовым освоением региона [13]. Деятельность А. Н. Силина по совершенствованию организации производства вахтовым и вахтово-экспедиционным методом при формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Труды М. Л. Белоножко, раскрывающие специфику сельских территорий Тюменской области. Исследования Л. Л. Мехришвили, посвященные региональной социальной политике и др.

Читаемые такими специалистами курсы базируются на глубоком понимании региональных и отраслевых проблем, контекста, в котором предстоит работать будущим специалистам. В таком виде гуманитарное образование для студентов-технарей может быть бесценно и позволит им ориентироваться в широком круге вопросов при осуществлении профессиональной деятельности.

С другой стороны, в ряде случаев «исторически сформировавшиеся» гуманитарии основали собственные кафедры, открыли специальности, призванные передавать накопленный ими опыт и знания молодому поколению, воспроизводить качественные отраслевые кадры гуманитарной направленности.

Есть еще один важный аспект, который нельзя игнорировать. Существует целый комплекс неформальных связей ученых гуманитариев с властью, промышленностью, общественными организациями. Это обстоятельство позволяет вузу решать более широкий спектр социальных задач, особенно если этот вуз региональный.

В заключение отметим, что реформа образования, осуществляемая в настоящее время, исходит от высшего уровня власти, в первую очередь от Министерства образования. Однако осуществляется она на местах решениями высшего руководящего состава вуза. Хотелось бы, чтобы эти люди учитывали сложившиеся традиции в процессе осуществления неоднозначной реформы, сводящейся фактически к сокращению кадров и закрытию специальностей. Важно понимать, что утрата накопленного опыта может проявить себя с неожиданной стороны.

Список литературы

1. Андреев А. Гуманитарная педагогика в высшей технической школе / А. Андреев // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 119–127.
2. Антипина Н. Л. Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях изменяющегося общества / Н. Л. Антипина, А. С. Гюрджинян // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2. – С. 74–78.
3. Владимир Путин поддержал идею сокращения гуманитарных специальностей в технических вузах [Электронный ресурс] / Сайт доверенных лиц президента России. – Режим доступа: <http://xn--80adffaavxqag0a8f2c.xn--p1ai/topic/558>.
4. Гаврилюк В. В. Тюменские социологические практики / В. В. Гаврилюк // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 148–150.
5. Грэхэм Л. Р. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Л. Р. Грэхэм. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.

6. Ишакова Е. Н. Гуманитарное знание как фактор совершенствования инженерного образования программистов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Ишакова Елена Николаевна. – Оренбург: Оренбург. гос. ун-т. – 2004. – 21 с.

7. Как стать Сократом? Профессия – философ [Электронный ресурс] / Сайт АиФ. – Режим доступа: <http://4seasons.aif.ru/articles/1064/77578/index.php>.

8. Куклина Н. Б. Работа социального педагога по формированию адаптивных качеств личности [Электронный ресурс] / Н. Б. Куклина Сайт онлайн-библиотеки учебных материалов. – Режим доступа: <http://ayp.ru/library/rabota-sotsialnogo-pedagoga-po-formirovaniyu-adaptivnykh-kachestv-lichnosti/954>.

9. Латова Н. В. Структурно-профессиональные диспропорции в современной России / Н. В. Латова, Ю. В. Латов // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12., № 3. – С. 131–151.

10. Нехода Е. В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу / Е. В. Нехода // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 160–166.

11. Проблемы гуманитарного образования: ответы на вопросы / Суровцев И. С. [и др.] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2006. – № 2. – С. 51–62.

12. Форум Федерального реестра экспертов научно-технической сферы Минобрнауки России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://reestr.extech.ru/forum/forum_mess.php?page_e=5&id_raz=16.

13. Хайруллина Н. Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров / Н. Г. Хайруллина, Т. Г. Харамзин, – СПб.: ООО «Мирал», 2006. – 200 с.

Сведения об авторах

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, к. с. н., доцент, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89068274437, e-mail: fshamil@mail.ru

Колтунова Юлия Ивановна, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89091943623, e-mail: qween200@mail.ru

Farakhutdinov Sh. F., Candidate of Science of Sociology, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, phone: 89068274437, e-mail: fshamil@mail.ru

Koltunova Yu. I., Candidate of Science of Sociology, Associate Professor of Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, phone: 89091943623, e-mail: qween200@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна — д. с. н., профессор, профессор кафедры социологии Тюменского индустриального университета

Барбаков Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилюк Вера Владимировна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Тюменского индустриального университета

Генин Влад — декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета УС Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес-администрирования, Ph.D, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США)

Докторов Борис Зусманович — д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович — д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Голенкова Зинаида Тихоновна — д. ф. н., профессор, заместитель директора Института социологии РАН

Звонников Виктор Иванович — д. пед. н., профессор, проректор по развитию учебно-методического объединения и качества управленческого образования Государственного университета управления

Левашов Виктор Константинович — д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Нарбут Николай Петрович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями ОмГУ им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич — д. с. н., профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

EDITORIAL BOARD

Professor Belonozhko, Marina Lvovna — Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna — Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Doktorov, Boris — professor, member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and lecturer

Professor Gavrilyuk, Vera Vladimirovna — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Genin, Vlad — Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna — Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Industrial University of Tyumen

Professor Narbut, Nikolai Petrovich — Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna — Doctor Of Economical Sciences, Chair, Department of Management, Director, Institute of Management and Business, Industrial University of Tyumen

Professor Roy, Oleg Mikhailovich — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after Dostoevsky F.M.

Professor Silin, Anatoliy Nikolaevich — Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen

Professor Yegorshin, Alexander Petrovich — Doctor of Economics, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Professor Zvonnikov, Victor Ivanovich — Doctor of Pedagogy, Professor, Vice Rector for Development, Educational and Methodical Association of Education and the Quality of Management of the State University of Management

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» — это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков - все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того, как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, нужно ли ее доработать или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Автор статьи несет ответственность за подбор и объективность приведенных фактов, данных и прочих сведений, а также за отсутствие в присланных материалах плагиата и неправомерного заимствования. Редакция журнала не несет ответственность за достоверность и объективность материалов, представляемых авторами.

Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Направление материалов в редакцию для публикации означает согласие автора с приведенными выше требованиями.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи: профессор Нурсафа Хайруллина — зам. главного редактора

Телефон / Факс +7(3452) 20-94-24

E-mail: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь название статьи, ФИО авторов, их должностную и контактную информацию (телефон, e-mail) название учреждения, где выполнена работа, аннотацию (резюме), ключевые слова — все вышеперечисленное на русском и английском языках, введение (краткое), цель исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы, включающий не менее 10 наименований.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил.

1. Заглавие статьи должно соответствовать следующим требованиям:

- быть информативным;
- включать только общепринятые сокращения;
- не должно содержать больше 8–9 слов.

2. Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках в тексте (например, [12, 67]; 12 по списку литературы в конце текста, страница 67). В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, стр.; б) для книг — фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. В

список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008.

3. Статья должна иметь индекс УДК по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющимся в библиотеках.

4. Объем аннотации должен включать минимум 100–250 слов (по ГОСТ 7.9-95 — 850 знаков, не менее 10 строк). Аннотация объемом не менее 10 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней результаты.

Рукопись предоставляется в редакцию в виде файла, набранного с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются, не допускаются постраничные сноски. Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи до 4 страниц. Параметры страницы: верхнее поле — 2,5 см, нижнее поле — 2 см, левое поле — 2,5 см, правое поле — 2,5 см.

Если статья была или будет направлена в другое издание или же была ранее опубликована, необходимо сообщить об этом в редакцию.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей. Корректур статей авторам не предоставляется.

Электронный вариант статьи высылается по адресу e-mail.

Заголовок рукописи должен быть набран заглавными буквами, жирным шрифтом, и по центру в верхней части первой страницы. Автор(ы) и представляемые ими организация (и) должны находиться по центру, жирным шрифтом, через один интервал на третьей строке под заголовком. Не используйте звания, такие как д-р или профессор, и т. д. Шрифт имени (имен) должен быть "БОЛЬШОЙ". (12). Например:

**Джон Смит, Тюменский государственный нефтегазовый университет
Мэри Джонс, Университет Калифорнии, Беркли
John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley**

Если у вас более одного автора и все они представляют одну организацию, используйте следующий формат:

**Джон Смит
Кэти Мэттьюз
Тюменский государственный нефтегазовый университет
John Smith
Kathy Matthews
Tyumen State Oil and Gas University**

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

A manuscript submitted for publication should have the article title, authors, their officials and contact information (phone, e-mail) name of the institution where the work was performed, the abstract, keywords - all of the above both in English and in Russian, the introduction (short), the purpose of the study, material and methods, results and discussion, conclusions, or conclusion, references, consisting of not less than 10 names. When writing and drafting articles for the publication the Editorial Board asks to follow these editorial guidelines.

1. The title of the article should meet the following requirements:

- Titles of scientific articles should be informative;
- You can use only standard abbreviations in the title.
- Title of the article should not contain more than 8-9 words.

2. References should be in alphabetical order - first domestic and then foreign authors and executed in accordance with GOST 2008 7.0.5. References should be listed and numbered at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. (for example, [12, 67] - the source of T70; 12 on the list of references at the end of the text, page 67). References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages (GOST 7.1 -84). References should list only those works which are already published.

3. The article should have an index on UDC (Universal Decimal Classification) tables, available in libraries.

4. The volume of abstracts must include a minimum of 100-250 words (According to GOST 7.9-95: 850 characters, not less than 10 lines). Abstract of not less than 10 lines should summarize the main subject of the article and contain the results of the research.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted as a file and via email. The paper should be in APA style and type-written in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman), Do not insert page numbers.

Footnotes are not allowed. All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be "LARGE."

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces, paragraph 1.25. You must leave a space after each paragraph. The margins should be as follows: Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 0,7 inch or 2 cm

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note: Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

The electronic version of it should be sent to: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be "LARGE." (12 point). For example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith Kathy Matthews Tyumen State Oil and Gas University

CALL FOR PAPERS

The «News From Higher Educational Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives. The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Theory and methodology of research of social processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome. Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December. Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

The author is responsible for the selection and objectivity of the facts, data and other information, as well as the absence in the materials submitted plagiarism and unauthorized borrowing. The Editors are not responsible for the accuracy and objectivity of the materials submitted by the authors.

The editors reserve the right to cut and edit articles.

Contributing to the editor for publication constitutes acceptance by the author the above requirements.

ИНФОРМАЦИЯ INFORMATION

Тюменская областная Дума
Правительство Тюменской области
Тюменский государственный университет
Тюменский индустриальный университет
Сургутский государственный университет

Информационное письмо

5–6 октября 2017 года в Тюмени состоится пятый Тюменский международный социологический Форум по теме: **«Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты»**.

Цель Форума — обсуждение актуальных проблем, обмен опытом и обобщение результатов исследований динамики социальной трансформации российского общества, социокультурной и социоэкономической модернизации России и ее регионов.

Сопредседатели Организационного комитета — Вице-Губернатор Тюменской области, к. социол. наук **С. М. Сарычев**, заместитель председателя комитета Тюменской областной Думы по аграрным вопросам и земельным отношениям, д. социол. наук, профессор **Ю. М. Конев**, научный руководитель Тюменского государственного университета, д. филос. наук, академик РАО **Г. Ф. Куцев**.

Основные направления работы Форума

- Ключевые процессы социальной трансформации России и ее регионов: содержание, смыслы, значения.
- Комплексный характер социальной трансформации России и ее регионов.
- Типы и формы социальной трансформации различных обществ.
- Детерминанты и факторы социальной трансформации России и ее регионов: социокультурный и социоэкономический компоненты.
- Модели социальной трансформации и социально-экономического развития регионов мира, различных стран мира, России и ее регионов.
- Опыт межрегиональной компаративистики на уровне регионов России, федеральных округов Российской Федерации, макрорегионов, стран мира.
- Анализ процессов и моделей социальной трансформации, социокультурной и социоэкономической модернизации России и ее регионов в контексте различных методологических подходов.
- Актуальные проблемы государственной политики регионального развития.
- Актуальные проблемы совершенствования государственной региональной политики.
- Актуальные проблемы подготовки стратегии пространственного развития.

- Опыт и проблемы разработки среднесрочных программ развития регионов и итоги их реализации.
- Социальные практики гражданского участия местного населения в развитии регионов.
- Ценности и стиль жизни населения регионов в контексте различных типов и форм модернизации.
- Актуальные проблемы молодежи в контексте социальной трансформации российского общества.
- Социокультурная типология регионов как субъектов модернизации.
- Интегрированная оценка социальной трансформации российского общества и модернизации, ее индикаторы.
- Индикаторы и индексы модернизации.
- Опыт использования социокультурных портретов регионов в государственном и муниципальном управлении.
- Совершенствование методики оценки социокультурных портретов региона с учетом международного опыта и развития доступного инструментария.

Для участия в Форуме приглашаются российские и зарубежные исследователи и практики.

В рамках Форума планируется проведение пленарных и секционных заседаний, дискуссионных площадок, обучающих семинаров, мастер-классов, выставок, презентаций результатов научных исследований. Подробная информация о программе Форума будет опубликована позднее.

Информация о подготовке Форума будет размещаться в Интернете на сайте Тюменского государственного университета www.utmn.ru.

Условия участия

К участию в конференции принимаются доклады, соответствующие тематике конференции, выполненные как индивидуально, так и авторским коллективом. Язык конференции — русский, английский. Форма участия: очная, заочная, дистанционная. Форма работы — устные доклады.

Материалы Форума будут опубликованы в виде сборника научных трудов на CD-дисках, с присвоением международных стандартных номеров (ISBN, УДК, ББК), авторских знаков, номеров государственной регистрации. Электронная версия сборника будет размещена в Научной Электронной Библиотеке (eLibrary.ru).

По результатам работы Форума, при согласии авторов, доклады могут быть опубликованы в рецензируемом научном журнале «Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования», входящем в действующий список ВАК, импакт-фактор РИНЦ 1,293. Требования к оформлению статей для журнала см.: <https://vestnik.utmn.ru>.

Высылая материалы на конференцию, автор тем самым выражает свое согласие на передачу Тюменскому государственному университету прав на их размещение в открытом доступе в сети Интернет, а также удостоверяет тот факт, что представленный доклад нигде ранее не был опубликован.

Регистрация участников будет открыта с 1 мая 2017 года.

Оргкомитет оставляет за собой право отбора представленных материалов для публикации. В случае отклонения материалов оргкомитет не сообщает причин решения.

Организационный сбор не взимается.

Срок подачи материалов — до 10 сентября 2017 года.

Координаты оргкомитета Форума для направления материалов и сведений об авторах

(3452) 45–14–88 tyumen_socium_forum@mail.ru	Андрианова Елена Владимировна , Тюменский государственный университет, член оргкомитета
(3452) 46–54–29 CheblakovAL@duma72.ru	Чеблаков Андрей Леонидович , информационно-аналитическое управление Тюменской областной Думы, член оргкомитета

Оргкомитет не несет расходы по проезду, проживанию и питанию участников. Заезд и расселение участников Форума начинается с **4 октября 2017 года**. Оргкомитет может забронировать место в гостиницах г. Тюмени **на период с 4 по 7 октября 2017 года**.

Требования к оформлению

- К публикации принимаются только должным образом оформленные статьи в электронном виде.
- Файл статьи именуется латинскими буквами, указывающими фамилию автора (например, belichenko.doc). Сохранять файл необходимо с расширением **.rtf**.
- Материалы на Форум должны занимать не менее трех, и не более семи страниц. Текстовый редактор — Microsoft Word, поля — все по 2 см, включая таблицы, схемы, рисунки и список литературы, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал—1,5; абзацный отступ — 1,5 см.
- Статья должна быть сохранена в формате **.rtf**, нумерация страниц не ведется, выравнивание текста — по ширине.
- В материале не должно быть переносов: ни автоматических, ни созданных вручную.
- Все рисунки, имеющиеся в тексте, должны быть приложены в отдельных файлах с расширением **.tif** и с разрешением **не менее 300 dpi** с названием файла, соответствующим подписи под рисунком. Подпись к рисунку, размещенному в тексте, не должна быть составляющей частью рисунка.
- Ссылки на литературу в тексте статьи следует давать в квадратных скобках и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Список литературы составляется в алфавитном порядке — сначала отечественные, затем зарубежные авторы — и оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Пример оформления статьи (формат .rtf)

УДК ___ ББК ___

Беличенко Ольга Николаевна, д-р социол. наук, профессор,
Томский государственный университет, г. Томск
e-mail: belichenko@yandex.ru

Трансформации потребительской культуры в регионах России

Ключевые слова: (не более пяти)

Текст статьи (от трех до семи страниц)

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция. Республика, 2006. – С. 104.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии ; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
3. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // СоцИС, 2005. № 1. – С.6.
4. Штомпка П. Социология. Анализ общества. М.: Логос, 2005. – С. 365.

Кроме статьи, в адрес оргкомитета направляются сведения об авторе и контактная информация по прилагаемой форме в виде скан-копии документа в PDF формате.

Сведения об авторе и контактная информация

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Ученая степень	
Ученое звание	
Тема доклада	
Место работы	
Адрес места работы	
Должность	
Почтовый домашний адрес	
Телефон	
e-mail	
Форма участия (очная, заочная)	
Бронирование гостиницы (да, нет)	

На обработку указанных выше
персональных данных согласен

_____ / Ф.И.О.

Ждем Ваши заявки и материалы!

С уважением,
Оргкомитет Форума

Подписано в печать 24.03.2017. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 7,03. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 500. Заказ № 744

Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ